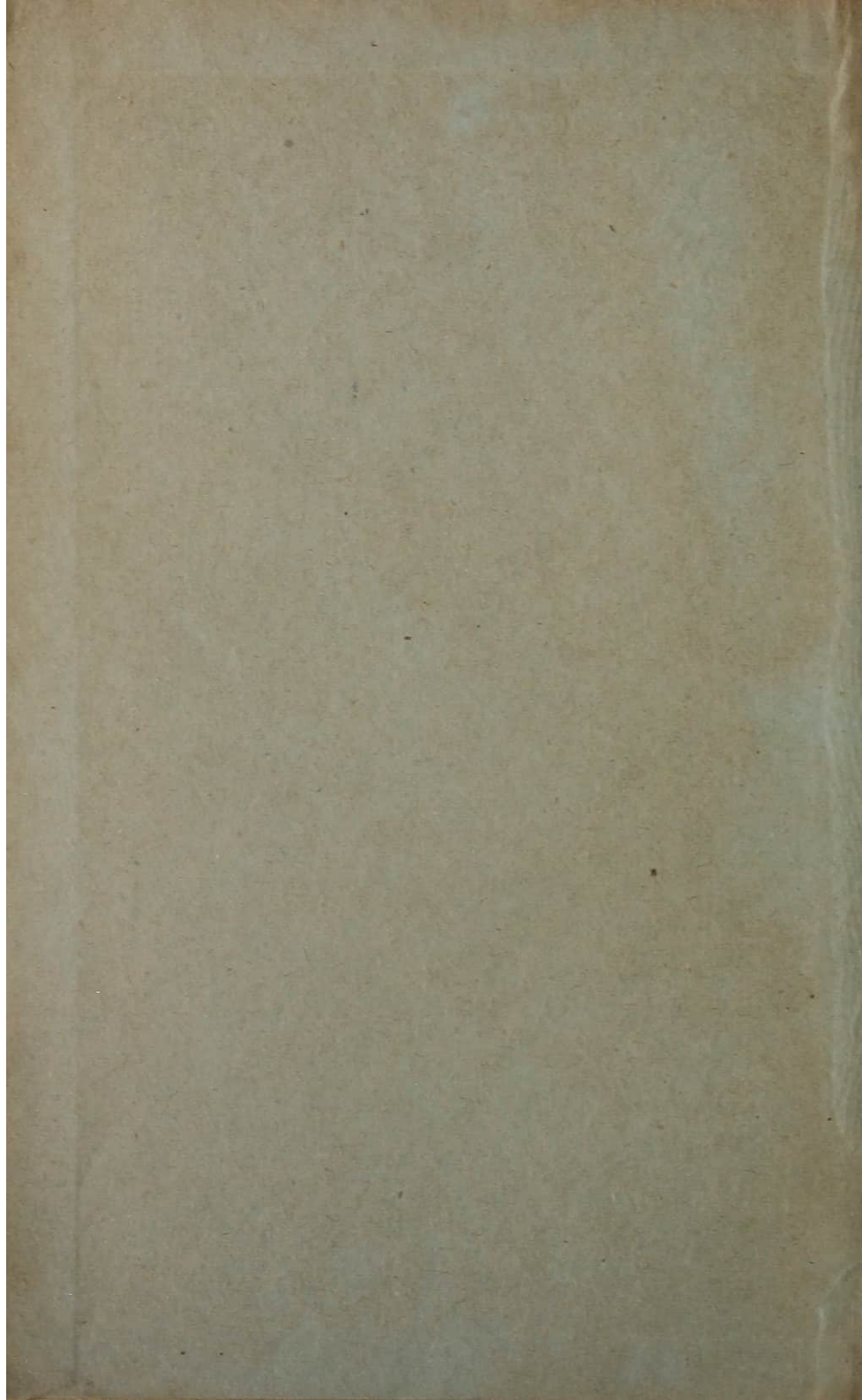

19.106K 7

Наши Фабрики

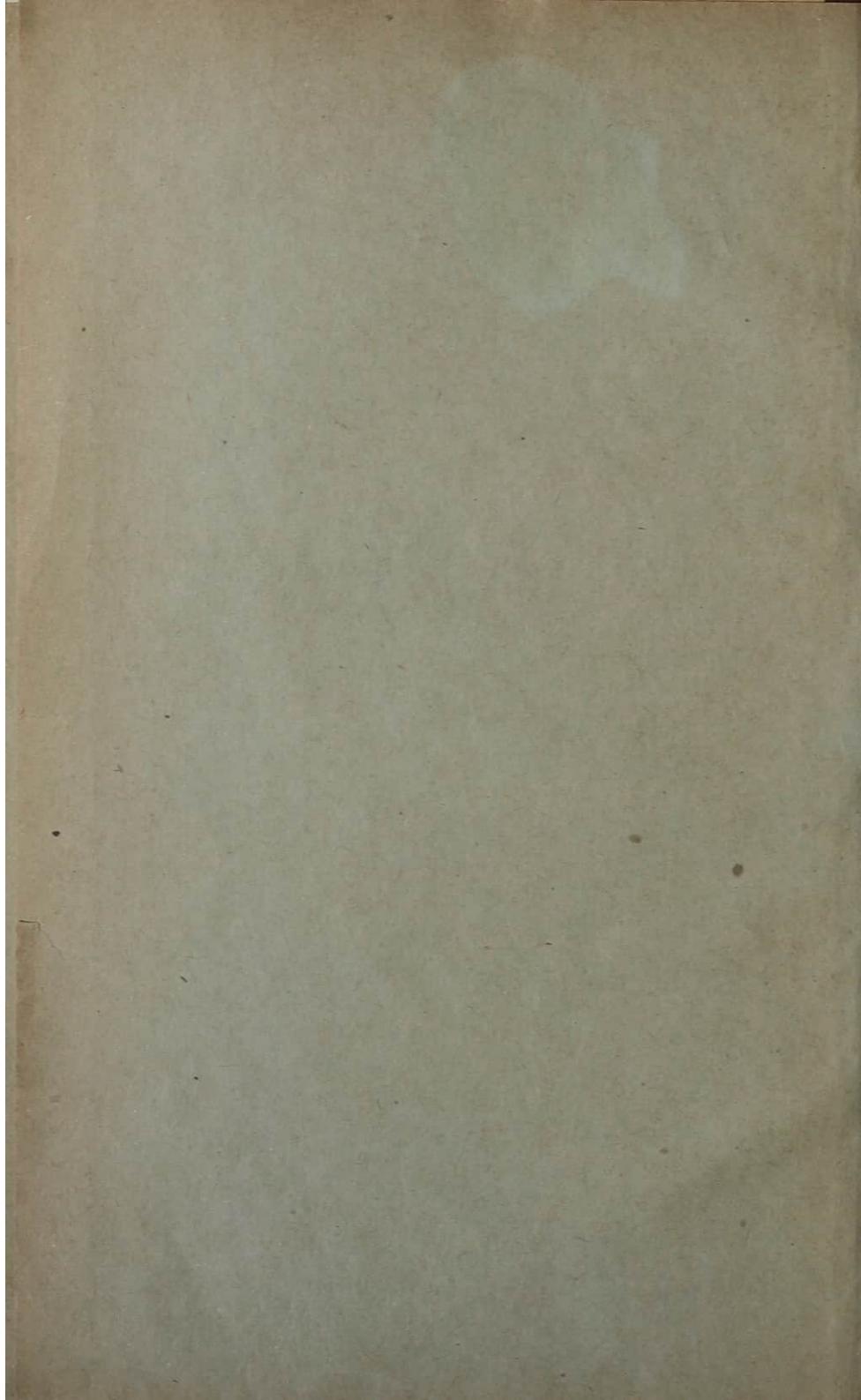

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

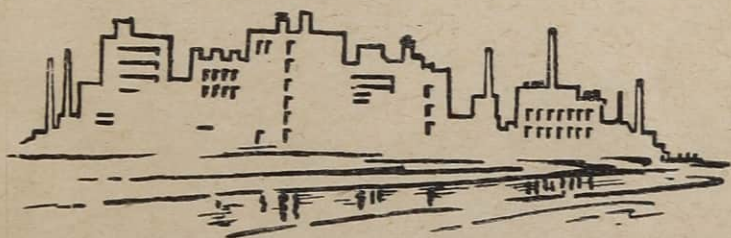
Коллич. пред. выдач _____

20.08.02	- 432800
24.09.02	41952 17.05.03
12.11.02	48050 <u>5</u> n21713
30.01.03	382119
22.03.03	1894 <u>9</u>
12.05.03	10320 <u>9</u>
12.05.03	- 116290
13.05.03	- 23567 <u>9</u>
18.05.03	3570 - 30 000 000. 1111

Наши ФАБРИКИ

очерки

— 2010

ИВАНОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

~~1702667~~

52

Кр. 19106

Очерки, напечатанные в этой книге, кратко знакомят читателя с текстильными предприятиями г. Иванова, с их историей, революционной борьбой иваново-вознесенских текстильщиков, с достижениями коллективов и передовиками производства, ныне работающими на текстильных предприятиях города.

Книга рассчитана, главным образом, на молодого читателя, желающего лучше познакомиться с фабриками и их коллективами.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В далекие уголки великого, многонационального Советского Союза и во многие зарубежные страны идут ивановские ткани. Славные страницы в мировую историю текстильного производства вписаны ивановцами и еще более славные — в историю боевого революционного рабочего движения. Молодые люди знают об этом по книгам и брошюрам, но в Иванове есть и живые свидетели старой истории и творцы новой.

Город знаменитых текстильщиков за годы Советской власти поистине неузнаваемо изменился. Появились, окрепли и развились машиностроительная, деревообрабатывающая, химическая и многие другие отрасли промышленности. Но город славных текстильщиков не потерял своего лица, наоборот, в нем еще более окрепло и расширилось текстильное производство, — выросли новые хлопчатобумажные фабрики и комбинаты, несравнимо преобразились старые текстильные предприятия, значительно пополнился и приумножил свои трудовые традиции боевой отряд ткачей, прядильщиков и отделочников, украшающий своими тканями миллионы и миллионы людей.

Очерки, публикуемые в этой книге, предназначены, главным образом, для молодого читателя, желающего лучше познакомиться с ивановскими текстильщиками, основными промышленными предприятиями города Иванова.

Но эти краткие, популярные очерки лишь в общих

чертах знакомят читателя с историей текстильных фабрик города, и они не могут заменить специальной, изданной ранее и выпускаемой в настоящее время литературы по истории города Иванова и отдельных фабрик, и тем более они не исчерпывают богатейшей истории революционного рабочего движения в Ивановском текстильном крае, достойной широкого освещения.

Публикуемые в этой книге очерки лишь частично вводят читателя в эти вопросы.

**

Отзывы о книге просим присылать по адресу:
г. Иваново, Крутицкая, 9. Книжное издательство.

В. Кузнецова

Гордо высятся каменные корпуса фабрики имени Варенцовой. Многие видели эти старые корпуса. Многие поведали бы они, если бы умели говорить...

Не годами, не десятилетиями, а двумя веками исчисляется родословная фабрики. Более двухсот лет назад начала работать первая в селе Иваново полотняная мануфактура (ручное производство). Хозяином ее был крепостной крестьянин Бутримов. В пятидесятых годах XVIII столетия у него на фабрике появился неказистый деревенский мужичок — Иван Гарелин. Был он гол и беден, но ловок и смекалист, пришелся по душе хозяину и вскоре стал его доверенным лицом.

Ловкий делец, он удачно вел торговые операции, закупку сырья, продажу готовой продукции, умело извлекал барыши и понемногу накапливал для себя капитал. Десяток лет спустя этот разбогатевший приказчик сумел купить предприятие хозяина в свою собственность. Он-то и явился родоначальником знатной и могущественной фамилии фабрикантов Гарелиных.

С годами размеры его предприятия значительно увеличились. Далеко окрест в деревенских избах на ручных ткацких станах ткались льняные полотна для господ Гарелиных. Это фабриканту обходилось дешевле: работающим на дому платили меньше, чем рабочим фабрики. Он получал громадные барыши. Русские полотна очень высоко ценились за границей. Английский парламент счи-

тал, что «не сможет обойтись без русских полотен, они необходимы и для флота и для торговли».

В конце XVIII века отдельные предприятия села Иванова стали выпускать хлопчатобумажные ткани, научились употреблять различные органические и минеральные краски.

В 1832 году на фабрике Гарелиных появилась первая в селе паровая машина. Производство совершенствовалось. Ивановские ситцы отличались изяществом узоров, тонкостью отделки и расходились далеко за пределы страны.

За высокое качество ситцев Гарелины не раз получали медали на Всемирных выставках в Вене, Чикаго и других городах. А талантливые мастера — набойщики, красковары оставались в тени. Они были людьми крепостными, угнетенными, их никто не замечал.

Сами фабриканты Гарелины тоже долгое время находились в крепостной зависимости от графа Шереметева.

Жестоко эксплуатируя рабочих и крестьян, братья Никон и Петр Гарелины наживали несметные капиталы. В 1828 году они выкупились на волю. Условия выкупа были очень тяжелы. Кроме огромных денег, им пришлось отдать помещику все фабричные и хозяйственные постройки, оборудованные. Из хозяев фабрики они превратились в арендаторов ее. Но лет десять спустя Гарелины вновь купили часть фабричных построек и земельных участков. Затем братья разделились. Никону достались постройки нынешней фабрики имени Варенцовой, а Петру — корпуса нынешней фабрики имени Самойлова.

Шли годы. Фабрика развивалась, хозяева богатели. Но рабочим жилось тяжело. Неграмотные, забитые, они работали до семи потов. По тринадцать-пятнадцать часов стояли они за станком. Разбитые, обессиленные люди едва брели к своим домишкам. Часы отдыха пролетали быстро, и вновь гудок звал их на работу. Не освободившись от усталости, они оставляли свои грязные лачуги, тесные фабричные казармы и вновь торопились на фабрику. И так изо дня в день. А когда наступал срок «дачки» (так иронически текстильщики называли заработную плату), им выдавали жалкие гроши.

Люди терпели. Но сердце закипало тоской и злобой. Выведенные из терпения, они ломали машины, били стек-

ла, поджигали хозяйские дома и фабрики. Поджоги были одной из форм протеста рабочих. Так 28 октября 1820 года крепостной Гарелина Иван Егоров попытался поджечь дом хозяина. Но попытка не удалась, и он попал в руки полиции.

После отмены крепостного права с 1861 года развитие промышленности в России пошло быстрее. На территории текстильного края пролегали железные дороги, связавшие его с Волгой, с крупнейшими торговыми городами.

Фирма «Никона Гарелина сыновья» механизировала свое прядильное и ситцепечатное производство. Только пряжа для ткачества по-прежнему раздавалась отдельным ткачам на дом. Тысячи рабочих отдавали свой труд, здоровье, свою жизнь, создавая миллионные барыши Гарелиным. А положение рабочих все ухудшалось.

Если бы старые корпуса могли говорить, они рассказали бы страшные истории. Они видели, как рабочие калечились, отравлялись ядовитым воздухом, изувеченные падали замертво у машин.

Ивановские фабриканты строили свои фабрики с наименьшими затратами, без всякой вентиляции. Машины в зданиях, в целях экономии, размещались плотно одна к другой. Увечья рабочих происходили почти ежедневно.

Об этих страшных картинах говорят архивные документы:

«Находясь в работе, крестьянский мальчик Нерехтского уезда, Игнатовской волости... Ефим Спиридонов 13-ти лет сего 1873 года марта 15 дня в 4 часа пополудни... упал в мыльную горячую ванну, обварив себе тело...»

В другом документе говорится:

«Находясь в работе по свидетельству из Юрьевецкого уездного полицейского управления солдатский сын Аристарх Васильев Потапов 16-ти лет 10 февраля 1872 года в 2 часа пополудни... машиной переломал себе правую руку... и левую ногу в колене».

О таких жутких случаях, когда рабочие лишались рук, ног, а иногда и совсем погибали, рассказывают очевидцы.

Большевик-подпольщик М. А. Багаев в первые же дни своего поступления на фабрику Мефодия Гарелина был свидетелем несчастного случая. Рабочий проходил между близко стоявшими машинами, у него зубцами ше-

стернихватило подол рубашки. Он пытался вырвать рубаху, но быстро вращающаяся шестерняхватила пальцы руки. По крику пострадавшего машинуостановили, но кисть руки рабочего превратилась в бесформенный окровавленный кусок мяса.

В другой раз М. А. Багаев видел, как у рабочего, смазывавшего подшипники трансмиссионного вала во время работы, болтом шкивахватило рукав блузы. Рабочий был переброшен несколько раз через вал и упал на пол мертвым.

Горе не забывало тружеников. Заработной платы едва хватало на скудные харчи. Все более отчетливо понимали люди несправедливость своего положения.

В 1871 году на фабрике Н. Гарелина вспыхнула стихийная стачка подростков и малолетних. Они требовали увеличить заработную плату. Из Шуи приехал для усмирения уездный исправник. И даже он доносил губернатору: «Положение малолетних рабочих я нахожу весьма грустным и может иметь самые губительные для них последствия».

Представители власти считали эту забастовку, как разведку. Рабочие не решались начинать сами, в разведку пустили детей. В недрах масс начиналось брожение. То на одном, то на другом предприятии вспыхивают забастовки. Силы пролетариата крепнут. Из его среды выделяются организаторы масс.

Большой популярностью среди рабочих пользовался Евлампий Александрович Дунаев. Первую боевую закатку он получил на фабрике Гарелина. Семнадцатилетним юношей определился он на эту фабрику. Сын лежневского крестьянина, Дунаев познал и беспросветную деревенскую жизнь и горькую долю городского рабочего. На гарелинской фабрике он работал с 1894 года по 1897 год сначала подавальщиком, потом проборщиком. Здесь приобщался он к борьбе рабочих за свободу, создавал нелегальные рабочие кружки.

С годами Е. А. Дунаев стал опытным конспиратором, любимым оратором и пропагандистом. Его речь была яркой, образной, он умело пользовался иронией, рассказывая о фабричных порядках.

Тяжко приходилось рабочим гарелинской фабрики. Владелец фабрики Мефодий Гарелин считался одним из самых могущественных королей ситцевого царства. Но

был он скуп и ненасытно жаден, выжимал из рабочего все его силы. Если обиженный рабочий приходил просить хозяина прибавить ему хотя бы немного, он зло сбрасывал свое порывшее пальто, ругался и кричал: «Грабьте сироту!»

Если к нему за помощью обращалась вдова, потерявшая кормильца на его же фабрике, он бесцеремонно выпроваживал ее, приговаривая: «Я, матушка, сам сирота!»

Так его и прозвали «Мефодка-сирота». Но этот «сирота» не прочь был повеселиться за границей, подивить мир своей нелепой щедростью, выбрасывая уйму денег.

На гнет и произвол фабрикантов рабочие отвечали сначала стихийными, а затем все более организованными выступлениями. В 1892 г. в Иваново-Вознесенске возникает первый марксистский кружок. Растет классовая солидарность рабочих. Когда в 1897 году фабриканты сделали попытку сократить число праздничных дней, рабочие объявили всеобщую забастовку. Всего бастовало до 14 тысяч человек.

Кровавые события 9 января 1905 года в Петербурге всколыхнули всю страну. 17 января 1905 года иваново-вознесенские металлисты начали политическую стачку. Но полиция не дала этой стачке перерасти во всеобщую. Подготовленная большевиками, всеобщая политическая стачка началась в мае 1905 года, она продолжалась 72 дня. В ней участвовало около 70 тысяч рабочих.

Вместе с другими рабочие фабрики Гарелина остановили машины и предъявили ряд требований фабриканту. Они требовали установить 8-ми часовой рабочий день, повысить заработную плату, выдавать квартирные тем, кто жил на частных квартирах. Требовали уволить ряд лиц из фабричной администрации.

Героическая борьба иваново-вознесенских рабочих во время двухмесячной летней забастовки 1905 года показала всему миру их великую сплоченность и преданность интересам пролетариата. Эта знаменитая стачка вошла в историю борьбы рабочего класса России.

Выступление иваново-вознесенских текстильщиков высоко оценивал В. И. Ленин. «Иваново-Вознесенская стачка,— писал он,— показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем цен-

тральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки».¹

Только голод принудил рабочих встать за станки. Рабочие фабрики Гарелина вынуждены были также вернуться на свои места. Но борьбу с хозяином не прекратили. Если дирекция не соглашалась удалить с фабрики грубиянов-администраторов, то рабочие сами расправлялись с ними. Они накидывали на виноватого куль или мешок и вывозили его на тачке за фабричные ворота.

Однако рабочим по-прежнему приходилось туго. О тяжелом положении их на фабрике Гарелина большевистская газета «Правда» (от 11/24 августа 1912 года № 88) писала:

«Каторжные условия на нашей фабрике. Бродим, как тени, исхудалые и полуголодные, получая за 10, 5-часовой рабочий день жалкие гроши: на красковарке — от 56—65 коп. в день, на заварке — 42—48 коп., на печатных машинах — 60—65 коп., на сушилке — 42—48 коп... и т. д.»

В другом номере «Правда» поместила такую корреспонденцию с фабрики Гарелина:

«Мы думаем, что мы близки к аду, и фабричная администрация нас скоро будет поджаривать на огне. Нет времени взглянуть на свет среди пуху и пыли в нашем прядильном корпусе. Душа больше не принимает и без того засохший хлеб. Мы уносим его обратно. Идя с работы, еле тащим ноги. Стали все чаще и чаще повторяться случаи падения в обморок за машиной...»

Первая империалистическая война принесла невиданные прибыли капиталистам и еще большие тяготы рабочим. Лилась солдатская кровь, лились вдовьи слезы, стонал весь народ.

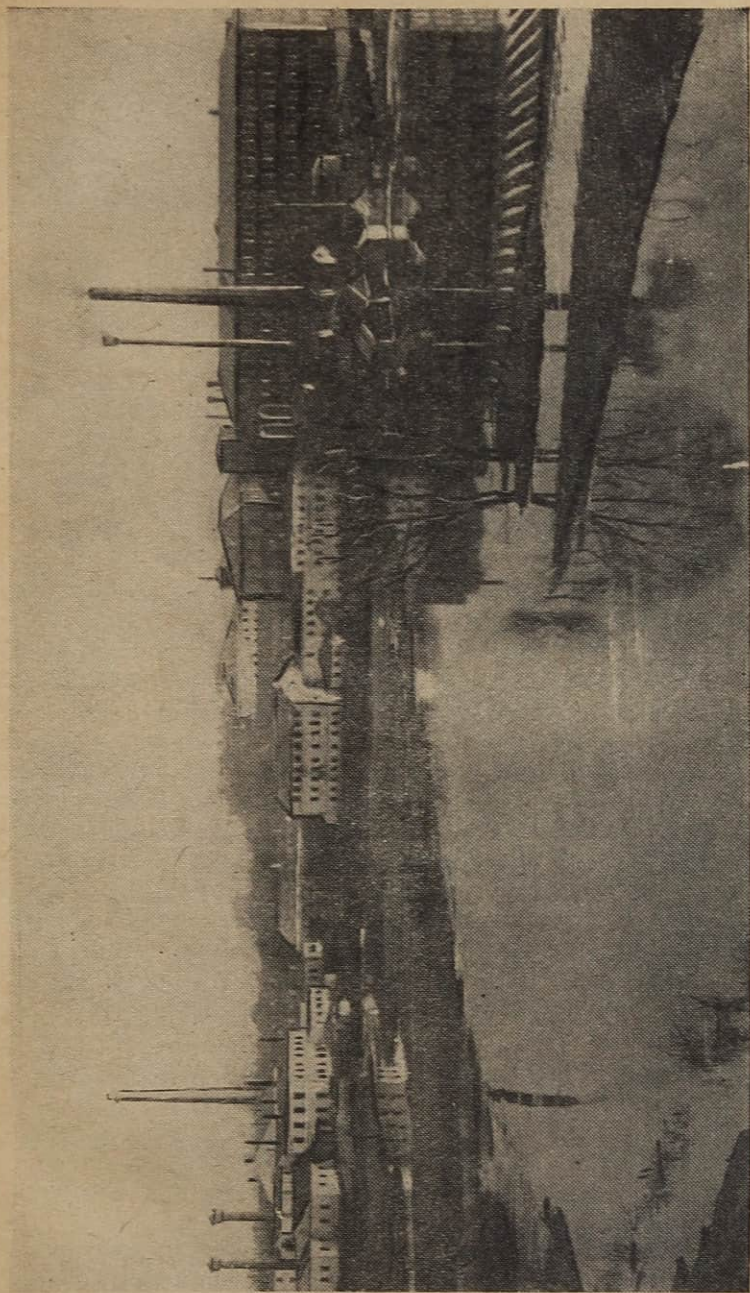
В годы войны производство сокращается. Фабрика Мефодия Гарелина в первые же месяцы войны сократила производство почти на одну треть. Рабочие были заняты лишь четыре дня в неделю. Но прибыли хозяина росли.

Фабриканты наживались на военных заказах. В обычных условиях средняя прибыль на иваново-вознесенских текстильных предприятиях составляла 10—12% к основ-

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 308—309.

Фабрики г. Иваново-Вознесенска в конце 90 гг. XIX века.

ному капиталу. В военные годы она повысилась в среднем до 42⁰/₁₀₀. А рабочий люд терпел огромные лишения. Цены на продукты все повышались, не хватало даже самого необходимого — хлеба, не говоря уже о других продуктах.

Один из ивановских поэтов писал тогда: «И кровь текла, и золото текло. У бедных горе, праздник у богатых».

Дороговизна жизни, нужда возмущали рабочих. 8 августа 1915 года в стригальном отделе фабрики Мефодия Гарелина появилась листовка, изданная Тверской группой РСДРП, — «Что делать?»

«Вот уж год, как земля захлебывается в вашей крови. Подкошены миллионы цветущих жизней, разорены целые края народностей. Калеки, как привидения, плетутся на каждом шагу, а голод протягивает к рабочему свои костлявые руки. Да это все еще не конец. Буржуазия усиленно мобилизуется.»

Листовка призывала сплотить силы для решительной борьбы с царской монархией, призывала превратить империалистическую войну в гражданскую.

В городе возникают стачки и демонстрации. В начале августа 1915 года текстильщики объявили всеобщую политическую стачку. Они требовали мира, свободы, хлеба.

10 августа 1915 года царские палачи расстреляли мирную демонстрацию рабочих. 30 убитых и несколько десятков тяжело раненных обагрили своей кровью мостовую у старого Приказного моста. Среди убитых было трое с фабрики Мефодия Гарелина — помощник мастера Григорий Венедиктович Царев, участвовавший в революционном движении с 1902 года, рабочие Иван Егорович Коровкин и Дмитрий Евстафьевич Волков.

И вот грянул грозный 1917 год — год величественный и суровый.

В феврале восставшие рабочие свергли царское самодержавие.

В Иваново-Вознесенске в первые же дни после свержения самодержавия образовался Совет рабочих и солдатских депутатов, преимущественно из большевиков. Идея Советов жила в сознании иваново-вознесенских рабочих с 1905 года, когда они создали Совет уполномоченных — один из первых Советов рабочих депутатов в Рос-

сии. Теперь по опыту 1905 года вновь выбрали они в Совет своих представителей.

Совет вскоре стал полноправным хозяином в городе. На фабриках рабочие самочинно вводят восьмичасовой рабочий день, устанавливают рабочий контроль за производством, требуют от капиталистов улучшения жизненных условий трудящихся.

На фабрике Гарелина избран первый фабком. Первые шаги его деятельности были еще робкие. Но в людях рождалось и крепло чувство хозяина. Осуществляя рабочий контроль, они проводили проверку документов и книг предприятия, контролировали запасы сырья и материалов, раскрывали спекуляции фабриканта.

Фабком не позволял хозяину необоснованно сокращать производство, увольнять рабочих. Рабочие создавали свои вооруженные дружины для охраны фабрики от порчи производства. Так люди постепенно готовились к самостоятельному управлению фабрикой без эксплуататоров. (Фабрики были переданы в собственность Российской Федерации постановлением ВЦИК от 18 марта 1919 года).

Летом 1918 года на молодую Советскую республику напали 14 империалистических государств. Полуголодные, усталые рабочие после трудового дня в цехах отправлялись на обучение в отряды рабочего ополчения. В стране не хватало хлеба, сырья, топлива. Предприятия останавливались. Опустели фабричные корпуса и бывшей гарелинской фабрики.

Почти пять лет стояла фабрика, безмолвствовали машины, сырость подтачивала здание. Но энергия рабочих, желание победить разруху помогли возродить фабрику. 8 августа 1923 года вновь ожили старые фабричные корпуса.

В цехах фабрики стояло старое допотопное оборудование. Ткацкие станки были установлены тесно, что затрудняло их обслуживание. Правда, у машин, станков появились предохранительные решетки, барьеры, и люди работали спокойно. Исчезла постоянная угроза попасть под валы, в движущиеся механизмы. Несмотря на изношенность оборудования, коллектив из года в год увеличивал производительность труда.

В стране широко развернулось строительство новых предприятий и реконструкция старых фабрик и заводов.

В Иваново-Вознесенске появились фабрики-дворцы им. Дзержинского и «Красная Талка». Началось строительство Меланжевого комбината. Требовались новые кадры, умелые руки.

Тогда-то Сосневская прядильно-ткацкая фабрика (так называли бывшее гарелинское предприятие) стала кузницей кадров. Ее реорганизовали в образцовую фабрику-школу (1932 год). Здесь был установлен особый двухсменный режим работы, созданы учебные кабинеты.

В 1935 году фабрике присвоили имя старейшего деятеля Коммунистической партии Ольги Афанасьевны Варенцовой.

Многие из старых рабочих помнят эту мужественную, энергичную женщину. С юных лет начала она свою революционную деятельность, была одним из организаторов первых марксистских рабочих кружков в Иваново-Вознесенске.

О. А. Варенцова участвовала в создании «Северного рабочего союза», руководила его работой. («Северный рабочий союз» объединил социал-демократические организации Ярославской, Владимирской, Костромской, а позднее и Тверской губерний. Идею его создания одобрил В. И. Ленин. Этот «Союз» возник летом 1900 года по инициативе социал-демократической группы Иванова-Вознесенска.)

Царское правительство жестоко преследовало женщину-революционерку. Но ни аресты, ни тюремные заключения, ни ссылки не сломили эту сильную духом женщину.

После Великой Октябрьской социалистической революции О. А. Варенцова неумоимо работала на ответственных партийных постах. В 1919—1921 годах была секретарем Иваново-Вознесенского губкома РКП(б). Затем ее перевели в Москву, в аппарат Центрального Комитета Коммунистической партии. Многие годы работала в институте марксизма-ленинизма. Она умерла на 88 году своей жизни (в 1950 г.) в Москве.

Более 15 лет фабрика-школа им. Варенцовой готовила кадры для текстильных предприятий области. Тысячи квалифицированных прядильщиц и ткачих выпустила она за годы своего существования. (В 1948 году фабрике дали повышенный план как самостоятельной производственной единице). Воспитанников фабрики можно

встретить теперь на текстильных предприятиях Ташкента, Тбилиси, Ленинграда. Некоторые из ее учеников стали известны далеко за пределами родного города. Ткачиха Большой Ивановской мануфактуры Ираида Солодова предложила новый способ заводки нити в челнок. За это нововведение ей была присуждена Сталинская премия.

В годы Великой Отечественной войны не на жизнь, а на смерть бился советский народ за свою свободу и независимость, каждый как мог помогал фронту. Текстильщики фабрики им. Варенцовой вместе со всем народом помогали своим трудом Советской Армии громить фашистских захватчиков.

Возвратившись к мирному труду, коллектив фабрики настойчиво совершенствует технологию, борется за высокое качество продукции, ищет новые пути увеличения производства.

Фабрика вступила в свой третий век. В 1951 году ей исполнилось 200 лет. Но по-настоящему история фабрики началась с Великой Октябрьской социалистической революции, когда хозяевами ее стали сами рабочие.

С тех пор помолодели, обновились фабричные корпуса. Не узнать облика старой фабрики. Деревянные перекрытия заменяются железобетонными. Почти все старое оборудование заменено новым, отечественным. Вместо трансмиссий и приводных ремней у машин стоят моторы.

Весь парк прядильных машин оснащен мычкоуловителями. Это облегчает труд прядильщиц и увеличивает их производительность труда. В чесальном отделе машины оснащены цельнометаллической пыльчатой лентой. Мягко светят лампы дневного света, в цехах совершенствуется внутрифабричный транспорт, устроены монорельсовые пути для транспортировки пряжи.

Прежде капиталистические фабрики могли похвастаться лишь фабричными «кутузками», куда сажали провинившихся рабочих. На наших текстильных предприятиях иные учреждения,— например, на фабрике им. Варенцовой есть свой медицинский пункт, комната матери и ребенка, комната гигиены и другие.

Перемены произошли во всем. Раньше каждая фабрика имела свои котельни. В душных закопченных помещениях стояли котлы, дымили топки. На фабрике им. Варенцовой два года назад ликвидировали котельню и

устроили современного типа паропровод с питанием от ТЭЦ-2. Это позволило рационально использовать помещение котельной. Теперь не дымит труба, нет копоти и золы.

Много потрудился коллектив, чтобы обновить, реконструировать свое предприятие. В 1953 году он выступил инициатором движения за рациональное использование производственной площади. В одном из подсобных помещений оборудовали прекрасный ткацкий цех, где установлено 192 автоматических станка новейшей конструкции — АТ-100-1. Установлено дополнительно десять прядильных машин.

В последующие годы полностью реконструирован основной корпус ткацкой фабрики. Выброшены допотопные механические ткацкие станки. Вместо них фабрика получила более 450 новых автоматических ткацких станков марки АТ-100-2.

За столбиками цифр проекта семилетнего плана развития фабрики встает живая картина завтрашнего дня. Вот надстроен новый, светлый этаж ткацкого корпуса. Заново переделаны прядильный и приготовительный отделы, создан крутильный цех (фабрика осваивает новые виды крученых тканей). Во всех цехах новейшие машины, всё механизировано. Прохладу и свежесть в производственные залы приносит отличная вентиляция. Да, это будет новое предприятие, оснащенное передовой техникой.

Приход новой техники сопровождается бурным ростом творческой активности масс. Неузнаваемо изменились люди.

Раньше редко кому из рабочих удавалось окончить начальную школу. Теперь у машин и станков трудятся рабочие и работницы, окончившие семилетку или десятилетку.

Трудясь на производстве, они учатся в вечерних школах, техникумах, институтах. Помощник мастера Р. К. Гойлова учится без отрыва от производства в текстильном институте. Прядильщица А. В. Луконина, помощник мастера В. М. Белов — студенты юридического института. Мастер И. И. Фурков вырос здесь на производстве, закончил недавно текстильный техникум с отличием, учится теперь на втором курсе текстильного института. Таковы типичные рядовые рабочего класса наших

дней. Их отличительная черта — стремление идти вперед, неустанно учиться.

Весь командный состав предприятия, кроме двух практиков, — люди со средним и высшим образованием.

Коллектив фабрики выписывает свыше 700 экземпляров различных газет и журналов. Наука, знания, учебная стали неотъемлемой частью жизни и труда.

Среди рабочих более 80 рационализаторов и изобретателей. Их творческая мысль направлена на совершенствование фабричного производства, механизацию трудоемких процессов труда, на экономию сырья и материалов.

В. И. Бахмутов — начальник паросилового хозяйства предложил реконструкцию бойлеров на пароприемном пункте, это предложение дает 50 тысяч рублей экономии в год. В чесальном цехе успешно применяется ряд предложений помощника мастера Л. П. Разживина.

Разве все это могло быть при фабриканте? Нет! Вот об этом и рассказывают молодым текстильщикам ветераны труда. Многие из них ушли на отдых. Но они не порвали с коллективом. Часто можно встретить на фабрике старых коммунистов: Сергея Семеновича Логинова, Татьяну Геннадьевну Смирнову, Якова Степановича Соколова и многих других. Они беседуют с молодежью, выступают на собраниях, делятся своими знаниями, жизненным опытом.

Коммунисты предприятия, представители старшего поколения, показывают молодежи личный пример инициативы, честного отношения к труду, пример дружбы и товарищества. Скольких выучили они, скольким передали свою сноровку, сколько труда вложили в родную фабрику! У них, старых текстильщиков, учились молодые молниеносно устранять обрыв нити, без лишнего движения заправлять челнок, находить новый, более выгодный маршрут обхода машин и т. д.

Коммунисты — старшие советчики молодежи. Партийный группорг З. А. Дергачева часто беседует с комсомольцами своего ровничного отдела (очень трудно в отделе последнее время: высок процент брака). Партийный группорг не ругает отстающих, а по-матерински напоминает им о комсомольском долге, о взаимной помощи. Разговор бывает крутой с теми, кто не принимает доброго слова.

2. Наши фабрики

кр. 19106

Тревожат партийного группорга и другие мысли. Несколько девушек бросили вечернюю школу — надо заставить их вернуться к учебе. Молодой матери ровничнице Наде К. нужна помощь в сложных вопросах семейной жизни. Заболел товарищ по работе — надо навестить его. Все эти повседневные заботы — подать руку помощи другому, поддержать в трудную минуту — норма поведения советского человека.

Приметы нового времени, отличительные признаки новой советской эпохи видны во всем. Уже не господа Гарелины, Куваевы и прочие богатеи ездят теперь за границу. Едут туда рядовые рабочие. Фабрика им. Варенцовой недавно премировала заграничными туристическими путевками двух своих помощников мастера — тт. Белова и Макарова. Чудесна другая картина наших дней: грузовая автомашина с новой мебелью и другими домашними вещами. Люди — довольные и счастливые. Они сгружают столы, диваны, кровати и вносят в новый дом. Почти сто новоселий за год отметили рабочие фабрики им. Варенцовой.

Новые квартиры получили лучшие люди фабрики, молодежь и старики, многодетные семьи, получили самые нуждающиеся, которые жили раньше по частным квартирам. Любовно убирает свою новую комнату ровничница Тамара Коновалова: теперь можно сделать и детский уголок для малыша, отвести место для занятий. В новых домах — все удобства: водопровод, центральное отопление, электроосвещение. В некоторых домах есть и ванны.

Фабрика строит еще два дома. В ближайшее время еще свыше 80 семей справят новоселье. Правда, с жильем пока трудно, — появляются новые семьи, растет население.

Вот живут девушки в общежитии, потом одна, другая, третья выходят замуж. За год в общежитии фабрики им. Варенцовой отмечено более 70 свадеб. В этом общежитии живет свыше 260 девушек. В их комнатках чисто, уютно, красиво убрано.

Труженики фабрики умеют хорошо работать. Об этом говорят многочисленные записи в Книге почета предприятия. В числе передовиков производства — прядильщица П. В. Банникова, сновальщица Н. Ф. Бурцева, ровничница Т. Ф. Коновалова и много, много других. По-

трудившись, текстильщики умеют весело и хорошо отдыхать.

Молодежь вряд ли знает, что их дедам негде было проводить досуг. Ни клубов, ни стадионов, ни библиотек для рабочих не создавалось. Ими пользовались фабриканты и их семьи. Для рабочих же существовали тогда церкви и кабаки. Теперь каждая фабрика имеет свой очаг культуры — клуб.

Здесь проводятся разнообразные вечера. Их стараются делать непохожими один на другой, глубокими по содержанию. На вечере молодых хозяек, например, демонстрировались модели платьев, проводился конкурс на лучшую отделку платьев, была выставка вышивок.

Когда проходят концерты художественной самодеятельности, даже пожилые рабочие не сидят дома. Интересно послушать своих музыкантов и певцов, посмотреть свой танцевальный коллектив.

В библиотеке клуба большой выбор для любителей чтения — свыше 25 000 книг и брошюр. А те, кто увлекается физкультурой и спортом, спешат после смены на гимнастические площадки, на стадионы.

Новая счастливая жизнь и у малышей. В белых уютных особняках (это детские сады и ясли) находятся дети, пока их матери трудятся на производстве. Женщины спокойны за детей: их вовремя накормят, с ними погуляют, когда следует уложат отдохнуть.

... Заглянем ли в цеха, в фабком, партийное бюро или на квартиру к рабочему — всюду увидим отражение нашей светлой жизни.

Если бы старые корпуса могли говорить... Когда-то видели они здесь подневольных людей, чьи души изъела нужда, унижения. Теперь они видят их детей и внуков — гордых хозяев советской земли.

А. Лобко

На новых землях Вознесенского посада, там, где берег полого спускался к мутным водам тихой Уводи, в середине 1855 года появилась фабрика. Первые корпуса ее не отличались большими размерами, но оснащены они были, по тем временам, неплохо. Ситцы, сходившие с валов печатных машин, привлекали к себе внимание яркостью красок, добротностью отделки. Товар находил повышенный спрос на Нижегородской, Ирбитской, Харьковской ярмарках, продавался в Москве, Казани, Тифлисе и других городах царской России.

Фабрикант богател, расширял свое предприятие. Шестнадцать лет спустя, когда село Иваново и Вознесенский посад объединились в безуездный город Иваново-Вознесенск, хозяин фабрики Иван Гарелин, кроме ситцепечатного, имел уже и ткацкое производство, в котором насчитывалось до тысячи станков, и отбельное — с пятью варочными кубами.

Ткани «Товарищества мануфактур Ивана Гарелина с сыновьями» пользовались все большим признанием, отмечались золотыми и серебряными медалями на Всероссийских выставках в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и даже, в 1900 году, на Всемирной выставке в Париже!

Сын крепостного фабриканта Иван Гарелин отличался суровым, деспотическим характером. Однако его преемник Александр, получивший фабрику по наследству, был значительно хуже. Высокий, сухощавый с коротко

остриженной седой головой, он своим видом напоминал хищную птицу. Жажда наживы глушила в нем человеческие чувства. Среди промышленников Александр Иванович Гарелин почитался оборотливым предпринимателем, умеющим использовать любые средства для увеличения своего капитала. Основным источником огромных прибылей являлась, конечно, бессовестная эксплуатация рабочих.

Много тяжелого труда вкладывали талантливые народные умельцы в изготавливаемую ими ткань. Но за свою изнурительную работу они получали гроши, которых едва хватало на пропитание. Однако и этот крайне скудный заработок постоянно обкрадывался бесчисленными штрафами и вычетами. Особенно трудно приходилось женщинам и детям. Платили им меньше, чем мужчинам, а работу спрашивали наравне. Рабочий день на фабрике продолжался 14—15 часов. Летом он обычно начинался в четыре, а зимой в пять часов утра и продолжался, с небольшим перерывом на обед, до восьми часов вечера.

Положение иваново-вознесенских рабочих было настолько тяжелым, что даже капитан корпуса жандармов Тимофеев не мог скрыть этого от своего начальства. «Нельзя не сказать, — сообщал он в своем донесении, — что вообще ивановские рабочие в высшей степени подавлены гнетом своих хозяев-фабрикантов, сильно их эксплуатирующих. Низкая заработная плата, при чрезвычайной дороговизне в селе Иванове продовольственных продуктов, еще больше уменьшается разного рода вычетами и штрафами, которые взыскиваются фабрикантами».

Жили рабочие в невыносимых условиях. Один из старых рабочих фабрики Константин Александрович Завьялов так писал в своих воспоминаниях:

«На выходе из фабричного двора, рядом с большим зданием, с квартирами высшей фабричной знати, разбит небольшой парк из серебристых тополей. Выходя одной стороной на улицу, тянется другой — громадный корпус с квартирами служащих — пониже. Три этажа этого здания раньше были строго распределены под такие жилища. В нижнем — комнаты обширные, со всеми удобствами. Их занимали разные помзавы, мастера, старшие конторщики. Во втором — жили на служебную

ступеньку пониже: табельщики, приказчики по двору, мелкие конторщики, хожалые, отмеченные «милостью» Гарелина по его прихоти. В третьем — маленькие комнатухи, более достойные названия «каморок», заселялись рабочей силой. Но и эти «каморки» в награду от Гарелина получали за особую преданность, покорность, за долгую работу. Здесь ютились слесари, столяры, кочегары, смазчики, но ткачи и этой «чести» не достигали».

Ткачи проживали на частных квартирах, спали в нестерпимой духоте вповалку, — по стольку человек в комнате, сколько могло плотно улечься на полу. Причем, тюфяк, набитый сеном, считался большой роскошью. Обычно ложились на поношенное, замасленное тряпье, которое днем служило одеждой, а ночью — постелью. Но и такие условия были далеко не у всех. Случалось, что рабочие проводили ночь там же, где трудились день.

Неудивительно поэтому, что иваново-вознесенские трудящиеся, искусная работа которых высоко оценивалась на Всероссийских и Всемирных выставках, называли свою жизнь собачьей.

Рабочие, конечно, понимали всю несправедливость существовавших порядков и потому стремились улучшить свое положение всеми доступными средствами. История фабрики неразрывно переплелась с упорной, героической борьбой иваново-вознесенского пролетариата, самоотверженно выступавшего совместно со всем рабочим классом России, за свои права, за полное освобождение из-под гнета эксплуататоров и царского самодержавия.

Еще задолго до появления на берегу Уводи новой фабрики, по всей промышленной округе возникали «бунты» и «народные волнения», но большей частью они носили случайный, мало организованный характер. 24 сентября 1885 года бастовали и ткачи фабрики товарищества Ивана Гарелина, требуя установления девятичасовой смены и повышения расценок.

В конце XIX века, особенно когда возникла политическая организация — «Иваново-Вознесенский рабочий союз», была установлена тесная связь с руководимым В. И. Лениным петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»; движение стало приобретать более целеустремленное направление. Из Петербурга

стали поступать листовки, брошюры, книги. Передовые рабочие на конспиративных собраниях читали «Капитал» Карла Маркса, «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «О стачках» В. И. Ленина, брошюры — «Рабочий день», «Царь-голод» и другую нелегальную литературу, которая помогала лучше познать действительность, наметить правильные пути борьбы.

Во всех революционных выступлениях иваново-вознесенского пролетариата рабочие фабрики Ивана Гарелина неизменно принимали активное участие.

Под растущим давлением рабочего движения в России царское правительство вынуждено было в 1897 году издать закон, устанавливающий продолжительность рабочего дня в одиннадцать с половиной часов. Хозяева иваново-вознесенских фабрик, желая возместить свои потери барышей от сокращения рабочего времени, объявили об уменьшении на одну четверть количества праздничных дней в году.

В ответ на это рабочие фабрики Ивана Гарелина 22 декабря 1897 года прекратили работу и объявили забастовку. Их примеру немедленно последовали рабочие еще двенадцати фабрик города. Стачка охватила около 15 тысяч человек. В ней принимал участие стойкий и неутомимый борец за торжество коммунистических идей Федор Афанасьевич Афанасьев, незадолго перед тем освобожденный из петербургской тюрьмы «Кресты», куда был заточен царской охранкой за революционную деятельность.

Помимо восстановления исключенных праздничных дней, рабочие потребовали от фабрикантов: заканчивать работы перед праздниками в шесть часов вечера, освобождать рожениц на один месяц от работы с уплатой за это время восьми рублей из штрафного капитала, предоставить рабочим право контроля за расходом сумм штрафного капитала.

— День, два погорланят, а потом сами запросятся, — успокаивал своих коллег Александр Гарелин.

— Ну тогда я покажу им Кузькину мать: в дугу согну; тяжело отдуваясь, грозился сильно ожиревший фабрикант Дербенев и стучал крепко сжатым кулаком по подлокотнику кресла.

Однако рабочие держались очень стойко. Они откры-

то собирались на площадях, организованно обсуждали создавшееся положение, намечали очередные задачи.

— Только не дайте себя обмануть, товарищи,— предупредил Федор Афанасьев.— В единстве действий, в сплоченности — наша сила и залог победы.

В связи с затянувшимися событиями владимирский губернатор вынужден был направить в Иваново-Вознесенск два батальона пехоты и вначале одну, а затем и вторую сотню казаков. Но и эти демонстрационные и провокационные действия правительства оказались безрезультатными. Они не сломили решительной настойчивости рабочих.

— Вот вам и хваленый Александр Иванович Гарелин,— в кругу «своих» ворчал крупнейший фабрикант, будущий «городской голова», Дербенев.— Его рабочие кашу заварили, а расхлебывать всем нам приходится.

Больше трех недель продолжалась стачка, непокорный, революционный дух которой был ярко выражен с самого начала. Рабочие приступили к работе только 13 января 1898 года, когда фабриканты удовлетворили их требования о праздниках.

Спустя полгода «Иваново-Вознесенский рабочий союз» был переименован в «Иваново-Вознесенский комитет РСДРП». Влияние партийной организации на рабочие массы усилилось. Стички рабочих с фабрикантами участились. Ткачи и отделочники фабрики Ивана Гарелина не отставали от своих товарищей.

4 июня 1901 года все рабочие фабрики отправились к фабричному инспектору и потребовали, чтобы отличавшийся несправедливыми придирками и ложными доносами табельщик был немедленно уволен.

Фабричный инспектор помчался к хозяину фабрики.

— Как быть, Александр Иванович? Рабочие требуют, настаивают.

— Кто посмел? Выгоню! — закипел Гарелин.

Но рабочие пригрозили забастовкой, и фабриканту пришлось обуздать свой буйный характер, выполнить требование.

Об этом случае иваново-вознесенские корреспонденты рассказали на страницах Ленинской «Искры». Ознакомившись с положительным опытом борьбы «гарелинских» рабочих, передовые пролетарии во всех концах России, куда доходила «Искра», конечно, думали:

«Значит и вправду нет такой силы, которая смогла бы сломить волю рабочего класса».

С началом русско-японской войны и без того скверное положение иваново-вознесенских рабочих еще больше ухудшилось. Но рабочие уже знали, кто и где их враги и как бороться за свои права. Кратковременные забастовки, вызванные снижением расценок и обсчетами, происходили на заводе Калашникова, на фабриках Бакулина и Бурылина. 3 мая 1904 года на фабрике Ивана Гарелина забастовку объявили ткачихи. С каждым днем возрастал гнев народа.

Иваново-вознесенские большевики начали подготовку к всеобщей стачке.

Фабриканты тоже не дремали. Почувствовав, что теряют власть, они изменили свою тактику, стали заигрывать с рабочими. Особенно важным считали хозяева срыв требований рабочих об установлении 8-ми часового рабочего дня.

В курилке неожиданно появился сам Гарелин.

— Чего притихли? — обратился он к удивленным рабочим. — Думаете, как хозяин, так обязательно зверь? Эх, вы! ... Да много ли мне нужно? О вашем благосостоянии больше пекусь. Вон скольких кормлю, а благодарности что-то не слышу. Ну да я не злой. Бог даст, до пасхи доживем, а там на полчаса рабочий день срежу. Отдыхай тогда, ребята!

Рабочие с недоумением переглянулись.

«Что это стряслось с нашим жмотом?» — будто спрашивали они друг друга.

Двое стащили со своих голов картузы.

— Спасибо за милость, хозяин.

Гарелин довольно усмехнулся.

«Кажется, удалось обставить, — подумал он. — Будто на лад дело пошло».

Но через несколько дней на гарелинской и на других фабриках появилась листовка «Иваново-Вознесенской группы РСДРП».

«Товарищи! — писалось в ней. — Наши хозяева сбавляют нам полчаса, вводят 11-часовой рабочий день. Хозяева входят с нами в панибратские отношения, приходят к нам в курилку (у А. И. Гарелина), дают папиросы и объявляют о своей «милости» рабочим. Что это такое? Впрямь ли такая забота напала на хозяев о нас? Что за

причина их «благодетней»? Знайте, товарищи, — это волки приходят к нам в овечьей шкуре, чтобы легче обмануть нас, легче захватить добычу... На съездах, в разных комиссиях капиталисты думали думу, как бы обмануть рабочих. Со скрежетом зубным, но все же приходилось им делать уступки... Отказывайтесь все до одного давать подписку о согласии работать 11 часов! Поддерживайте требования рабочих всей России! Объединяйтесь для борьбы с капиталистами и самодержавием в могучую рабочую партию вокруг социал-демократии!»

Листовка кончалась призывами:

«Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия! Долой самодержавие!»

Революционные идеи большевизма проникали в широкие массы трудящихся, вооружали их, звали на борьбу за свое освобождение.

К началу мая 1905 года в Иваново-Вознесенске все было подготовлено к проведению всеобщей стачки. Рабочие ждали только сигнала.

Наконец, с поручениями Московского комитета РСДРП в город прибыл «Трифоныч» — Михаил Васильевич Фрунзе.

9 мая в лесу недалеко от деревни Поповское собралась партийная конференция, на которой было решено стачку начать через три дня. Фабрикантам предъявить 26 требований. В числе их установить восьмичасовой рабочий день, повысить заработную плату, предоставить рабочим право объединяться в профсоюзы, уничтожить сроки найма, выдавать пособия больным и роженицам.

«Не хватает сил больше терпеть! — говорилось в листовке, выпущенной накануне стачки. — Оглянитесь на нашу жизнь, до чего довели нас наши хозяева! Нигде не видно просвета в нашей собачьей жизни. Довольно! Час пробил! Не на кого нам надеяться, кроме как на самих себя. Пора приняться добывать себе лучшую жизнь! Бросайте работы, присоединяйтесь к вашим забастовавшим товарищам!..»

Как свидетельствует один из старейших рабочих фабрики Александр Петрович Рыбаков, своих читателей листовки находили очень быстро. Их проносили в чайниках вместо кипятка, закладывали в кусок товара и без задержки доставляли куда следует. А там находились гра-

мотные люди, которые могли не только прочесть, но и растолковать то, что казалось непонятным.

12 мая 1905 года началась иваново-вознесенская всеобщая стачка. Рабочие фабрики Ивана Гарелина дружно покинули корпуса, вышли на улицы родного города и, под гордо реющими красными знаменами двинулись к центральной площади. Подхваченная тысячами голосов, стройно звучала революционная песня:

Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Вставай на борьбу, люд голодный!..

Ошеломленные полицейские жались в подворотнях богатых особняков и оттуда испуганно тарасили глаза надвигающийся мимо бесконечный поток трудового народа.

Скоро и фабриканты почувствовали силу избранного рабочими Совета уполномоченных. В числе 8 депутатов гарелинские рабочие выдвинули стойкого большевика Николая Андреевича Жиделева, который уже несколько лет умело вел политическую работу на фабрике, и Иосифа Ефимовича Светлякова, на квартире которого проводились политические занятия членов РСДРП и хранилась печатная техника для выпуска листовок.

Семьдесят два дня продолжалась героическая борьба иваново-вознесенских пролетариев со своими эксплуататорами. О её большом значении писал В. И. Ленин.

Но рабочих мучил голод.

«Первое время, когда голод не так мучительно давал о себе знать,— говорилось в листовке Иваново-Вознесенской группы РСДРП, призывавшей рабочих организованно возобновить работы на фабриках, нам не страшны были никакие уловки и западни самодержавного правительства и капиталистов. Ни аресты, ни запрещения собраний, ни зверские избиения и стрельба, ни провокации и шпионство — ничто не могло разбить наших сплоченных сил. В единении и в сознании правоты нашего дела была наша сила... Неумолимый голод подкрался к нам. В касе кончаются деньги и мы не можем накормить сотни голодающих детей...»

— Многому научила нас забастовка,— говорили большевики.— Поняли мы, что при теперешних порядках мы никогда не сможем улучшить свое положение. Забастовка показала нам также, что добиваться политиче-

ской свободы нужно с оружием в руках. Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует социализм!

Партия большевиков готовила рабочие массы к новым решительным боям.

Кое-где фабриканты попытались уволить с работы депутатов Совета уполномоченных, но рабочие единодушно выступили в защиту своих представителей, которые и после стачки продолжали выступать в защиту интересов трудящихся.

Рассчитали депутатов и на фабрике Ивана Гарелина. Рабочие тотчас потребовали их возвращения. Не хотелось хозяину отменять своего распоряжения, но другого выхода у него не было, твердость и решительность своих ткачей он уже знал достаточно хорошо.

Когда вспыхнула империалистическая война, положение рабочего класса еще более ухудшилось. Расценки на работы не изменились, а стоимость продуктов питания резко повысилась. В городе часто возникали забастовки, однако они не приносили желаемых результатов. Партийная организация была сильно ослаблена арестами.

Один из старых большевиков, депутат IV Государственной думы Федор Никитич Самойлов, в сентябре 1914 года привез из Швейцарии от В. И. Ленина тезисы ЦК партии — «Задачи революционной социал-демократии в Европейской войне».

«Вернувшись в Россию, я поехал в Иваново-Вознесенск, — написал он в своих воспоминаниях. — Социал-демократическую организацию я нашел там почти совсем разгромленной. Большинство ее старых видных членов находилось в тюрьмах и ссылке. Работали в организации главным образом новые люди. Розыскав нескольких товарищей, я созвал собрание членов социал-демократической организации и сделал доклад о текущем политическом моменте. На собрании выяснилось, что, несмотря на полную оторванность организации от руководящих партийных центров, иваново-вознесенские товарищи в отношении к войне занимали вполне определенную позицию, выражающуюся в лозунге «война-войне». Классовым чутьем пролетариев они нащупали правильный путь и стали на него еще в первые месяцы войны. Не хватало только санкции высшего партийного органа, ЦК партии. С моим приездом санкция эта была получе-

на, организация почувствовала себя сильнее и повела широкую агитацию за превращение войны империалистической в войну гражданскую».

В начале 1915 года удалось восстановить деятельность городского партийного комитета, в состав которого из партийной организации фабрики Ивана Гарелина вошли товарищи: Г. С. Зиновьев, Г. Д. Рыбин и А. П. Рыбаков.

Стачки, руководимые большевиками, участились, проходили они более организованно. Однако цены на продукты продолжали расти, а реальная заработная плата систематически понижалась.

Иваново-вознесенские рабочие начали голодать.

Срочно прибывшему губернатору были предъявлены требования: пресечь спекуляцию хлебом, установить твердые цены на продукты питания и повысить заработную плату.

Руководил стачкой комитет, председателем которого был избран Георгий Степанович Зиновьев.

Родился Георгий Степанович в 1891 году в семье бедняка деревни Козловки, Арзамасского уезда, Нижегородской губернии. С четырнадцати лет пришлось ему тяжелым трудом добывать себе средства существования. Много профессий переменял Егор, но всюду встречал одно бесправие и беспросветную нужду трудового люда.

«Неужели вот так и должно продолжаться всю жизнь? — повзрослев, думал он. — Нет, что-то здесь не так, что-то нужно изменить. Но где выход, да и есть ли он?..»

Большевики заметили пытливого паренька, постепенно объяснили ему, в чем заключается правда, как нужно бороться за освобождение. Егора потянуло к рабочим. Женившись, он переехал в Иваново-Вознесенск, поступил на фабрику и с присущей молодости энергией отдался революционной деятельности.

Георгий Степанович, он же «Федор», как в целях конспирации называли его товарищи, не отказывался ни от какой работы. С одинаковым чувством ответственности за порученное дело, он распространял листовки, охранял нелегальные сходки, извещал членов партии о дне и месте собрания.

Полиция установила слежку за молодым рабочим и вскоре арестовала его. Серьезных обвинений у следова-

теля не нашлось, и Георгий Степанович через три месяца был освобожден. Однако на свободе ему довелось пробыть недолго. Жандармы снова его арестовали, но опять вынуждены были выпустить. С 1911 по 1915 годы «Федор» Зиновьев семь раз арестовывался, заключался в тюрьму и, к великому огорчению шпиков, снова освобождался.

— Видать молодой «Федор» пришелся не по зубам старым жандармам,— шутили рабочие, встречая Георгия Степановича после очередного ареста.— Но все же ты будь поосторожнее,— советовали они и любовно меж собой добавляли: — Хороший парень, смекалистый и сердце доброе. Такой не подведет...

Вот почему, когда началась всеобщая городская стачка, руководить ею доверили «Федору» Зиновьеву.

Перепуганный мощным народным движением губернатор обязал торговцев снизить цены на продукты питания, одновременно заверил, что руководители стачки не будут наказаны.

Стачка, продолжавшаяся четыре дня, была прекращена.

Торговцы выждали несколько дней, а затем снова установили прежние цены, кое на что даже повысили. Больше того, крупы, соль, сахар они вообще припрятали.

Это вызвало законное возмущение трудящихся, положение которых ухудшилось пуще прежнего. Политическая стачка протеста стала неизбежностью.

Старый коммунист, рабочий фабрики Г. С. Лобанов вспоминает подробности тех дней:

— На фабрике в початочных ящиках ткачей, на токарных станках механической мастерской, в роликах и кусках товара ситцевой фабрики оказались листовки. Содержание листовок призывало рабочих и солдат готовиться в нужный момент повернуть оружие против врагов рабочего класса. Особенно запечатлелись в памяти слова: «Надо смести всех палачей — от царя и министра до урядника, надо на развалинах деспотизма и варварства водрузить знамя свободы, мира и братства народов».

На фабрике шла деятельная подготовка к новой всеобщей стачке.

Но к борьбе готовились и враги рабочего класса. На

совещании у начальника воинского гарнизона, полицеймейстер и жандармский ротмистр решили спровоцировать выступление раньше, нежели большевистская организация закончит подготовку к всеобщей стачке. Тайно была задумана гнусная, кровавая расправа над голодающим народом.

Несмотря на то, что губернатор дал письменное обещание не подвергать репрессиям руководителей четырехдневной забастовки, в ночь на 10 августа они были арестованы и заключены в тюрьму.

Как и рассчитывали провокаторы, это вызвало среди рабочих бурю негодования. Утром 10 августа рабочие всех предприятий Иваново-Вознесенска дружно прекратили работу, собрались на площади перед городской управой и настойчиво потребовали освобождения арестованных товарищей.

Оставшиеся на свободе большевики быстро разгадали подлый жандармский замысел и увели рабочих с площади за город, к Успенскому кладбищу. Там состоялся большой митинг.

Участники митинга решили потребовать освобождения арестованных и снова двинулись в город.

Власти пошли на некоторые уступки.

Трое заключенных, в том числе и «Федор» Зиновьев, были освобождены.

Явившись прямо из тюрьмы на площадь, куда уже пришли рабочие, «Федор», осведомленный товарищами о жандармских намерениях, старался уговорить бастующих покинуть площадь.

Но чаша народного терпения переполнилась. Тысячи людей настойчиво требовали:

— К тюрьме! Освободить арестованных!

«Федор» продолжал настаивать на своем. В это время, не без помощи подосланных полицией агентов, стал быстро распространяться слух о том, что будто всех арестованных жандармы увозят в другой город.

Народ с площади, через Приказный мост, устремился к тюрьме.

Навстречу рабочим, из ворот номеров Дунюшкина, появился вооруженный отряд под командой прапорщика. Среди рабочих получилось замешательство. Зиновьев вышел вперед и обратился к солдатам с горячей речью:

«Наши братья погибают на фронте, а мы погибаем здесь!» — говорил он.

Начальник воинского гарнизона не случайно остановил свой выбор на двух взводах 6-ой роты квартировавшего в Иваново-Вознесенске 199 пехотного запасного полка. Солдаты этой роты считались особо надежными. С винтовками в руках они стояли перед безоружной толпой, тупо глядели на нее и молчали. Тогда Зиновьев обнажил свою грудь и крикнул:

— Нате, стреляйте!

Командовавший отрядом прапорщик Носков дал трехкратный свисток — сигнал к расстрелу. Грянул залп, за ним второй, третий... Первым упал смертельно раненный большевик «Федор» Зиновьев. Проклиная убийц, толпа хлынула назад.

Следом за убегающими, со стороны городской управы и аптеки Вильде ринулись верхом на лошадях казаки. Они беспощадно избивали нагайками всех, кто попадал под руку — стариков, женщин и детей.

На месте расстрела осталось убитых 30 и раненных 53 человека. Среди убитых, кроме «Федора» Зиновьева, были еще двое рабочих с гарелинской фабрики — Я. В. Батяев и Ф. Н. Моисеев.

— К утру, — рассказывал Ф. Н. Самойлов, — кровь была смыта пожарной командой и мостовая засыпана свежим песком. Прибывший в город судебный следователь по особо важным делам начал следствие по обвинению рабочих, якобы «напавших на воинскую заставу». Все раненные были привлечены к ответственности по 123-й статье Уголовного уложения.

Так было завершено одно из грязнейших преступлений царского правительства.

Иваново-вознесенские рабочие еще раз на деле убедились в том, кто был их настоящим, искренним другом, а кто подлейшим врагом.

Фабриканты отлично чувствовали нарастание революционного движения и потому пытались мелкими подачками увести рабочих с правильного пути. В конце 1915 года на некоторых фабриках, в том числе и на гарелинской, была произведена прибавка к заработной плате каждого рабочего так называемых «продовольственных».

Но как и всегда хозяйская уловка рабочих не обманула.

— Прибавили два целковых,— говорили они,— а в лавках шкуру с нас дерут на десятку больше прежнего.

В 1916 году фабриканты пообещали с 1 января 1917 года увеличить пособия, причем мужчинам до 7, женщинам до 5 и подросткам до 3 рублей.

Такие посулы рабочих, конечно, не могли удовлетворить.

28 декабря 1916 года около тысячи человек ткачей прекратили работы в ткацком отделении гарелинской фабрики и потребовали: установить продовольственное пособие женщинам наравне с мужчинами, по семь рублей. Кроме того, в связи с продолжавшимся ростом цен на продукты питания, выдать всем рабочим единовременное пособие в размере трехмесячного заработка.

Хозяин, фабрика которого только за один год принесла около миллиона рублей чистой прибыли, категорически отказался удовлетворить эти совершенно справедливые требования.

Больше того, он грозился:

— Закрою баню! Закрою артельную кухню! Рассчитаю всех!

И на этот раз рабочие вынуждены были прибегнуть к испытанному средству. Они объявили забастовку и продолжали ее до 16 января 1917 года.

Ценой огромных лишений рабочие отстаивали свои права.

Поэтому, как только до города донеслась долгожданная и радостная весть о свержении царского самодержавия, Иваново-вознесенские пролетарии без всяких колебаний решительно и открыто перешли на сторону большевиков.

— С Лениным наши надежды,— говорили в народе.

Рабочие гарелинской фабрики, конечно, давно знали о существовании на предприятии большевистской организации. Не раз они выступали по ее зову или обращались к ней в трудные времена за помощью и советом. Но все это делалось тайно,— так чтобы ни один полицейский глаз не подсмотрел. А теперь можно было открыто назвать всех членов партии. Ими оказались лучшие, передовые рабочие: Тихон Климович Авдеев, Василий Ефимович Баранов, Константин Кузьмич Баранов, Григорий Никифорович Горелкин, Матрена Николаевна Разумова, Иосиф Ефимович Светляков.

К ним сразу потянулась наиболее политически подготовленная часть рабочих, активно проявивших себя в борьбе с царским гнетом. На первом же собрании в партию было принято 11 человек, а на втором, состоявшемся несколькими днями позже, еще 10 человек. Среди них были: Ю. И. Ежова, Е. М. Забирина, К. А. Завьялов, Д. Плешаков, Н. Н. Шаменкова и другие.

В городе, как и во всей стране, после Февральской революции 1917 года, установилось характерное для того времени двоевластие: с одной стороны — «Революционный комитет общественной безопасности», орган буржуазного Временного правительства, с другой стороны — Совет рабочих и солдатских депутатов, орган диктатуры рабочего класса.

Рабочие фабрики решительно и твердо встали на сторону Совета, в котором, начиная с первого общего собрания, состоявшегося 3(16) марта 1917 года, большинство неизменно принадлежало коммунистам. Следует отметить, что во все создаваемые органы новой власти рабочие фабрики единодушно выдвигали первыми людей, закаленных в борьбе, тех, кому они больше всего верили, — коммунистов.

В городской Совет, например, от фабрики были избраны К. К. Баранов и М. Н. Разумова. В состав фабричного комитета вошли: К. К. Баранов, Ю. И. Ежова, К. А. Завьялов, М. Н. Разумова, А. П. Рыбаков, Е. М. Забирина и другие.

Созданный партийной организацией в апреле 1917 года фабричный комитет осуществил постановление Совета рабочих депутатов о переходе фабрики на восьмичасовой рабочий день, что еще больше укрепило веру трудящихся в Коммунистическую партию, которую они считали близкой себе и родной.

По настоянию рабочих фабричный комитет потребовал от администрации устройства вентиляции в нижнем этаже отбельного цеха. Мастерам было предложено всемерно помогать вновь назначенным помощникам из числа старых, опытных рабочих. За равный труд женщины стали получать наравне с мужчинами. Без ведома фабричного комитета запрещались наем и увольнение рабочих.

— Все складывается так, как говорили большевики, — с удовлетворением отмечали рабочие.

— Но и теперь все это нелегко достается,— вздыхали другие.— Хозяин, как сидел на нашей шее, так там и остался. Царя сбросили, туда бы и хозяина...

Осуществляя контроль за производством, фабком принял на свой учет фабричное оборудование и материалы.

Следует сказать, что текстильная промышленность Иваново-Вознесенска начала испытывать тяжелые удары с начала мировой войны. Мобилизация вырвала с фабрик лучших, квалифицированных рабочих. В то же время станки и машины работали на полный износ. Фабриканты получили большие военные заказы, и это их вполне устраивало. Колоссальная прибыль покрывала все убытки. Хозяева фабрик действовали по принципу: «Не зевай, Фомка, на то ярмарка», «время—деньги». Это общее положение для фабрик Иваново-Вознесенска в значительной степени относилось и к фабрике товарищества Ивана Гарелина.

Поэтому фабричный комитет создал специальную комиссию надзора за деятельностью администрации, за состоянием оборудования, расходом топлива и пряжи, за выпуском продукции.

Такой оборот дела не понравился предпринимателям, они начали организовывать саботаж, что вынудило рабочих еще больше усилить наблюдение за производством.

Собранная большевиками общегородская конференция фабрично-заводских комитетов приняла решение, которым фабкомы обязывались быть стойкими защитниками интересов рабочего класса в экономических и политических вопросах, влиять на хозяйственную деятельность фабрик, наблюдать «за правильностью работы, условиями найма и увольнения рабочих и служащих, а так же касаться внутренней жизни фабрики.»

По зову исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов присоединиться к обращению ЦК РСДРП(б), 18 июня 1917 года рабочие фабрики Ивана Гарелина приняли участие в городской демонстрации. Они вышли на улицу, неся на красных полотнищах лозунги: «Долой 10 министров-капиталистов!» «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

Предприниматели, чтобы сломить нарастающее сопротивление рабочих, пригрозили закрыть фабрики. Но этот маневр им не удался.

Городской Совет принял постановление, в котором говорилось, что «без разрешения Совета Р. и С. Д. ни одна фабрика не должна останавливаться, а там, где нет хлопка или топлива, возлагается на заводской комитет, центральное бюро заводских комитетов и Исполнительный комитет Совета Р. и С. Д. исследовать на других фабриках запасы и там, где найдутся, передать на те фабрики и заводы, у которых сырье отсутствует».

Власть явно ускользала из рук фабрикантов. Они это чувствовали и всячески разваливали промышленность, чтобы ухудшить, таким образом, положение рабочих, понудить их к повиновению.

Но не для того рабочие добивались свержения царя, чтобы оставаться покорными рабами. Руководимые большевиками, они начали готовиться к решительному выступлению против предпринимателей.

14 октября 1917 года от имени делегатов объединенного заседания Иваново-Кинешемского областного профессионального союза рабочих и работниц текстильной промышленности были предъявлены требования «Союзу объединенной промышленности», в который входили все фабриканты,— установить новые тарифные ставки, ввести восьмичасовой рабочий день, улучшить санитарно-гигиенические условия.

Фабриканты не посмели не принять требования, но к установленному Центральным стачечным комитетом сроку ничего не ответили.

Утром 21 октября 1917 года все фабрики иваново-вознесенского промышленного района прекратили работы.

На фабрике Ивана Гарелина был создан и приступил к выполнению своих обязанностей стачечный комитет, в который входили коммунисты: Завьялов, Баранов, Забирина, Лобанов, Рубцов, Сибирякова, Шаменкова. Вооруженные пикеты рабочих тщательно охраняли цехи, склады товара, котельные, электростанцию и другие важные объекты. Вход на территорию фабрики разрешался только по специальным пропускам, выдаваемым фабричным комитетом.

Через четыре дня, 25 октября (7 ноября) 1917 года, свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Рабочие радостно приветствовали рождение новой республики.

«Во всех начинаниях в пользу трудящихся Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов рабочие фабрики Ивана Гарелина окажут полную поддержку», — писали они в своем обращении ко II Всероссийскому съезду Советов.

В начале 1919 года фабрика была национализирована.

Став, наконец, Советским предприятием, она вначале называлась Зарядье-Дмитровской мануфактурой, а с 1927 года — ткацко-отделочной фабрикой имени рабочего Федора Зиновьева. Так была увековечена светлая память пламенного большевика, отдавшего свою жизнь за счастье народа.

Развязанная иностранными интервентами и белогвардейцами гражданская война сильно отразилась на работе фабрики. Полностью прекратилось поступление хлопка и топлива. На изношенном оборудовании дорабатывали сохранившиеся скудные запасы.

Осенью 1919 года фабрика остановилась.

Разруха, явившаяся результатом империалистической войны, а затем иностранной военной интервенции и контрреволюционного наступления белогвардейщины, вызвала в стране голод. Особенно остро его ощущали трудящиеся промышленных областей. В письме к рабочим Европы и Америки В. И. Ленин писал: «Бедствие голодающих рабочих в Петрограде и Москве, в Иваново-Вознесенске и других неземледельческих центрах действительно велики. Никогда не вынесли бы рабочие массы таких бедствий, таких мук голода, на которое обрекает их военное вмешательство Антанты, если бы рабочие не понимали, что они отстаивают дело социализма и в России и во всем мире.»

Пролетарии Иваново-Вознесенска вместе со всеми трудящимися молодой Советской республики самоотверженно, не щадя своих жизней, боролись с голодом и контрреволюцией. Рабочие Зарядье-Дмитровской мануфактуры шли в первых рядах.

Из уст в уста передавались слова Михаила Васильевича Фрунзе:

— Положение совершенно исключительное. Так трудно на фронте еще не было никогда. Надо в спешном

порядке сделать армии впрыскивание живой рабочей силы, надо поднять дух, укрепить ее рабочими отрядами, мобилизовать партийных ребят. ЦК проводит партийную мобилизацию... А нам, иваново-вознесенцам, колчаковский фронт важен вдвойне — там пробьем дорогу в Туркестан, к хлопку, пустим снова наши стынувшие в безработице корпуса.

Большая часть партийной организации фабрики сражалась на фронтах гражданской войны. Рядом с мужчинами в бой шли женщины, ткачихи фабрики: Мария Сибирякова, Ефросинья Соколова, Надежда Буданова, Евдокия Кучина и другие.

На фабрике было организовано три продовольственных отрядов. В состав одного из них, комиссаром которого был назначен Иван Гусаров, входили рабочие Ефим Лобанов и Сергей Плужников. Много трудностей пришлось перенести им. Погиб комиссар, сраженный кулацкой пулей. Тифом заболели его товарищи. И все же задание партии было выполнено. Едва преодолевая тяжелую болезнь, они доставили хлеб в город, где днем спустя умер Сергей Плужников. Ефима Лобанова надолго положили в больницу.

Однако иваново-вознесенцы не сдавались. На место павших товарищей становились новые бойцы. В конце декабря был организован особый коммунистический отряд из рабочих текстильщиков под руководством Михаила Васильевича Фрунзе. С Зарядье-Дмитровской фабрики в отряд вошли пять членов партии — добровольцев: товарищи Полянин, Рыбаков, Ремизов, Владыкин и Мокеев. Алексей Егорович Мокеев имел семью, шесть человек детей, жена у него умерла. После того как он уехал, семью взял на попечение фабком. Пять меньших ребят были помещены в детский дом, а старшую девочку устроили на работу на фабрике. До 18 лет она жила под личным наблюдением члена партии Е. М. Забирониной.

Затем был послан другой отряд на Восточный фронт. В него вошли коммунисты: Киселев, Лобанов, Мольков и другие. В числе руководящего состава отряда добровольно выехал рабочий фабрики Андрей Романович Рубцов, назначенный комиссаром 2-ой Московской бригады. Этому отряду особое внимание было уделено В. И. Лениным, который в своем выступлении возложил большие надежды на ивановских большевиков,

— Сегодня,— говорил Владимир Ильич слушателям Свердловского университета, отправляющимся на фронт,— я видел товарищей иваново-вознесенских рабочих, которые сняли до половины всего числа ответственных партийных работников для отправки на фронт. Мне рассказывал сегодня один из них, с каким энтузиазмом их провожали десятки тысяч беспартийных рабочих, как подошел к ним один старик, беспартийный, и сказал: «Не беспокойтесь, уезжайте, ваше место там, а мы здесь за вас справимся».

Как известно, в трудной борьбе с голодом и контрреволюцией полную победу одержал народ.

Бывший комиссар 2-й Московской бригады, ныне персональный пенсионер, коммунист Андрей Романович Рубцов говорит:

— Мы с гордостью вспоминаем выдержку, выносливость рабочих фабрики и их умение правильно разобратся в событиях. Они мужественно и стойко пережили трудное время.

Под руководством Коммунистической партии трудящиеся Советской республики приступили к восстановлению своего хозяйства. Неремонтировавшееся с начала первой мировой войны оборудование было приведено в порядок. 1 мая 1924 года в цехах Зарядье-Дмитровской мануфактуры снова зашумели ткацкие станки и печатные машины. Люди трудились с радостью.

Вначале ставилась задача добиться производства товара в количестве выпускаемом до войны. Этот уровень был быстро достигнут. Летом 1924 года отделочное производство вырабатывало до четырех с половиной тысяч кусков готовых тканей. Однако это был уровень производства экономически отсталой царской России, он не мог удовлетворить насущных потребностей социалистической страны.

XIV съезд партии наметил грандиозную программу превращения нашей Родины в индустриальную державу, экономически независимую от капиталистических государств. Началась великая битва за индустриализацию страны, за социализм.

Ткацко-отделочная фабрика имени рабочего Федора Зиновьева была реконструирована. Над существовавшими двумя этажами возведен третий. Это позволило установить в цехах дополнительно более четырехсот ткацких

станков. Уже в 1928 году фабрика выпустила более 25 миллионов суровых и почти 100 миллионов готовых тканей. Производство быстро росло.

В 1930 году вторая ткацкая фабрика была выделена в самостоятельное производство, получившее название ткацкой фабрики имени С. М. Кирова.

Рабочие, решительно выступавшие по зову партии вместе со всем пролетариатом России против царского самодержавия, фабрикантов, интервентов и контрреволюции, жили теперь одной полнокровной жизнью с народами великой страны. Широко развернувшееся в стране ударничество было единодушно подхвачено коллективом фабрики имени рабочего Федора Зиновьева. Ткачи переходили на повышенное уплотнение; отделочники, путем более рационального использования рабочего времени, увеличивали производительность труда.

Как всегда, впереди шли коммунисты.

Один из старейших работников фабрики Иван Дмитриевич Золкин рассказывает:

— Зачинателями ударничества и социалистического соревнования на фабрике были ткачихи: Анна Морозова, Надежда Павлова, Таисия Шувандина, Евдокия Куликова и другие, перешедшие на уплотнение с 4 на 6, 8, 10 и 20 механических станков.

Таисия Ивановна Шувандина ткала на «паре». Её подручницей была ткачиха Мария Алексеевна Соловьева. Обе они пришли на фабрику почти одновременно — в период пуска предприятия. За их плечами был уже многолетний опыт. Велико было удивление мастера Г. П. Ермолаева, когда эти ткачихи попросили поставить их на три станка, а затем на четыре.

— Да что вы? Сорок лет хожу под этой крышей, а не помню, чтобы ткачиха ткала на четверке! — изумлялся мастер. — По-моему, нечего и пробовать.

В конце концов он все же согласился. По несколько раз в смену приходил мастер и с нескрываемым любопытством наблюдал за их работой. Дороже всякой похвалы для ткачих были слова старого мастера, когда он сказал, наконец:

— Теперь вижу: пойдет у вас дело.

Постепенно совершенствуясь, Шувандина все увеличивала фронт обслуживания и, наконец, стала работать на 20 механических станках, заправленных сатином.

Труд ткачихи высоко оценила советская Родина — Таисия Ивановна Шувандина была награждена орденом Ленина. Многие труженики фабрики также были награждены орденами и медалями.

С развитием народного хозяйства страны на базе преимущественного развития тяжелой промышленности росло и текстильное производство. Фабрика имени рабочего Федора Зиновьева к 1937 году по сравнению с 1928 годом увеличила выпуск суровья на 5,5 миллиона метров, а готовых тканей — на 7 миллионов метров. Росла и производительность труда. Выработка одного рабочего в ткачестве в 1932 году была 23 327 уточин в час, а в довоенном 1940 году — 49 930 уточин, в отделочном производстве за тот же период выработка возросла с 48,26 до 59,22 метра.

В системе текстильной промышленности города Иванова фабрика имени рабочего Федора Зиновьева имеет значительный удельный вес: по выпуску суровых тканей — 15% и готовых отделанных тканей — 17,5%.

Вероломное нападение гитлеровской Германии прервало мирный труд советского народа. Преодолевая огромные трудности, связанные с войной, фабрике пришлось срочно переключаться на производство специальных тканей для нужд Советской Армии. Призыв партии: «Все для фронта, все для победы!» находил горячий отклик в сердцах советских патриотов. На смену мужчинам, уходящим защищать Родину, к машинам становились женщины. Они быстро изучали станки, осваивали методы производства новых тканей, требуемых условиями военного времени. Многие работницы фабрики показали отличные примеры высокой организованности и производительности труда. Успешно справлялись с обязанностями помощников ткацких мастеров Павла Панова, Васса Куликова, Екатерина Чепурнова. Заправщиками основы работали Елизавета Анохина, Анна Блинова, Лидия Добронравова.

Отгремели битвы. Красное знамя победы гордо взвилось над разгромленным фашистским Рейхстагом. Советские люди с еще большей энергией принялись за свой мирный, созидательный труд. Вернулись на фабрику к своим рабочим местам фронтовики: Владимир Иванович Воробьев, Василий Павлович Тихомиров, Аркадий Ива-

нович Бардов, Николай Васильевич Железов, Федор Сергеевич Сорокин и многие другие.

За два пятилетия довоенный уровень производства суровых тканей был превышен на 18 миллионов метров. Коллектив фабрики неоднократно выходил победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании, ему присуждались премии, вручалось переходящее Красное знамя Совета Министров СССР.

В 1955 году фабрика имени рабочего Ф. Зиновьева отметила свой славный столетний юбилей. В связи с этим знаменательным событием Министерство промышленных товаров широкого потребления Союза ССР наградило большую группу рабочих, инженеров, техников и служащих значком «Отличник социалистического соревнования». Среди награжденных ткачихи: Мария Павловна Дмитриева, Лидия Ивановна Добронравова, Валентина Степановна Кузина, Анна Васильевна Базанова, Васса Дмитриевна Куликова, Антонина Александровна Ильина, Августа Ивановна Окатова, Екатерина Ивановна Чепурнова, помощник мастера Павла Антоновна Панова, мастер Сергей Матвеевич Каюкин, начальник приготовительного отдела отделочного производства Галина Иосифовна Скворцова и другие.

Решения Центрального Комитета партии и Советского правительства всегда были и продолжают оставаться тем неиссякаемым источником энергии и вдохновенного творческого труда, который постоянно помогал коллективу фабрики успешно преодолевать трудности, множить свои достижения. Характерным является и то, что зачинателями нового постоянно выступают коммунисты. Это стало на фабрике хорошей традицией, своим началом уходящей в далекое прошлое.

Заместитель секретаря партбюро О. М. Королева, в докладе о сорокалетию партийной организации фабрики, говорила:

— Коллектив нашей фабрики развернул мощное социалистическое соревнование за претворение в жизнь задач, поставленных XX съездом партии. Считая, что одним из наших резервов успешного выполнения шестой пятилетки является использование передового опыта, подтягивание отстающих до уровня передовых, с замечательной инициативой выступили коммунисты Валентина Кузина и Анна Трошина. Они перешли работать в от-

стающие бригады и скоро вывели их в число средних бригад. Они личным примером показали, что секрет хорошей работы заключается в умении работать с людьми.

Вскоре после XX съезда партии, по предложению мастера коммуниста Петра Васильевича Зайцева, коллектив решил ускорить модернизацию оборудования, улучшить технологию и организацию труда. Рационализаторы, изобретатели, новаторы фабрики за 1956 год внесли 361 предложение, из которых около двухсот было внедрено в производство, что дало экономический эффект около 850 тысяч рублей. За 8 месяцев 1957 года из 225 предложений внедрено 106, что позволило сэкономить более миллиона рублей.

Решением бюро ивановского обкома КПСС этот проект был одобрен; он нашел широкое распространение по всей промышленности области и сыграл большую положительную роль.

На фабрике имени рабочего Федора Зиновьева всему передовому, облегчающему труд человека, открыта широкая дорога.

В дореволюционное время красковарка на фабрике была таким «гиблым местом», после которого, как говорили в старину, и ад становился не страшным. В душном, наполненном едкими химическими парами, помещении трудились красковары, часами растирая краску для печатных машин. Заболевание рабочих туберкулезом считалось неотвратимым явлением.

С утверждением Советской власти и в красковарке многое изменилось, но сам процесс приготовления красок оставался прежним. К тому же, как ни старались красковары, печатники постоянно жаловались на качество краски, на её неустойчивость, разную густоту, крапины, штрифы. Загустку возили из другого помещения на тележках весом в полтонны.

Прежде всего рационализаторы решили избавить рабочих от этой тяжелой и громоздкой тележки. Варочные аппараты были перенесены поближе, и загустку стали перекачивать специальными насосами. Но краску продолжали растирать, как сто лет назад, вручную.

Рабочий фабрики Сергей Иванович Лепилов предложил поставить увеличенную воронку и к ней приспособить механическую мешалку. Сделали. Механическая мешалка всем понравилась, но она вызывала большую

потерю краски и давала недопустимую разнотонность в печати.

Нашлись скептики, которые заявили:

— Не зря испокон веков краску руками терли. Много способов перепробовали, не получается.

«Неужели отступить? — думал бригадир красковаров Геннадий Петрович Степанов. — Нет, должно получиться».

Он предложил изменить дно воронки. Это принесло экономию краски.

— Однако разнотонность осталась, — вспоминает Геннадий Петрович. — Она нас мучила больше всего. По существу, ведь это самый настоящий брак — выход нестандартной продукции. Я предложил увеличить число оборотов механической мешалки и поднять её лопасти. Результаты оказались положительными, цех стал выпускать краску высокого качества.

И хотя внедрение предложений коренным образом изменило, облегчило труд красковаров, но не в характере советских людей успокаиваться на достигнутых успехах.

— Перед нами встала еще одна проблема, — продолжает Степанов. — Дело в том, что подача загустки в воронки включалась вручную. Я предложил подвести к механическим установкам кнопочную систему. Вместо двух цедильщиков с работой стал легко справляться один. Много пришлось потрудиться, когда наша фабрика начала осваивать новый сорт ткани — штапель. В краску стали добавлять клейкие вещества, цежение которых отрывало много времени. Я решил поставить деревянный чан возле цедилки, приделав к ней наконечник с резбой и резиновый шланг. Все это облегчило нашу работу. С оборудованием механических установок наш отдел стал полностью механизированным.

На фабрике много людей, заботливо относящихся к нуждам производства. Поддерживаемые партийной организацией, фабричным комитетом, командирами производства, они решительно отбрасывают все старое, отжившее, добиваются новых высоких производственных показателей.

Художественная мастерская, руководимая О. В. Богословской, создает рисунки, которые вполне отвечают высоким запросам советских граждан, вызывают их искреннюю признательность.

Хорошо отделывают ткани зиньовенцы.

Твердыми грабштихелями граверы наносят рисунок на матрицу, но и в этом наметились существенные изменения.

— Фотохимическим способом, как показал опыт работы коллектива фабрики имени рабочего Федора Зиновьева, можно гравировать рисунки для прямой, вытравной и резервной печати,— утверждает главный инженер Михаил Александрович Волков.— Фотографированием на матрицу воспроизводят любые рисунки вплоть до тоновых.

На фабрике успешно гравируют рисунки для печатания по миткалю, бязи, сатину, майе, сарже, штапельному полотну, а также по фланели и байке.

Заведующий химической лабораторией Николай Александрович Чернышов нашел экономически выгодный способ использования отработанных в процессе мерсеризации щелоков при крашении, промывке и приготовлении нафтольных плюсов, что позволило фабрике почти вдвое увеличить мерсеризацию товара.

Истари отделочников мучил один вид брака — побурение белых мест на ткани, печатаемых холодной краской по нафтолу.

Группа инженерно-технических работников, в состав которой входили Н. А. Чернышов, А. Ф. Молоскин, А. Н. Карпова и другие товарищи, после долгих поисков изменили рецептуру красителей и разработали практические мероприятия, которые обеспечили получение качественной продукции.

Достижению производственных успехов способствует и то, что у станков трудятся грамотные, хорошо подготовленные рабочие. Ткачиха с законченным средним образованием на фабрике — не редкость.

— Сознание того, что я приношу пользу нашему любимому государству, воодушевляет меня,— заявляет комсомолка Екатерина Куликова.— А то, что я пришла в цех с 10-летним образованием — это только помогло мне быстрее и легче освоить специальность ткачихи. На фабрике я работаю немного больше года, но план я выполняю на 110—120%, а зарабатываю 800 рублей в месяц и больше.

Комсомолка Светлана Манакова поступила на фабрику, не закончив средней школы. Сейчас она учится в 8-м классе школы рабочей молодежи и в то же время ра-

ботаает ткачихой. Таких, кто одновременно трудится на фабрике и учится в средней школе, техникуме, институте, на фабрике очень много.

Много увидел и узнал за свою большую жизнь Иван Федорович Шарнов, бывший помощник мастера фабрики имени рабочего Ф. Зиновьева, ныне пенсионер.

— Нынешняя жизнь рабочего ничем не похожа на прошлую,— заявляет он.— Раньше рабочий как жил? Спал да работал. На остальное времени не хватало; восьмичасовой рабочий день только после революции установили; да и пойти, кроме кабака, было некуда.

За годы Советской власти неузнаваемо изменились условия труда рабочих. Несравнимы с прошлым и культурно-бытовые условия их жизни.

Для своих рабочих фабрика построила дома на улице Калинина, на Сортировочном поселке. В бывших «гарелинских каморках» теперь электрическое освещение, центральное отопление, газ.

Правда, удобными и благоустроенными квартирами обеспечены еще не все рабочие, но строительство жилищ продолжается. С каждым годом в эксплуатацию вводятся новые дома.

К услугам рабочих имеются школа, библиотека, клуб, в котором читаются лекции, проводятся концерты художественной самодеятельности. Драматический кружок, один из лучших в области, ставит интересные спектакли.

— Сейчас,— говорит пенсионер Шарнов,— мы не представляем себе нашу жизнь без радио, газеты, клуба, библиотеки, театра, кино. А институты, техникумы, школы — они ведь тоже для рабочих и их детей! Телевизор в квартире, широкоэкранный кинотеатр, трамвай, цирк, парк, стадион... И все это для нас. Как тут не сказать большое рабочее спасибо нашей Коммунистической партии, которая вывела нас из непроглядной тьмы к солнечному свету. И это за сорок лет Советской власти!.. Нет, не зря прожиты годы... Сейчас, благодаря заботам Советского правительства о нас, пожилых, я отдыхаю. Но если будет трудно и партия позовет, я в любое время приду и помогу производству.

Сейчас на ткацко-отделочной фабрике имени рабочего Федора Зиновьева составляется перспективный план на последующие пять-семь лет. В нем учитываются не

только дальнейшее совершенствование производства и рост показателей труда текстильщиков, но и дальнейшее улучшение их материальных и культурно-бытовых условий, и каждый член коллектива видит в своем будущем и в будущем его фабрики огромную заботу Коммунистической партии.

В. Панкратова

КИРОВЦЫ

Закончилась смена, и на широкий фабричный двор хлынул бесконечный поток людей. Сколько их! Совсем юные и уже немолодые, веселые и задумчивые, суетливые, которым везде надо поспеть, и степенные, с солидной походкой, спокойным взглядом. Да, разные люди в этой шумной многоголосой толпе, но... ни одного равнодушного лица.

Радостно и приятно ощущать себя частицей этой великой силы, тем более, если отработал на производстве первую смену. Так чувствовали себя сестры Кругловы, впервые попав на фабрику имени Кирова. Люди шли, говорили о чем-то своем, обсуждали еще не ведомые девушкам сомнения и радости, а сестрам казалось, что все смотрят на них, одобрительно улыбаются им.

Совсем недавно окончили они десятилетку, получили право называться зрелыми людьми. И вот сегодня впервые по-новому зазвучало для них простое слово «рабочий».

Цех встретил девушек сплошным гулом ткацких станков. В первую минуту им показалось, что машины тут поглотили все: и тишину, и свет, и людей. Осталось только ощущение большой скорости, постоянного движения. Но присмотрелись получше — видят: люди уверенно управляют сотнями различных механизмов; они четко работают, послушные воле текстильщиц.

Сестер приняли на фабрике, как давних знакомых.

— Дело наше — не мудренное, — сказала одна из по-

жилых работниц, но дается не каждому. Станок любит дотошных, смекалистых... Да вам что, ученым-то! Вот нам начинать труднее было...

Фабрика, с которой девушки решили связать свою судьбу,—одно из старейших текстильных предприятий Иваново-Вознесенска. Она существует более ста тридцати лет. Еще в 1822 году крестьянин деревни Аграфенино, Ковровского уезда, Тимофей Дербенев положил начало текстильной мануфактуре. Потом дело перешло к его сыну Никандру. Сначала производство было ручное и ограничивалось лишь ткачеством. Но в 1871 году хозяин купил обновальную печатную машину с конным приводом, и на фабрике стали «печатать» ситцы.

Постепенно «владения» Дербеневых росли. К 1899 году ткацкое производство в Иваново-Вознесенске было доведено до 942 станков. Фабрики Дербенева вырабатывали 800 тысяч кусков ткани на сумму 3 500 000 рублей. Продукция сбывалась в Москве, а в 1901 году были открыты отделения фирмы в Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и других городах. Фирма участвовала в многочисленных Всероссийских и Всемирных выставках.

8 марта 1919 года на основании постановления Президиума ВСНХ РСФСР под № 104 предприятие было национализировано, передано в ведение республики и объявлено собственностью РСФСР. Позднее фабрика была остановлена из-за недостатка сырья, топлива.

В 1927 году большинство фабрик уже работало на полную мощность, выпускало продукцию для советского государства. Но потребность в тканях все увеличивалась, строились новые фабрики, расширялись старые. Тогда в Иваново и вспомнили о бывшем предприятии фабриканта Дербенева. В текстильном тресте долго обсуждали, каким образом пустить фабрику.

Трест решил переоборудовать ее в ткацкую, на две с половиной тысячи станков. На это требовалось 800 тысяч рублей,—огромные по тому времени деньги. Но зато фабрика превратилась бы в одно из крупнейших ткацких производств губернии.

И вот летом 1927 года на захламленном фабричном дворе, напротив фабрики Зарядье (имени рабочего Ф. Зиновьева), появились строители. Все корпуса перестраивались заново. По обеим сторонам зала прорезались большие окна, полуподвальные этажи углублялись,

чтобы в них было просторнее. Для отопления установили котельную на три котла.

Работы было много. Вскоре в двух залах смонтировали до 300 ткацких станков. В августе они были пущены в ход. Тогда губернская газета «Рабочий край» оптимистически заявляла: «Там, где было три сотни строителей, скоро будет 8 тысяч рук ткачей».

И вот в конце 1927 года фабричные цехи наполнились гулом станков. Заново началась история одной из старейших фабрик Иваново-Вознесенска. На первых порах все производство умещалось в единственном корпусе. Работали в одну смену. Но станки продолжали поступать, приходили и новые люди. Через год сюда завезли автоматические станки марки «Н», полуавтоматы системы Алтухова и Дамаскина, простые механические станки.

Сначала предприятие имело общее управление с соседней фабрикой Зарядье № 1 и называлось Зарядьем № 2 (по местечку, где находилась). Первым «красным» директором Зарядьевских фабрик был выдвигенец из рабочих Баранов. Потом фабрики разъединили и вторая Зарядьевская стала существовать самостоятельно.

Шел 1929-й год. Знаменательное, но не легкое это было время для молодой страны социализма. «Годом великого перелома» вошло оно в историю Советского государства. Заложив фундамент социализма, став на индустриальные рельсы, страна готовилась к развернутому наступлению по всему фронту социалистического строительства.

Великая цель пробуждает в людях неисчерпаемую энергию. Народ, познав радость свободного, творческого труда, работал самоотверженно, проявлял необычайную сметку и изобретательность.

Постепенно в среде рядовых тружеников вырастали подлинные герои, новаторы производства. Появились они и на второй Зарядьевской фабрике. Темной, неграмотной девушкой пришла сюда в первый же год после ее восстановления Маруся Кудряшова. Через полгода девушка стала работать самостоятельно. В 1931 году она обслуживала 14 ткацких станков. А через три года перешла на сорок. Скоро ее имя стало известно всему Советскому Союзу: Мария Васильевна стала победительницей Всесоюзного конкурса ткачей-автоматчиков, в котором участвовали Дуся и Маруся Виноградовы.

Знатная ткачиха М. В. Кудряшова вскоре стала на фабрике инициатором стахановского движения — первой взялась обслуживать 80 автоматов системы «нортроп». Ее примеру последовали и другие ткачихи. На 80 «нортропов» перешла одна из лучших работниц фабрики — Нина Смирнова... Вслед за ней Мария Гречина после 32 стала обслуживать сначала 70, а потом 112 станков.

В 1934 году предприятию было присвоено имя С. М. Кирова. Новая волна трудового героизма прокатилась по фабрике. Образ славного трибуна революции, злодейски убитого врагами, вдохновил текстильщиков на новые трудовые свершения. План этого года был выполнен досрочно. Сверх плана текстильщики дали 366 207 метров ткани с браком ниже нормы и 3154 метра высококачественных тканей — зефирина, маркизета, сатина. Освоен новый сорт — полосатый зефирин. Ткачихи Ситникова, Архипова и Артемьева выпускали его без брака.

На фабрике долгое время не поддавался обработке полуавтомат Алтухова. В 1934 году на этих станках впервые была перевыполнена годовая программа. К полуавтоматам стали приспособлять самоостанавливающие ламелевые приборы. Это дало возможность ткачихам работать на 12—14 станках вместо шести.

В 1937 году на фабрике появился новый заместитель директора — бывшая ткачиха фабрики имени рабочего Ф. Зиновьева Е. Гонобоблева. Поддержав почин сестер Виноградовых, она обслуживала десять, потом двенадцать платовских станков, а с декабря 1935 года первой в фабрике перешла на рекордное уплотнение — 20 станков.

Вскоре Гонобоблеву выдвинули директором фабрики имени Кирова, избрали депутатом Верховного Совета СССР, делегатом XVIII съезда партии. Вместе с фабрикой росли, мужали и другие ее труженики. Ткачиха-стахановка Скотникова стала работать в ЦК союза хлопчатобумажников, нормировщик Лебедев стал мастером приготовительного отдела, начальник цеха Радугин вырос до главного инженера, а потом директора фабрики.

1938-й год. Лучшая ткачиха предприятия Н. Смирнова явилась инициатором нового маршрута ткача. Он резко сократил простой станков и повысил их производительность. К концу года по этому маршруту работали все автоматчицы.

Предприятие медленно, но верно продолжало выбиваться в число лучших. В предмайском социалистическом соревновании 1941 года «кировцы» опередили лучшие предприятия Иванова и завоевали Красное знамя райкома партии. Передовые ткачихи переходили в том году на многостаночное обслуживание. Были перекрыты типовые нормы обслуживания станков. На каждого рабочего в среднем приходилось по 7,4 платтовских станка при норме 6. Ткачихи-автоматчицы Смирнова, Кудряшова, Рыбина обслуживали по 112 станков и показывали образцы высокопроизводительного труда. В каждом отделе предприятия были внедрены суточные графики. Фабрика упорно готовилась к работе в летних условиях.

Но в одну из светлых июньских ночей мирный труд советского народа был нарушен нападением злобных фашистских полчищ. И когда весь народ поднялся на защиту Отечества, значительно поредели ряды рабочих: многие мужчины ушли на фронт. С первых дней войны взял винтовку в руки и помощник мастера В. Ф. Яшков. На рабочем месте его заменила жена — Клавдия Павловна. Многие женщины заменили мужей и братьев, каждой приходилось работать за двоих и троих.

В годы войны не хватало топлива, сырья, усталость валила людей с ног, но боевой лозунг: «Все — для фронта. Все для победы!» призывал женщин трудиться не покладая рук. В трудный военный 1943 год стала помощником мастера и опытная ткачиха А. Ваганова. Она десять лет проработала за станками. Но потребовалось — и стала возглавлять бригаду. На фабрике началось движение за пуск на полную мощность всех станков и машин. А. Ваганова одной из первых поддержала это начинание и с 28 станков перешла на 36. Ткачихи ее комплекта работали дружно, слаженно. Пожилая ткачиха Власова на 8 станках выполняла норму на 130%. Перед 26-й годовщиной Октября комплект А. Вагановой выполнил норму на 120 %.

21 февраля 1944 года фабрику облетела радостная весть — досрочно выполнено обязательство в честь годовщины Красной Армии. На другой день в газете «Рабочий край» появился рапорт кировцев и обязательство дать до конца месяца 1200 тысяч метров ткани. По заслугам были оценены старания текстильщиков. А ткачиху К. Четверикову наградили орденом Ленина.

«Пока у меня есть силы и глаза мои видят,— писала

она тогда, — буду работать на благо Родины. Я ежедневно даю сверх плана 50 метров ткани. Это мой вклад в дело победы над врагом».

Так трудились «кировцы» в годы войны. Не менее самоотверженно работают они и сейчас. В 1949 году вместо механических станков и полуавтоматов Алтухова здесь стали устанавливать новые отечественные станки АТК-100 системы инженера Кананина. Вот тогда сказались на профиле предприятия его история! Ведь на фабрике за двадцать с лишним лет выросли замечательные кадры ткачей-автоматчиков, которые с первых дней совершенствовали свое мастерство. Может быть, именно поэтому кировцам и доверили осваивать новое оборудование. Через три года на фабрике было установлено 739 станков АТК-100. Рабочие, инженеры и техники не только с любовью, но и творчески, по-хозяйски отнеслись к новым автоматам, внимательно приглядывались к их работе.

Вскоре начали сказываться отдельные мелкие недостатки конструкции. Неудачными оказались подвязки ремиз. Группа рационализаторов предложила новую конструкцию. Потом изменили тормоз станка. В третьем цехе заменили более простым приспособлением систему качающегося скало. Всего было внесено более ста рационализаторских предложений, усовершенствований, приспособлений к АТК-100, многие из которых учтены при разработке других видов этого станка.

Сейчас кировцы от души полюбили автоматы и не только за красивый внешний вид: на АТК-100 они успешно выполняют государственное задание, упорно наращивают производительность труда. Фабрика имени Кирова выходит в число передовых.

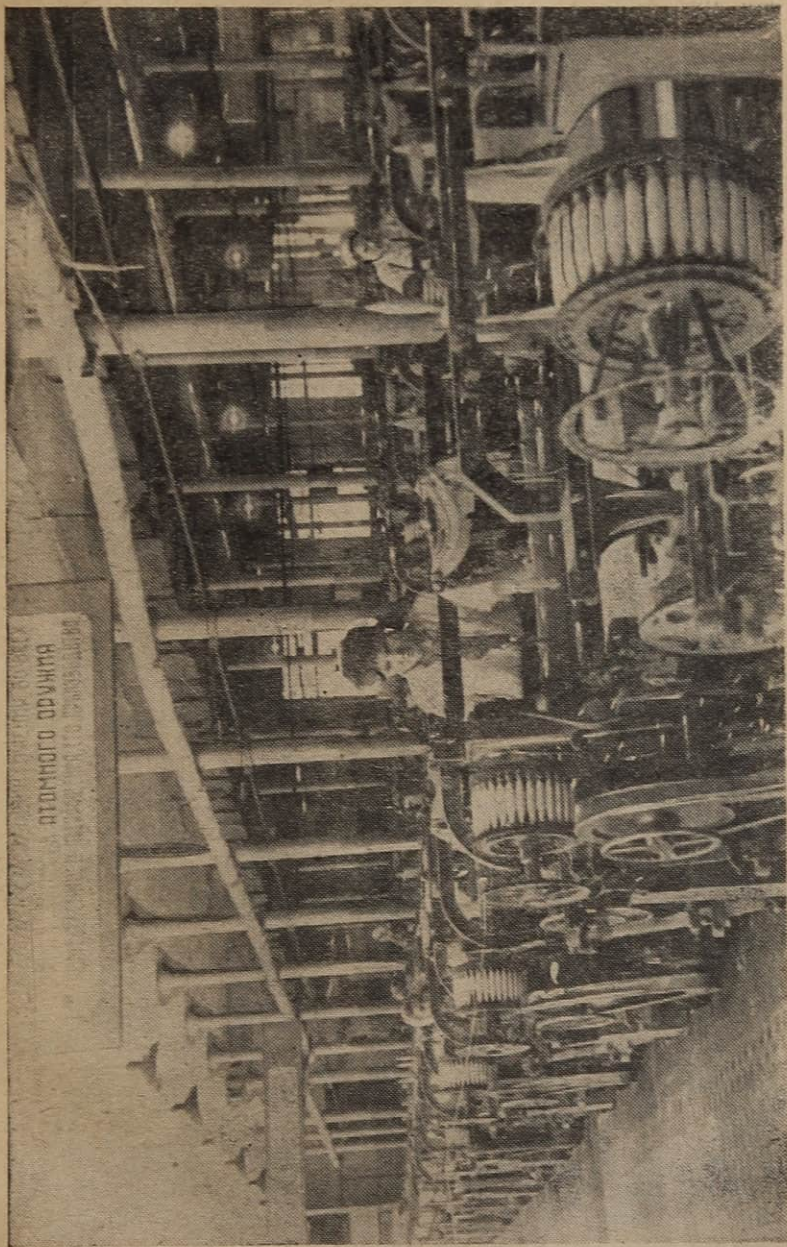
Трудолюбивый, творческий народ работает здесь. Духом соревнования, неиссякаемым огоньком творчества пронизана повседневная жизнь текстильщиков.

Здесь много подлинных новаторов производства.

Вот помощник мастера Николай Анисимович Мосеев. Его знают на фабрике как хорошего специалиста своего дела, партийного группора третьей смены третьего цеха. Бригада Мосеева — это своеобразная школа передового опыта, где смело экспериментируют, проверяют и внедряют все новое.

Три года назад здесь начали осваивать заводные челноки. Вот тогда-то, может быть, особенно ярко прояви-

Ткацкий цех фабрики имени С. М. Кирова (станки АТК-100).

лись настойчивость и твердость характера молодого помощника мастера. Многие отнеслись с недоверием к его инициативе, доказывали, что это начинание ничего не даст. Но Николай Анисимович не сдавался, хотя вначале обрывность на его станках возросла, а выработка снизилась. Он верил, что заводные челноки еще покажут свои преимущества, помогут облегчить труд ткачей, сделать его более производительным.

Так и вышло. Вскоре производственные показатели 28-й бригады стали заметно улучшаться, и она вновь вышла в число передовых. Позднее коллектив добился наивысшей в области производительности оборудования, заправленного миткалем, — 14 404 уточины на станок в час. Стало известно, что если все ткачи фабрики добьются этого, то предприятие выпустит дополнительно более полумиллиона метров ткани в год.

К этому стремятся все кировцы.

Здесь же, в третьем цехе, работает ткачиха Фаина Николаевна Осовская. Она обслуживает 18 станков АТК-100, заправленных штапельным полотном. Умелая мастерица ткачества, Фаина Николаевна, горячо любит и знает свое дело.

Экономно расходуя каждую секунду рабочего времени, она быстро исполняет все производственные операции. Ежедневно с ее станков сходит 243 метра ткани сверх нормы.

Все новое, прогрессивное широко применяют в своем труде ткачихи Наталья Федоровна Кислова, Анна Никаноровна Кашина, Евгения Захаровна Смирнова и многие другие передовики производства, которыми заслуженно гордятся кировцы. Портреты сорока восьми лучших рабочих красуются на фабричной Доске почета. В Книгу почета предприятия занесены имена двадцати двух человек.

Кировцы активно внедряют и поддерживают хорошие начинания, возникающие на других фабриках и заводах, охотно перенимают все новое.

Быстро была подхвачена здесь инициатива соседей — фабрики имени рабочего Ф. Зиновьева, начавшей осуществлять широкий план модернизации действующего оборудования. Кировцы стали упорно искать пути повышения скоростей ткацких станков системы «Н». И поиски не пропали даром. Часовая производительность отдельных станков в первом цехе достигла 12 450 уто-

чин при плане 11 830. С этих станков каждый час сходит по три метра сатина.

Узнав, что на Гаврилово-Посадской фабрике помощник мастера т. Гоголин сконструировал оригинальный вилочный механизм, им заинтересовались помощники мастеров 28-й бригады. Вскоре и у кировцев появились уточные вилочки системы Гоголина. Энтузиастами их внедрения были Н. А. Мосеев, А. П. Голубцов, А. Г. Гликин. Но здесь не только переняли хорошее, а и усовершенствовали его. Помощники мастеров Мигушев и Гликин предложили взамен вилочки устанавливать вилочную решетку. Она очень проста, легко устанавливается; станок с такой решеткой спокойно работает на повышенной скорости.

Однажды группа руководящих работников фабрики была на Меланжевом комбинате. Здесь они заинтересовались оригинальными тележками для зарядниц утка. И неосведомленному человеку сразу стало бы ясно, что тележки удобнее переносных ящиков: утка в них помещается много больше, а устроены они так, что труд зарядниц облегчен. У тележек есть «подвижное» дно. По мере выработки утка дно «поднимается», и работницам не приходится наклоняться. Кировцы сразу оценили преимущества этого нововведения и стали внедрять такие тележки у себя.

Подобных примеров много. Кировцы — страстные поборники всего нового, передового, замечательные энтузиасты своего дела. Благодаря их усилиям производительность труда на фабрике за последние восемь лет выросла на 52 %.

Все передовое находит горячую поддержку коммунистов фабрики. Они — настоящие борцы за честь фабричной марки, люди, горячо любящие родное предприятие.

Как-то в кабинете начальника второго цеха возник разговор о постоянном отставании 26-й бригады.

— Что с ней делать — ума не приложу, — безнадежно разводил руками сменный мастер т. Коровин.

Тут же был и партийный группорг, один из лучших помощников мастера В. Ф. Яшков. Он долго молчал, точно чего-то прикидывал в уме, а потом вдруг заявил:

— Ставьте меня на 26-ю... Может, что получится!

На другой день коммунист пришел в отстающую бригаду. На первый взгляд могло показаться, что все

тут, как положено. Но не зря Яшков отработал на фабрике двадцать лет! Опытный специалист сразу заметил хлам, беспорядок у станков, суетливые движения одних работниц и неповоротливость, равнодушие других. Вот молодая ткачиха Людмила Быкова. Сорвав наработанную ткань, она не спеша идет искать пришиву и тратит на это минут пятнадцать. А время идет, бегут драгоценные минуты,— станок простаивает.

Новый помощник мастера внимательно приглядывался к бригаде, а в обеденный перерыв собрал всех, сказал, зачем пришел, попросил высказать, что тревожит и волнует ткачих. Говорили много, горячо. Почувствовал Василий Федорович, что за словами ткачих кроется горькая, но справедливая обида на ремонтников и бывшего руководителя бригады.

С тех пор в коллективе установился строгий неписанный закон: не терять попусту ни одной минуты, рабочее место содержать в чистоте, технику использовать на полную мощность.

И вскоре отстающая бригада стала выбиваться в число передовых. 114 % плана дала она через несколько месяцев и получила звание «Бригада отличного качества». Еще недавно со станка № 1071 сходило не больше 23 метров ткани в смену. А теперь с него снимали до 32. Почти в два раза увеличилась производительность станка № 39! Лучшими стали еще недавно отстающие ткачихи. В число передовых вышла и Людмила Быкова.

Образцовая организация труда сделала свое дело.

Определились отношения помощника мастера и с ремонтниками. Теперь Яшков не подписывал акт приемки до тех пор, пока своими глазами не убеждался, что ремонт сделан отлично.

С тех пор прошло больше года. Василий Федорович по-прежнему работает в своей бригаде, а 26-я идет вровень с другими коллективами. Хороший почин коммуниста поддержали и развили дальше другие.

Тридцать лет... Это очень короткий срок в жизни крупного промышленного предприятия. За три десятилетия даже не успело смениться одного поколения тружеников фабрики. А сама она изменилась до неузнаваемости.

Фабрика имени Кирова превратилась в крупное социалистическое предприятие с новейшим оборудованием, с передовыми приемами труда, с замечательными людьми.

ми, которым очень дорога честь родного фабричного коллектива.

Сейчас на фабрике 1323 станка. На них вырабатываются сатин, миткаль, зефирин, штапельное полотно.

На предприятии более двух тысяч рабочих. Многие из них не только умело управляют техникой, но и постоянно совершенствуют ее. Только в 1956—1957 годах от рабочих и инженеров поступило более двухсот предложений, 159 из них уже внедрены.

Вот механический станок № 1069 во втором цехе. На первый взгляд он ничем не отличается от других. Четко работают механизмы. Ровной лентой наматывается на валик белоснежный зефирин. Но если присмотреться повнимательней, можно заметить существенные изменения в конструкции этого станка.

Он отличается, прежде всего, какой-то собранностью, аккуратным видом. Все его соседи выглядят более громоздкими и неуклюжими по сравнению с ним. Внизу по бокам у них висят на коротких ремнях различные по виду грузы. Они действуют на ось прищвы и плотно прижимают его к вальяну. Каждый раз, чтобы снять наработанную ткань, ткачихе приходится поднимать груз, а он весит от 8 до 20 и более килограммов.

На станке № 1069 этих неудобств нет. На нем установлена изобретенная недавно начальником цеха Л. Н. Рассадиным новая конструкция товаро-подъемного механизма. Она очень проста. Небольшой рычажок заводит пружину, а та опускает рейку, которая давит снизу на ось прищвы. Три-четыре вращательных движения руки — и один конец оси свободен. Еще пять-десять секунд — операция закончена. Теперь ткачихе не надо поднимать два тяжелых груза, несложное приспособление освободило ее от этой нелегкой работы.

Лазарь Николаевич уже давно присматривался к станкам, но сразу найти такой простой способ не удалось. И вот однажды его осенила мысль: «А что, если идею товаро-подъемного механизма взять от автоматических станков?» Долго ломал он голову, «изрисовал» не один листок бумаги, но все-таки нашел выход из положения. Через несколько дней на станке № 1069 был установлен новый товаро-подъемный механизм. Ткачихи очень быстро оценили его преимущества, и фабрика получит от этого нововведения большую выгоду; много освободится металла.

Это лишь одно из многих нововведений рационализатора Рассадина. Он — автор ламельного прибора для механических станков, сконструировал «державку» для валичных шпатулок станка АТК-100, участвовал в работе по изменению тормоза этого станка.

Интересна личная судьба скромного, пытливого практика Рассадина. Двадцать лет назад после окончания фабзавуча пришел он на Кировскую. Его поставили помощником мастера в 4-й цех. «Соловками» звали тогда этот отстающий участок на фабрике. Слабое техническое оборудование, неблагоустроенное помещение, постоянное невыполнение плана на полуавтоматах — вот что встретило здесь молодого рабочего.

Много изменений произошло с тех пор в жизни Л. Н. Рассадина. Позади остались годы напряженного труда, нелегкие фронтовые дороги, накоплен огромный опыт. Лазарь Николаевич стал начальником цеха, уважаемым человеком на производстве.

Но пытливому текстильщику долгое время не доставало знаний. И вот, будучи уже далеко не юношей, начальник цеха садится за парту в вечернем техникуме. Вместе с Лазарем Николаевичем училась и одна из лучших ткачих этого цеха комсомолка Аля Каштанова. Весной 1956 года рядовая работница и начальник цеха получили дипломы техников-технологов по ткачеству.

А вот помощник мастера Николай Мешков. Это молодой человек с копной темно-русых волнистых волос. Юноша склонился над станком, и послушные его ловким умелым рукам, четко заработали механизмы.

Но вот внимание помощника мастера привлекла смазчица. Как ей неловко работать! Приходится подлезать под станок, прежде чем смажешь все необходимые детали. А не легче ли заменить сложную систему качающегося скало? Тогда будет меньше точек для смазывания. Может быть и оси при смене основ заедать не станут?

Посоветовался с начальником цеха т. Гусевым. Оказалось, он тоже давно задумывался над этим. И оба вместе предложили упрощенную систему качающегося скало. Теперь перестало «заедать» оси, в три раза быстрее можно смазывать станок.

До сих пор памятно Николаю самое первое его изобретение. Было это года четыре назад. Юноша долго

наблюдал за полетом челнока и заметил, что когда тот выходил из зева, мыски его часто рвали нити.

— В чем дело? — обратился он за советом к челночнику И. И. Тихомолову.

— Думаю, мыски очень остры. Вот нить и рвется.

Вместе с Иваном Ивановичем Мешков разработал новую конструкцию челнока. Рационализаторы предложили сделать мыски овальными. И сразу сказались результаты: нитку сечь не стало.

Трудно сказать, когда появилось у молодого помощника мастера желание активно вмешиваться в работу станка. Но с годами оно все укреплялось. Расширялись знания молодого текстильщика, когда по вечерам он склонялся над книгами и тетрадями в школе рабочей молодежи, когда защищал право на получение аттестата зрелости.

Молодой помощник мастера мечтает стать инженером. Ну, что ж! Это под силу тем, кто пытлив, упорен, и любит труд.

Именно таков Николай.

Молодежи, пытливой, ищущей, много на фабрике имени Кирова. Под руководством старших товарищей юноши и девушки растут подлинными новаторами, настоящими хозяевами своего предприятия.

В ногу со всеми идут и рядовые труженицы сестры Кругловы. Широкий путь в жизнь, в науку открыл перед ними рабочий коллектив.

...И днем и ночью гудят корпуса фабрики имени С. М. Кирова. Через каждый час со станков сходит около десяти тысяч метров ткани.

Во все концы необъятного Советского Союза расходуется эта продукция.

И может быть, получая куски сатина, зефирина, штапельного полотна с клеймом ивановской фабрики имени Кирова, тысячи советских людей с благодарностью подумают о текстильщиках, одевающих народ в добротные, красивые ткани.

Не зря так гордятся своей профессией ткачи нашего края!

А. Туголуков

Заседание фабричного комитета комсомола длилось недолго. Всё ясно! Из каждых ста рабочих предприятия сорок человек — молодежь. Это — большая сила. На полный ход ее! Молодые текстильщики должны хорошо владеть мастерством. Но — не только. Дать им общее представление о производстве в целом, познакомить их с историей предприятия, с революционными и трудовыми традициями отцов и дедов — неотложная задача...

Для начала решили совершить экскурсию по обширному фабричному хозяйству, устроить встречу новичков со старым производственником М. К. Легковым.

Мефодий Константинович больше полувека проработал на фабрике и лишь недавно ушел на заслуженный отдых. Кадровый текстильщик в полную меру испытал на себе и тяжкий гнет капитализма, и радость творческого труда на социалистическом предприятии.

Повидать такого человека, поговорить с ним, — полезно и интересно!

***

Во главе с ветераном труда новички идут по цехам. Длинные ряды машин, агрегатов. Каких только механизмов тут нет! Одни отбеливают суровье; другие острыми ножами-бритвами удаляют с ткани все чужеродное: волоски, ниточки, узелочки; третьи наносят на гладкое полотно веселые цветы-узоры; четвертые — моют, красят,

глядят. Сложные агрегаты выполняют одновременно до четырех-пяти различных операций. Умницы! Автоматические приборы регулируют уровень температуры, концентрацию химических растворов.

Трудно поверить, что предприятию... 207 лет!

— При Советской власти древнюю старушку-фабрику «омолодили», оснастили ее современным оборудованием, построили более просторные отбельный и красильный цехи,— говорит М. К. Легков.— За один минувший год на предприятии установили десятки новых машин — мойных, пропиточных, красильных, сушильных, печатных.

Техника продолжает прибывать. В феврале пущены две плюсовки с вибраторами, нафтольный агрегат. Смонтирована шестивальная вертикальная печатная машина высокой производительности — одна из первых в нашей стране. Устанавливается мощный красильный аппарат.

А вот еще одно техническое новшество — транспортная сушилка. Она выпускает ткань с хорошей отделкой по внешнему виду и с минимальной усадкой после стирки.

Отделочники освоили прогрессивную технологию белия штапельного полотна перекисью водорода. Применяется крашение тканей кубовыми и другими прочными красителями.

Немало хитроумных приспособлений, устройств спроектировали, изготовили и смонтировали фабричные умельцы. Внедрено до ста таких технических новшеств.

— Посмотрите хотя бы вот на эту иностранку,— указывает экскурсовод на одну из машин.— Когда ее водворили в цех и испытали, то оказалось, что действует она плоховато. В чем дело? Чем зарубежная гостья больна?

Заведующий электроотделом А. М. Румянцев тщательно проверил все узлы и механизмы, изменил схему электрооборудования,— и машина действует теперь куда лучше, чем вначале.

Слесарь энергоконтроля В. Л. Данилов разработал автоматический регулятор давления пара для редукционных клапанов теплового пункта.

Начальник красильного цеха А. А. Ананьев, машинист А. С. Хапаев, мастер ремонтно-механического отдела Н. И. Герасимов и химик П. Д. Масленников осуще-

ствили эффективный способ крашения штапельного полотна.

До пятнадцати новшеств сосневские отделочники переняли с других предприятий. Из своих они тоже не делают секрета. В совете изобретателей фабрики есть специальный альбом, куда заносятся описания и чертежи внедренных рационализаторских предложений и технических усовершенствований...

С особым вниманием осматривали юноши и девушки граверную мастерскую.

— Здесь, — сказали им, — вдохнули вторую жизнь в старые печатные валы.

— Как это так? — раздался удивленный голос.

— А очень просто, — улыбается начальник мастерской А. И. Люлин. — Впрочем, это не так уж просто. Вы знаете, как текстильные рисунки переносятся на гладкое полотно? При помощи вот таких медных валов. Процесс напоминает печатание газет в типографиях, поэтому и фабричные машины называются печатными — вы их уже видели. Медный вал может употребляться несколько раз: сначала на нем гравировют один рисунок, затем — второй, третий, четвертый. В конце концов вал стачивается настолько, что становится уже негодным. Его отправляют на склад — пусть лежит там... до поры до времени. А отделочные предприятия нередко испытывают в печатных валах острую нужду. Не хватало их и на нашей фабрике.

Как горю пособить?

Два года назад на предприятии — впервые в хлопчатобумажной промышленности города — организовали гальванический цех. Здесь сточенные валы наращивают электрохимическим способом. Наши новаторы основательно потрудились. За сравнительно короткий срок они изготовили две специальные ванны. Позже слесарь А. А. Юрыжев дополнительно оборудовал их оригинальным устройством, которое делает работу ванн более надежной и долговечной. В минувшем году таким путем восстановлено свыше двухсот печатных валов — иные из них были заброшены чуть ли не до войны. А в настоящее время дело организовано еще лучше: мы омедняем ежемесячно 35—40 валов.

Теперь фабрика гораздо быстрее, без обычных до того задержек, внедряет в производство новые многоцвет-

ные рисунки, в частности для штапельных головных платков.

Соснецы помогают реставрировать старые печатные валы ткацко-отделочной фабрике имени рабочего Федора Зиновьева и Большой Ивановской мануфактуре.

**
*

Сосневские отделочники вырабатывают ситцы, сатины, бязь, мадаполам, разнообразные плательные ткани: кашемир, шерстянку, фуляртин, майю, креп «Весна». Текстильщики стараются, чтобы ткани были достаточно прочными, имели бы красивую расцветку. Хлопчатобумажные материи выпускаются главным образом набивными и гладкокрашеными. Широко применяются яркие, вытравные и резервные рисунки, прочные красители — черный анилин, парааминовый коричневый, кубовые. Растет выпуск мерсеризованных тканей.

С 1952 года предприятие изготовляет также штапельное полотно. Отделка его на оборудовании, приспособленном для выработки хлопчатобумажного товара, — это техническое дерзание, трудовой подвиг сосневских текстильщиков. Немало усилий пришлось положить им, немало довелось испытать горьких разочарований, пока не освоили они по-настоящему технологию нового для них дела. На первых порах выпуск штапельной ткани едва достигал 50 тысяч метров в сутки. А спрос на нее все увеличивался.

«Нужда заставит калачи есть», — говорит народная мудрость.

На этот важный участок была брошена почти вся новейшая техника, полученная фабрикой за последние годы: пажи (агрегаты подготовки ткани в жгуте), жгуты-вые барки, роликовые красильные машины, усадочная машина, завесные сушилки, сушильно-ширильная рама и другие механизмы. Выпуск продукции стал подниматься.

Однако основная трудность преодолевалась медленно. Как лучше оформить новую, «шелковую», ткань колористически и художественно? Как добиться того, чтобы штапельное полотно ласкало взгляд, нравилось женщинам и мужчинам, чтобы штапельное платье от начала и

до конца сохраняло первоначальную яркость красок? Никакого опыта не было.

Главная забота легла на фабричных художников. Именно им в первую очередь предстояло решить эту сложную задачу.

И они решили ее!

— Александр Петрович! Расскажите, пожалуйста, по какому пути вы пошли.

— Мастера текстильного рисунка, — говорит заведующий художественной мастерской А. П. Мольков, — стали одновременно и учениками и открывателями.

После долгих творческих исканий они нашли, наконец, основное звено в художественном украшении штапельной ткани и крепко ухватились за него. Художники начали создавать сложные, многовальные рисунки, применять цветные стилизованные орнаменты или геометрические формы в комбинации с различными теневыми узорами. Перенести такой рисунок на ткань — не легко! Усложнялась работа в граверной мастерской. Требовалась исключительная сноровка бригад печатных машин. Нужно было наладить творческое содружество художников, граверов, колористов, печатников, организовать взаимоконтроль.

С опытом такого благотворного сотрудничества подробно ознакомились участники всесоюзного совещания отделочников, происходившего на Сосневской фабрике в 1956 году. Гостям показывали набивные ткани.

— Взгляните, — говорил один из руководящих работников предприятия, — вот на «Ковровый» рисунок для халатов из штапельного полотна. Плод творческого содружества художника Т. А. Терентьевой с гравером А. А. Терентьевым, он до сих пор пользуется исключительным спросом потребителей, получает только положительные отзывы.

Художник И. А. Мальков создал рисунок «Волна». Автор внимательно следил за ходом его гравирования Г. С. Розовым. Все возникавшие вопросы — усилить или ослабить гравюру — разрешались ими совместно.

А вот перед вами приятная штапельная ткань темно-синего цвета. Вдоль полотна проходят длинные полосы. Их пересекает ажурный орнамент в виде растянутого дубового листа. Красивый рисунок гравировался

Ю. И. Воеводиным и А. Е. Сорокиным под непосредственным наблюдением художника А. П. Молькова.

В мастерской плодотворно трудятся Л. М. Батракова, Е. Я. Кузина и другие опытные мастера текстильного рисунка. Они настойчиво расширяют свой кругозор, совершенствуют профессиональные навыки. Г. С. Горбачев, В. Ф. Евсеев, И. А. Мальков и А. П. Мольков без отрыва от производства успешно окончили колористическое отделение химико-технологического техникума.

**

Художник создает один вид рисунка. Расцветки — их может быть сколько угодно — разрабатываются колористом и испытываются в печатном цехе. Для этой цели там выделена специальная восьмивальная машина. Во главе производственной бригады стоит квалифицированный раклист, большой мастер печатного дела А. Е. Сорокин. Опытные заготовщики, работающие в красковарке, снабжают печатную машину готовыми красками. Общее руководство колористическими разработками осуществляет инженер-колорист З. С. Насонова.

За время существования предприятия сосневские отделочники использовали для набивки тканей, как можно полагать, 10—12 тысяч разнообразных рисунков. При Советской власти — 2050. В 1957 году — 140. Не один десяток текстильных рисунков получил отличную оценку специалистов, заслужил горячую похвалу населения. И. А. Малькову дважды присваивалось почетное звание лучшего художника Ивановской области. На московских выставках-продажах, практиковавшихся в последние годы, ткани фабрики имени Ф. Н. Самойлова брались обычно нарасхват.

В том, чтобы придать рисунку на ткани более яркую окраску, немаловажную роль играет умягчение технологической воды. Творческую работу на эту тему — «Применение умягченной воды в отделочном производстве» — выполнили в минувшем году главный механик фабрики И. Д. Коновалов и начальник энергоконтроля Ф. Д. Успенский.

Фабричные художники стали чаще бывать в Центральном ассортиментном кабинете, во Всесоюзной торговой палате, регулярно обмениваются опытом с мастера-

ми текстильного рисунка на других отделочных предприятиях Ивановского экономического района.

Художники, граверы, технологи, механики, рядовые рабочие стремятся к тому, чтобы сосневские ткани еще лучше удовлетворяли возросшие запросы и вкусы советских людей, чтоб материи могли драпироваться, не мялись бы при носке, не садились при стирке.

Много на Сосневской фабрике мастеров текстильного дела, героев труда, и всех их, ясное дело, не перечислишь.

Добрая слава идет о бригаде сернистого аппарата В. П. Павлова, о бригаде завесной сушилки Ф. И. Матуласовой, о сшивальщице суровья А. И. Антипиной, браковщице готового товара Л. В. Кустовой и многих-многих других передовиках.

В минувшем году бригады раклита С. М. Липина и машиниста сернистого аппарата С. Я. Шанихина были награждены Почетными грамотами областного комитета профсоюза и управления хлопчатобумажной промышленности Совнархоза.

Нельзя умолчать о бригаде раклита Б. Л. Иванова. Выполнять норму выработки не меньше чем на 125—130% — закон каждого члена бригады. Почти всю продукцию печатники выдают первым сортом.

Перед второй мировой войной на одного трудящегося фабрики вырабатывалось в час 65,36 метра готового товара, а в 1957 году — уже 81 метр. Среднесуточный выпуск продукции с 456 тысяч метров поднялся до 800 тысяч.

Текстильщики с энтузиазмом подхватили патриотический почин известного в стране Героя Социалистического Труда Николая Мамаева и, по примеру донецких забойщиков, соревнуются за то, чтобы перекрывать сменные задания каждый день и на каждом рабочем месте.

В первом квартале 1958 года сосневские отделочники выпустили свыше 60 миллионов метров хлопчатобумажных и штапельных тканей, а за весь 1913 год ситценабивная мануфактура П. Н. Грязнова изготовила около 73 миллионов аршин (т. е. менее 52 миллионов метров) ситцев, платков и фартуков. Комментарии, как говорится, излишни!

Кстати сказать, изделия Сосневской фабрики идут не только во все концы нашей страны. Их спрашивают и за

Оличники производства фабрики им. Ф. Н. Самойлова: стоят (слева направо): браковщица С. И. Кулева, мерильщица М. И. Фомичева, бригадир слесарей Н. И. Таланов, машинист Н. С. Гмызин, раклист П. И. Кондратьев; сидят (слева направо): раклист И. А. Лебедев, браковщица А. И. Андреева, машинист завесной сушилки Ф. П. Матуласова.

границей. Сосневские материи экспортируются в Афганистан, Бирму, Болгарию, Вьетнам, Германскую Демократическую Республику, Иран, Корею, Монголию, Таиланд, Финляндию, Францию.

В скором времени этих изделий будет вырабатываться еще больше.

— Сейчас разрабатывается план реконструкции фабрики, — сказал молодежи директор фабрики С. И. Кудрявцев. — Появится новейшая техника. Все процессы будут контролироваться и регулироваться автоматически. В 1964 году при семичасовом рабочем дне фабрика станет вырабатывать миллион метров высокосортных тканей в сутки.

— Это очень много?

— И много, и, если хотите, мало — смотря с чем сравнивать. Миллион — это на 200 тысяч метров больше, чем теперь.

Зашла речь о недалеком прошлом, а потом и о далеком.

**
*

Фабричный зал заседаний заполнили девушки и юноши. На встречу со старым производственником пришли не только новички. Явились и молодые текстильщики, уже овеванные, так сказать, трудовой славой.

Пенсионер, проработавший на фабрике 52 года, рассказывает молодежи об истории предприятия.

— Это было в 1751 году. Крепостной крестьянин графа Шереметева И. М. Гарелин, бывший до того графским приказчиком в селе Иванове, открыл в деревне Рылихе полотняную мануфактуру. 100 ткацких станков вырабатывали до 150 тысяч аршин холста в год.

С восьмидесятых годов полотняно-ткацкое производство постепенно преобразуется в ситценабивное. Тканье не поспевает за набивкой, и Гарелин скупает холсты на стороне, раздает крестьянам пряжу, превращая их в своих рабочих. У петербургских и московских фабрикантов Гарелин покупает бумажную бязь.

В 1792 году Гарелин начал работать «белоземельные ситца», т. е. хлопчатобумажные ткани с рисунками по белому полю, одновременно придавая материи гладкую и блестящую поверхность (производя «галандренье» сит-

цев), а еще через год стал применять для обработки товара купоросное масло (серную кислоту).

Постепенно льняное производство в Иванове окончательно вытесняется хлопчатобумажным.

После Отечественной войны 1812 года, когда в огне пожаров погибли почти все текстильные мануфактуры Москвы и Подмосковья, спрос на текстильные товары необычайно усилился. Тогда-то набойное заведение Гарелина и пошло в гору.

В 1833 году предприятие Николая и Петра Гарелиных имело: «2000 станков, 200 столов, цилиндрическую машину о 52 валах для печатания ситцев...». Ткацкие станки находились «на дому» у окрестных крестьян, которым владельцы раздавали пряжу. Помимо 2000 ткачей, число рабочих — набойщиков, штрифовальщиков, заварщиков и т. д. — достигало 670. «В течение года, — говорится в одном документе, хранящемся в Ивановском областном архиве, — выработано было 65 000 штук миткаля на 1 001 250 рублей, разного ситца и платков 75 000 штук на 1 873 000 рублей».

А еще через четыре года, по сведениям местных до-reволюционных историков, «ситцевая фабрика» братьев Гарелиных среди всех ивановских предприятий почиталась «обширнейшей по количеству своего производства» и лучшей по качеству изделий.

В 1843 году Николай и Петр «разделились». Петр покупает соседнюю фабрику Грачева, приобретает в собственность земельные участки под своими предприятиями и становится крупнейшим ивановским капиталистом.

Однако сын Петра — Яков не захотел пойти по пути отца. В 1878 году он продал фабрику своему ярмарочному приказчику П. Н. Грязнову. Через 14 лет после этого она была преобразована в «Товарищество Покровской ситценабивной мануфактуры П. Н. Грязнова».

В 1913 году, накануне первой мировой войны, на Покровской мануфактуре действовало: 19 печатных машин, 2 запарки, 3 зрельника, 2 паровых машины в 1700 лошадиных сил и другое оборудование. Рабочих насчитывалось свыше полутора тысяч. Фабрика, как уже сказано, выпустила более 70 миллионов аршин ситца, платков и фартуков.

М. К. Легков остановился и на том, как «грязновская» фабрика стала советской.

...Во второй половине 1918 года Сосневскую фабрику остановили: не хватало хлопка, топлива. Целых шесть лет никто не прикасался к машинам. Фабрика называлась тогда Нижне-Уводьской, а с 1925 года — «Рабочий край». Еще через год «Рабочий край» объединяется с соседней прядильно-ткацкой фабрикой (ныне имени О. А. Варенцовой) и работает как комбинат до 1932 года.

В октябре 1932 года фабрику выделили в самостоятельное отделочное производство под названием «Сосневская отделочная фабрика».

— А когда вы, Мефодий Константинович, поступили на фабрику?

— В 1905 году, мальчиком 14 лет... Вы и представить себе не можете, в каких невыносимых условиях мы тогда работали. Да вот взгляните, пожалуйста, на снимки, оставшиеся у меня от тех времен.

М. К. Легков передал в зал фотографии, и они пошли по рукам.

— Почти все работы производились вручную. Медные валы весом до двухсот килограммов каждый рабочие подносили к печатной машине на плечах. Четверо дядей едва справлялись с одним «валиком»! Трое нажимали на рычаг напорного пресса.

Я работал в печатном цехе. Машины стояли у стены. Окон не было. Круглый год в помещении горела одна электрическая лампочка. Уже через год от сильного напряжения у меня получилось острое заболевание глаз.

Выходцы, главным образом, из бедняцких слоев деревни, иваново-вознесенские текстильщики, подвергаясь неслыханной эксплуатации на производстве, не обладали даже самыми элементарными культурно-бытовыми удобствами. Неимоверно тяжело приходилось с жильем. На крупных фабриках были либо так называемые рабочие казармы, разделенные на малюсенькие «каморки», либо огромные общие «спальни». В одной каморке зачастую ютилось десять-двенадцать человек, в «спальне» помещалось до сотни. Зимой в спальне было так душно, что керосиновые лампы, подвешенные к потолку, мигали и гасли.

По словам большевика-подпольщика М. А. Багаева, описавшего быт рабочих фабрики Н. Гарелина, фабричные спальни в Иваново напоминали тюрьму. Наблюдавшие за порядком в спальнях «хожалые» мало чем отли-

чались от тюремных надзирателей. После десяти часов вечера рабочих из спальни не выпускали.

Но и сюда, в «каморки» и «спальни», напоминавшие тюремные камеры, попасть было отнюдь не легко. Большинство рабочих приходилось нанимать квартиры в городе, что они и делали, собираясь «артелями» — от 8 до 15 человек.

М. К. Легков рассказал, как описывает одну из таких «квартир» Ф. Н. Самойлов, имя которого носит фабрика.

Все пятнадцать жильцов помещались «в одной, средней величины, комнате: мужчины и женщины, старые и молодые, холостые и женатые. Спали на полу подряд. Работали все на разных фабриках, в разных сменах, и в то время, как дневные, только что окончив работу, приходили на квартиру, другие, которым нужно было встать на работу в три часа утра, уже ложились спать. Чтобы не жечь много керосина, который хозяйка очень экономила, и не мешать спать другим, только что пришедшие с работы «дневные», поужинав, тотчас ложились спать. При такой жизни люди круглые сутки только работали, ели и спали; ни для чего другого времени не оставалось...».

Черный хлеб, нустые щи, горох, редька, огурцы, иногда гречневая или пшенная каша, — вот незатейливая пища, которой довольствовались рабочие из месяца в месяц. Молоко, масло, мясо подавались к столу лишь по большим праздникам.

В конце минувшего столетия в Иваново-Вознесенске не было ни одного книжного магазина, народных библиотек, читален и других просветительных учреждений. Единственным «развлечением» для рабочих были кабаки, которых насчитывалось до двухсот. Многие фабриканты сами содержали кабаки, спаивали рабочих, чтобы отвлечь их от революционной борьбы. Иные улицы представляли собою сплошной кабак.

Так было. И вот — результат: массовые заболевания взрослых текстильщиков и катастрофическая смертность среди детей; из каждых ста ребят в дореволюционном Иваново-Вознесенске пятьдесят семь умирали, не дожив до году. Средняя продолжительность жизни рабочих красивых, ситценабивных фабрик, в силу изнурительного, вредного для здоровья труда, не превышала в конце XIX века 35 лет.

— Да, так было, — вспоминает М. К. Легков, — я не

говорю уж о штрафах, которыми донимали текстильщиков. Особенно тяжелой была участь детей и подростков, женщин и девушек. Вы, молодые текстильщики, выросшие при социализме, обо всем этом можете прочитать только в книжках. Вы привыкли к другим порядкам и к иным картинам. Перед вами открыты все пути. Возьмем для примера нашу же фабрику.

Партийная и профсоюзная организации предприятия заботятся о том, чтобы условия труда и быта трудящихся постоянно улучшались. 20 отделочников учатся в вузах, 60 — в техникумах, 200 — в школе рабочей молодежи. Лишь за последние два года 64 рядовых текстильщика стали техниками. Раклист В. Д. Гревцев и гравер А. М. Герасимов — ныне мастера печатного цеха, накатчик В. В. Железнов — помощник мастера отбельного цеха.

Сотни людей повышают квалификацию на производственно-технических курсах, на курсах целевого назначения, в краткосрочных школах передового опыта. Многие побывали на родственных предприятиях Московской, Ленинградской, Владимирской и других областей.

Слесарь-ремонтник Галина Желобова, занимаясь на третьем курсе вечернего отделения текстильного института, активно работает в драматическом кружке. Галина, конечно, не одинока. Сколько их, юношей и девушек, таких же «неугомонных», примерных производственников, отличников учебы, неплохих самодеятельных артистов, энтузиастов-спортсменов!

Улучшаются жилищные условия отделочников. В 1957 году план строительства жилья перевыполнен: намечалось соорудить 1280 квадратных метров жилой площади — сделано 1343. Вступил в строй еще один детский сад.

Вот поэтому-то советские люди и работают так хорошо. Труд при капитализме был тяжелым и зазорным бременем, а теперь он — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства.

Молодые люди проявили большой интерес к революционным традициям текстильщиков Сосневской фабрики.

— Сосневец, — говорил Легков, — как и все ивановские текстильщики, — люди смелые, боевые, — доставляли эксплуататорам хлопот не мало.

Рабочие фабрики П. Н. Грязнова выступили организованно еще в 1879 году. Образец мужества, стойкости,

пролетарской солидарности проявили они летом 1905 года — во время всеобщей политической стачки иваново-вознесенских рабочих, — когда на фабрике действовала уже крепкая подпольная большевистская организация. Одним из руководителей этой забастовки был рабочий фабрики М. И. Лакин — пламенный оратор и организатор...

...Второй день продолжается собрание стачечников. М. И. Лакин, окруженный стеной забастовщиков, взбирается на бочку, служившую трибуной. Указав левой рукой на городскую управу, он торжественно произносит:

— «Размышления у парадного подъезда».

Наступает тишина.

— Родная земля! — с чувством начал декламировать рабочий, —

Назови мне такую обитель, —
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал...

Обладая огромной памятью и недюжинным декламаторским талантом, Михаил Игнатьевич мастерски прочитал обличительное стихотворение Н. А. Некрасова. Мало известное тогда широкой рабочей массе, артистически, с глубоким душевным волнением произнесенное своим братом-текстильщиком, оно буквально потрясло собравшихся.

С необыкновенным подъемом Лакин закончил чтение призывом из «Марсельезы»:

Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Вставай на врагов, люд голодный!..
Раздайся клич мести народной.
Вперед, вперед, вперед!!!

Людское море на площади бурлило. Горящими глазами впивалась толпа в оратора.

— Bravo! Ура! Верно! Долой кровопийц! — неслись со всех сторон восторженные возгласы.

По заданию иваново-вознесенской партийной организации трибун-самородок не раз выступал с пропагандистскими речами среди рабочих и крестьян Владимирской губернии — и всегда с неизменным успехом. Полиция считала Лакина одним из самых опасных ораторов.

29 ноября (12 декабря) 1905 года в селе Ундол, Владимирской губернии, М. И. Лакин был растерзан бандой пьяных, озверелых черносотенцев. Они били приезжего агитатора кольями, кирпичами, резали ножами.

Гибель Михаила Игнатьевича усилила гнев рабочих. В прокламации «На смерть Лакина», выпущенной организацией Российской социал-демократической рабочей партии, содержатся пророческие слова:

«Товарищи! Вся Россия имеет вид громадного пожара. Огненное пламя народного гнева скоро дойдет до притона воров и насильников и уничтожит всех, кто мешает делу освобождения, делу рабочего класса. Все попытки опричников спасти августейшее змеинное отродье разобьются о ряды рабочей партии. Великое пламя народного гнева делается все грознее и грознее. Близок час, когда наши груди свободно вздохнут на свежем воздухе, при солнечном свете.

... Сделаем еще сильный удар нашим врагам, еще напор стройной колонной под красным знаменем РСДРП — и откроется перед нами светлая дорога в царство свободы, братства и равенства, в царство социализма.

Долой преступное царское правительство!»...

После Великой Октябрьской социалистической революции ундолские текстильщики поставили борцу за народное счастье памятник. Местной хлопчатобумажной фабрике, при советской власти реконструированной и намного расширенной, присвоено его имя.

— Другой славный представитель сосневских текстильщиков, — говорит Легков, — Федор Никитич Самойлов. Как член Совета уполномоченных, созданного летом 1905 года, он через несколько месяцев после окончания забастовки был уволен с той фабрики, где работал, и «гулял» без работы довольно долго, так как куда бы ни приходил наниматься, всюду ему отказывали. Лишь в мае 1906 года ему случайно удалось устроиться в суровую палатку Ситцепечатной мануфактуры П. Н. Грязнова. Здесь он неумоимо вел нелегальную пропагандистскую деятельность, непосредственно руководил рабочими своего отделения.

Ф. Н. Самойлов — один из организаторов «Профессионального общества рабочих ситцепечатных фабрик города Иваново-Вознесенска».

14 (27) сентября 1912 года рабочие Покровской ману-

фактуры единодушно выдвинули Ф. Н. Самойлова уполномоченным по выборам в IV Государственную думу, а через 34 дня после этого он был избран членом Думы от рабочей курии Владимирской губернии.

Когда большевистский депутат уезжал в Петербург через Москву, иваново-вознесенские текстильщики устроили ему торжественные проводы. На привокзальной площади собралось две-три тысячи человек. Большевики свободно выступали с речами. Затем был прочитан «Наказ рабочих своему депутату».

Профессиональный революционер, старый большевик, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, изведавший царскую тюрьму и ссылку, Ф. Н. Самойлов всю свою сознательную жизнь посвятил борьбе за рабочее дело. После Октября он — на руководящей работе в Иваново-Вознесенске, в Москве. Был членом ВЦИК. Работал в Истпарте Центрального и Московского комитетов партии. Пять лет возглавлял Музей революции СССР.

В 1952 году, 70 лет от роду, Ф. Н. Самойлов скончался.

— Урна с прахом Федора Никитича, — сказал М. К. Легков, — замурована в кирпичной стене нашего предприятия, где в мрачные годы царизма он проработал несколько лет. На мемориальной мраморной доске начертаны слова:

САМОЙЛОВ
ФЕДОР НИКИТИЧ.
Член ВКП(б) с 1903 года.
Родился 24 апреля 1882 года.
Умер 13 июня 1952 года.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 января 1956 года Сосневской отделочной фабрике присвоено имя Ф. Н. Самойлова.

Потом старый рабочий напомнил молодежи об августовских событиях 1915 года, о памятнике жертвам кровавой расправы, поставленном около городского Совета.

— Среди 30 имен, — говорит Мефодий Константинович, — написанных на этом обелиске; пять — рабочие Покровской ситценабивной мануфактуры. Вот их имена:

Александр Иванович ДУНАЕВ.
Дмитрий Данилович ЛАПШИН.
Илья Абрамович РЫБАКОВ.
Андрей Тимофеевич РЯБИНИН.
Павел Алексеевич ФЕДОСОВ.

На встречу молодежи с М. К. Легковым фабричный комитет комсомола пригласил заслуженного врача РСФСР Г. И. Тихомирова. Он рассказал девушкам и юношам о том, как ивановские рабочие «без отрыва от производства» лечатся на курорте.

Речь шла о Сосневской бальнеологической лечебнице, о том, как был открыт Сосневский источник.

— В начале XX столетия, — сообщил главный врач этой лечебницы, организатор ее, — иваново-вознесенские «короли ситца» ощущали острую нужду в хорошей пресной воде. Она была нужна им для беления тканей. Владелец Покровской мануфактуры решил «обскакать» своих конкурентов. Накануне первой мировой войны он пробурил скважину глубиной свыше 700 метров. Однако до пресной воды, которую ожидал с таким нетерпением, так и не дошел. Скважину, являвшуюся в те времена мировым уникалом по глубине и по диаметру обсадных труб, — забросили. Но советские люди сумели использовать ее.

Оказалось, что вода Сосневского источника содержит растворенных минеральных солей в пять-шесть раз больше, чем вода Черного моря, а по количеству газообразного азота не уступает цхалтубской.

На базе Сосневского источника 10 лет назад, в 1948 году, и была организована бальнеологическая лечебница.

В дни своего «детства» бальнеологическая лечебница имела всего три ванны, была примитивно оборудована, ютилась в неприглядном и плохо приспособленном здании. Позднее ее реконструировали. На работы, длившиеся больше года, и на новое медицинское оборудование израсходовано около миллиона рублей. Сейчас в лечебнице — 20 ванн, три комнаты отдыха, шесть врачебных кабинетов и один санитарно-просветительный. Она обслуживает ванными процедурами до 400 человек в день.

Крепкосоленая минеральная вода пермского происхождения, обогащенная газообразным азотом — продуктом распада белка древних организмов, посредством специального насоса подается в бойлерное помещение. Здесь, в четырех герметизированных бойле-

рах (вместительные металлические баки), вода подогревается до нужной температуры (36,5°) и отсюда поступает в ванны. Оригинальный насос и бойлеры, сконструированные Г. И. Тихомировым, обеспечивают полную сохранность газовой концентрации.

Лечение сосневской минеральной водой костных, суставных, сердечно-сосудистых заболеваний, неврозов, поражений периферической и, частично, центральной нервной системы дает радостные результаты. 85 процентов больных, в том числе нередко с тяжелыми и запущенными формами недуга, получают исцеление. Немало бывших, почти «безнадежных» инвалидов, пройдя курс лечения в «Сосневском источнике», возвратились к труду.

Наряду с соленой, в Сосневском источнике есть лечебно-питьевая вода. Ее применяют при лечении болезней печени, желудка, кишечника, тяжелых ангин и других.

Положительные результаты, достигнутые в обычных (без курортного комфорта) и иногда даже неблагоприятных для лечения условиях, становятся более устойчивыми. Слава Сосневского минерального источника уже давно перешагнула границы текстильного края. Среди пациентов Сосневской бальнеологической лечебницы можно видеть жителей Заполярья, волжан, сибиряков.

Из разных мест страны сюда идут благодарственные, волнующие письма.

В. Куликов

БЫВШАЯ гандуринская

Деревня Иконниково, расположенная на возвышенном берегу Уводи, между селом Ивановом и Вознесенской слободой, просыпалась задолго до рассвета. Одни крестьяне шли на фабрики Иванова и Вознесенска, другие — в местную ткацкую мастерскую.

С пуском в 1808 году этой мастерской для жителей местечка наступили еще более тяжелые дни: все силы отдавали за ручными станками, а нужда и голод не покидали, зарабатывали гроши. Недобрым словом поминали рабочие хозяина — Андрияна Гандурина.

— Сам был крепостным, а нас в дугу гнет, — со злобой говорили ткачи.

Шли годы. Мастерские с десятками крепостных превратились в мануфактуры с сотнями рабочих. То же самое произошло и с гандуринской мастерской. В середине семидесятых годов он заложил новую фабрику — каменную, двухэтажную. Из-за границы выписал оборудование, специалистов. В 1882 году на воротах нового предприятия появилась вывеска: «Антон Михайлович Гандурин с братьями».

Хотя крепостное право было отменено, порядки на фабрике Гандуриных не изменились. Штрафы вошли в систему наказания. Рабочие штрафовались за малейшую провинность. В толстой, аккуратно переплетенной книге штрафов за 1893—1894 годы упоминается более трех с половиной тысяч фамилий — в несколько раз больше

численности рабочих предприятия. Штрафы составляли $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ часть заработка текстильщика.

Несколько позже, в 1912 году, в большевистской газете «Правда» сообщалось о порядках на гандуринской фабрике:

«Мастер приходит на смену и прежде всего берет книжку и носится по фабрике, как угорелый. Увидит у станков нитку, две на полу, тут же пишет штраф 10 или 15 копеек. А однажды этот выдающийся мастер увидел у работницы на платье путанки и тоже оштрафовал.

...Старший браковщик, пользуясь тем, что ему дана власть, тоже штрафует за каждый пустяк, даже за один и тот же кусок пишут иной раз два штрафа. Рабочим на фабрике Гандуринна живется очень плохо».

Рабочие жили в ужасных условиях. В так называемых каморках в одной комнате помещалось по 15—20 человек. Среди рабочих распространялись заболевания. Смертность была велика, особенно среди детей. Медицинская помощь рабочему считалась недозволённой роскошью.

Долго рабочие терпели. Их мастерство принесло фабрике известность. В 1893 году ее продукция экспонировалась на Всемирной промышленной выставке в Чикаго. Товар с маркой этого предприятия пользовался спросом и на торговых ярмарках в Нижнем Новгороде.

А потом терпения не хватило. Рабочие ткацкой фабрики Гандуринных выходят на митинги, устраивают забастовки. На своих собраниях текстильщики требовали повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, аннулирования систем штрафов.

Под руководством большевиков постепенно экономическая борьба рабочих принимала политическую окраску. В донесениях иваново-вознесенского полицеймейстера губернатору летом 1905 года говорилось: «ткацкая фабрика Гандуринных участвует во всех забастовках иваново-вознесенского пролетариата, является злостным рассадником крамолы».

Беспокоиться полицеймейстеру было о чем. В один из июньских дней текстильщики предъявили администрации требование: уменьшить на час рабочий день, разрешить собрания и митинги, убрать с фабрики ненавистных им мастеров.

Фабрикант наотрез отказался выполнить предъявленные ему требования.

— Казаками разгону крамольников,— высокомерно ответил Антон Гандурин делегации рабочих.

В ответ на это наглое заявление текстильщики прекратили работу. Фабрика встала.

На собрании большевиков-подпольщиков выступил Алексей Охупкин, депутат Иваново-Вознесенского Совета уполномоченных от ткачей фабрики:

— Надо проучить фабриканта,— и тут же предложил свой смелый план.

...С утра на фабричном дворе царило необычное оживление: рабочие собирались на сходку. Из крайнего окна ткацкой выбросили красное полотнище: всколыхнулась толпа, серьезными стали лица, сплотились ряды ткачей.

Несмелый, потом окрепший мотив знакомой всем песни разнесся над площадью. «Варшавянка» подбадривала ткачей, призывала их бороться с несправедливостью, за свои рабочие права.

— Что за галдёж? — сбежал с крыльца конторы старший мастер Цветков.

— Р-а-а-зойдись! — повторно раздался его зычный голос.

— На тачку толстопузого! — бросил кто-то из толпы.

Под свист и хохот ненавистный рабочим старший мастер и три его помощника на заранее приготовленных тачках были вывезены за ворота фабрики.

На митинге большевики предложили установить смену в 10 часов, вместо 11, установленной фабрикантами.

Восстановить положение не помогли ни уговоры администрации, ни присланные для усмирения казаки. Скрепя сердце, Антон Гандурин удовлетворил требования бастующих.

Во всеобщей стачке иваново-вознесенских текстильщиков 1905 года ткачи фабрики Гандуринных показали пример самоотверженной борьбы с капиталом, устояли самодержавия. Революция 1905 года послужила хорошей школой пролетарской борьбы для ткачей фабрики...

С радостью рабочие встретили известие, что в Петрограде началось восстание против Временного правительства. Несмотря на грязь и дождь, все они вышли на улицу. На штабель досок поднялся Василий Поляков.

— Товарищи! — раздался голос известного всей фаб-

рике рабочего-большевика.— В Петрограде... революция. Н-а-ш-а, рабоче-крестьянская революция. Долой хозяина!

Последние слова потонули в восторженном крике сотен собравшихся. В воздух полетели фуражки, платки. И вдруг, повинуясь единому порыву, запели... Над прилегающими к фабрике улицами разнесся суровый, дорогой сердцу каждого рабочего, мотив «Интернационала».

Фабрично-заводской комитет, под контролем которого работала администрация Гандурина, принял меры по ремонту оборудования, укреплению трудовой дисциплины на производстве, наладил учет сырья и вспомогательных материалов.

— Зимой,— рассказывает бывший помощник председателя президиума фабричного комитета, слесарь гандуринской фабрики, ныне персональный пенсионер Алексей Митрофанович Вопилов,— мы организовали заготовку топлива для котельной фабрики. Большая группа рабочих была направлена в Тейково. В его окрестностях в течение зимы заготовили более 40 тысяч сажень дров. На самой фабрике создали внутреннюю охрану. Рабочие посты смотрели за котельной, складскими помещениями с суровым товаром.

Профсоюз боролся и за повышение культурного уровня текстильщиков, за ликвидацию безграмотности. Опытные большевики Иван Васильевич Суслов и Василий Федорович Поляков устраивали читки произведений Максима Горького и Льва Толстого. При фабрике создали и общедоступную библиотеку.

Гандурины и их администрация пытались саботировать мероприятия фабкома, но хозяевами фабрики фактически были уже рабочие. Контрольные комиссии следили за сбытом суровой продукции, наймом и увольнением рабочих.

В результате принятых мер и строгого рабочего контроля размеры производства на фабрике в 1918 году оставались на уровне семнадцатого года.

Постановлением Высшего Совета Народного Хозяйства от 8 марта 1919 года фабрика Гандуриных была национализирована. В правительственное правление фабрики от рабочих выдвинули: Василия Полякова, Ивана Суслова, Василия Кулакова.

Не торопясь, размашисто ставил свою фамилию на актах заведующий производством Артамонов (Гандури-

ны сбежали в Париж). Когда небрежно подписал последний, устало провел рукой по мокрому лбу и с желчью сказал Полякову:

— Едва ли что выйдет у вас с этой затеей? Как бы не пришлось звать хозяев?

— За нас не беспокойтесь: не только фабрикой, а всей Россией управлять будем,— выдержав взгляд прищуренных глаз Артамонова, спокойно ответил рабочий.

В годы гражданской войны фабрика встала. Работала только механическая мастерская, выполняя армейские заказы. В 1920 году фабрика была законсервирована, а в 1926 году «Иконниковскую мануфактуру» начали готовить к пуску.

День и ночь скрипели ржавые фабричные ворота: со всех предприятий Иваново-Вознесенска поставлялись остовы станков, валы, отдельные детали. В цехах из некомплектных частей собирались станки, вручную их обрабатывали.

— Тяжелая была пора,— вспоминает то время Федор Федорович Сафронов, ветеран производства.— Работали, не считаясь со временем,— по 10 и больше часов в сутки. Все знали: работаем на себя, для своего социалистического государства.

И вот пустили котельную, заработал комплект механических ткацких станков. Шестьдесят батанов почти одновременно прибили первые нити. Сантиметр за сантиметром, метр за метром навивался миткаль на товарные валики.

Спустя две недели на фабрику прибыла первая партия ткачей. Все— девушки. Молодые, задорные, они дружно взялись за полюбившееся им дело. Среди ста молодых работниц была и Маша Горбунова. Общительная, инициативная комсомолка сразу же полюбилась текстильщикам.

Как-то, собрав после смены девчат, Горбунова заметила:

— Много грязи у нас под станками, нет настоящего порядка. Уток грязнится: идет бракованное суровье.

— Верно, Маша,— поддержала Лида Мочалова.

— А что, девчата, давайте организуем посты по борьбе с беспорядком? Назовем их, по примеру других фабрик, «Легкой кавалерией»,— предложила комсомольский группорг Горбунова.

Такое предложение всем пришлось по душе. Разработали мероприятия, создали группы. Во главе их поставили смелых, не боящихся «старичков» комсомолок. Злостных бракоделов и нарушителей трудовой дисциплины критиковали на собраниях. Порядка в цехах стало больше, брака — меньше.

По предложению Горбуновой и её подруг на митинге в Международный женский праздник фабрике присвоили имя 8-е Марта. Тогда же текстильщики дали слово: трудиться еще лучше, выпускать товар высокого качества, к 1 Мая пустить еще 400 станков.

Постепенно осуществлялась реконструкция фабрики. Были расширены производственные площади за счет переоборудования красильно-заварочного цеха. Здесь установили 380 станков. Ежедневно предприятие выпускало 80 тысяч метров хлопчатобумажных тканей.

К осени 1927 года предприятие уже работало на полную мощность. Выработка достигла 1913 года.

Так поднималась фабрика. Советская власть вдохнула в нее вторую жизнь. Выросли партийная и комсомольская организации: десятки рабочих вступили в Коммунистическую партию, более 200 девушек — в комсомол. Стала коммунисткой М. Горбунова.

Каждый будничный день работы фабрики рождал новых героев, вписывал славную страницу в летопись предприятия. Многие ткачихи переходят с двух станков на четыре, на шесть.

Весь двадцатый комплект, возглавляемый Александром Якушевым, объявлен ударным. Его примеру последовали 10 и 19 комплекты, а затем и весь коллектив фабрики.

В годы второй пятилетки текстильщики фабрики имени 8 Марта стали инициаторами межфабричного социалистического соревнования, — они одними из первых подписали договор с коллективом фабрики имени рабочего Ф. Зиновьева.

Подхватив почин вичугских ткачих Виноградовых, комсомолка Елизавета Ильина решила перейти на обслуживание 10 станков.

— Челноки не успеешь менять, — говорили ей некоторые ткачихи.

— Успеешь, Лиза, — поддерживали её подруги.

После разговора с начальником цеха Петровым Ильи-

на решила, что ей удобнее обслуживать даже не 10, а 12 станков.

— Правильно, Лиза! — одобрительно отозвалась Мария Горбунова. — Вот мне лучше на десяти работать.

В 1935 году Марии Алимпиевне Горбуновой оказали большое доверие — её избрали членом областного комитета партии. Так росла одна из многих миллионов советских женщин.

Условия труда и само производство тканей на фабрике продолжали улучшаться. В 1937—1938 годах на место устаревших механических станков были поставлены 480 автоматов АТС-5. В шлихтовальном отделе установлены новые шлихтовальные машины ШБ-1 и ШБ-26. Проводилась частичная автоматизация вспомогательных отделов. Все шлихтовальные машины были оборудованы автоматическими приборами, обеспечивающими более правильный и постоянный режим шлихтования, а следовательно, и улучшение качества основной пряжи.

В ткацких цехах проводилась санитарно-гигиеническая работа: были автоматизированы вентиляционно-увлажнительные установки, смонтирована система автоматического регулирования доувлажнения конструкции Рябчикова-Дурнова.

Эти мероприятия позволили коллективу фабрики имени 8 Марта первым в области перейти на высокое уплотнение в обслуживании автоматических ткацких станков. А началось это по инициативе ткачихи Анастасии Ивановны Лыткиной. Умелая производственница вначале освоила «гнездо» автоматов из 14 станков, запрограммированных сатином. Вскоре она перешла на 23, а затем — и на 41 автоматический станок.

Лыткина смогла сделать это потому, что умело организует свой труд, не допускает простоев станков, рабочие операции выполняет с наименьшей затратой времени и сил, в чистоте содержит рабочее место. Всему этому Анастасия Ивановна стала обучать малоопытных ткачих в «краткосрочной школе передового опыта», т. е. за своими станками и за станками своих учениц.

В 1939 году в Москве была выпущена брошюра А. И. Лыткиной, в которой она делилась опытом уже с ткачами всего Советского Союза.

Такие ткачихи, как Горбунова, Ильина, Лыткина, сыграли огромную роль в подъеме культурно-технического

уровня рабочих фабрики и в росте производительности труда коллектива предприятия.

Нелегко было достигать довоенного уровня производства после суровых лет борьбы с гитлеровскими разбойниками: не хватало материалов, деталей, квалифицированных рабочих. Однако усилиями коллектива при огромной помощи машиностроителей фабрика уже к пятидесятому году достигла довоенных показателей. К этому времени предприятие получило еще 460 автоматических станков АТ-100 и АТ-100-1.

Фабрика имени 8 Марта стала первым предприятием в Ивановской области, полностью оснащенным передовой, отечественной техникой.

К 1951 году производительность оборудования достигла 10 196 уточин на станок в час при плане 9820 уточин. Ежемесячно фабрика давала 98,26% суровья отличного качества.

Высокой производственной культурой, отличным качеством тканей славилась бригада, возглавляемая помощником мастера Н. В. Тютюгиным. По его инициативе на фабрике началось соревнование за звание «Бригада отличного качества», и первой завоевала это почетное звание бригада помощника мастера Тютюгина. Затем присвоили его и многим другим бригадам.

В 1951 году и самой фабрике было присвоено звание: «Фабрика отличного качества».

У фабрики имени 8 Марта и, в частности у помощника мастера Тютюгина и его сменщиков, учились вырабатывать на автоматах штапельное полотно, пряжа для которого требует другого технологического режима.

Учился и коллектив фабрики имени 8 Марта. К концу 1953 года он освоил 11 видов штапельных тканей.

...Сегодня не слышно на фабрике ни рокота станков, ни шума системы увлажнения. Но и в воскресенье не замирает жизнь фабрики. Сегодня здесь хозяева — ремонтновщики да бригада обметальщиц, возглавляемая М. А. Горбуновой, пожилой, но еще энергичной женщиной.

Наметанный глаз Марии Алимпиевны видит буквально всё: грязь на таях, пух на каретке и на полотне. Хорошо обметен станок — похвалит работницу, плохо — пожурит.

Быстро двигаются чистильщики от станка к станку. Лучи весеннего солнца играют на их серьезных лицах, на обтираемых ими деталях, полированных частях красавцев-автоматов. Мария Алимпиевна, глядя на новое оборудование, на обновленные цехи, говорит обметальщицам:

— Одного старого мастера я помню. Он рассказывал, как трудна была жизнь ткача до революции: «Всю жизнь работали на капиталиста, никакой радости не видели»...

Не дожил старый мастер до новой фабрики, не увидел тех перемен, которые произошли здесь. ...Стены-то первого этажа старые... А вот то, что вся фабрика автоматизирована, старый мастер...

— О чем рассказываешь, Мария Алимпиевна? — неожиданно раздался сбоку спокойный женский голос.

— А! Мария Григорьевна... Да вспомнилось старое, — тяжело вздохнула Горбунова.

— Взгрустнулось, значит, — сочувственно произнесла М. Г. Солдатикова, главный инженер предприятия. — А мне дома не сидится. Дай, думаю, схожу на фабрику: посмотрю, как она выглядит в выходной день, узнаю, как идут дела у ремонтников, поговорю с людьми — на душе легче станет.

Солдатикова поздно вечером накануне выходного дня узнала, что фабрике присвоено звание «Предприятие отличного качества и высокой производительности», и об этом она с какой-то особенной радостью сообщила первой же попавшейся работнице, и ее радость стала радостью всех, кто готовил фабрику к работе на следующую неделю.

Т. Лешуков

Большая Швановская

На повестке дня стоял один вопрос:

— 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции.

Люди подходили медленно — за три недели до собрания в печати были опубликованы официальные материалы, и многие уже успели их внимательно изучить.

— За кем остановка, из-за кого время теряем? — волновалась молоденькая браковщица.

— Занятия на производственно-технических курсах не кончились, вот тех людей и поджидаем, — ответили ей.

— Безобразия какое, — продолжала волноваться девушка. — Сиди вот тут из-за них, жди у моря погоды.

— «Безобразия»?! — удивленно поднял брови пришедший на собрание пенсионер Николай Николаевич Спиридонов. — Это почему же безобразия? Что люди на курсах учатся? Какое же это безобразия?.. Помнится, когда мы встречали пятую годовщину Советской власти, так мы гордились, что у нас на фабрике 500 человек на курсах ликбеза занимается. Ликбез... Вам, молодежи, наверно, и слово-то такое непонятно. Это, значит, неграмотных было столько среди рабочих. Я вот на четвертом десятке лет впервые книжку в руки взял. А вы — «безобразия»...

А сейчас у нас на фабрике среди рабочих 420 окончивших десятилетку, 200 человек с дипломом техника и более 1600, имеющих семилетнее и выше образование, —

вставил заведующий отделом кадров Николай Иванович Шишкин.

Старый мастер отбельного цеха Иван Васильевич Шишин, не обращаясь ни к кому, проговорил:

— Дружок мой Саша Жаров в те дни, в октябре семнадцатого, был председателем фабкома. Пошли они по приказу стачечного комитета у фабриканта ключи отбирать. Бурылин видит — податься некуда, отдает ключи и говорит: «Рабочие, богом живым заклинаю, не уроните хозяйства. Не себя жалею, фабрики-красавицы, сколь в нее моего пота-крови положено».

Саша ему отвечает:

— На каждую твою каплю пота рабочие отдали реки своего пота и слез, сотни рабочих жизней раньше срока унесла эта фабрика. По праву она — не твоя, а наша. А свою фабрику мы не только не уроним, а возвысим, дай только срок.

— Куда хозяин подевался? — спросила молоденькая браковщица.

— До поры, до времени оставили на фабрике. Рабочие заставили его работать под своим контролем. Когда национализировали фабрику, он переселился куда-то в Воробьево, все ожидал, что его снова пригласят к управлению, да так и не дождался.

— Не в одном Бурылине сила была, — вступил в разговор другой пенсионер, Константин Иванович Слепов. — Фабрикой управляли иностранцы. Наверху сидел колорист Плужанский, все начальники цехов были из поляков, в рисовальной мастерской сидел чех, в граверной — немец Кекк, на дизелях тоже был немец, бухгалтером был австриец Шефль.

— Неужели не было своих, русских?

— Были, да их Бурылин в черном теле держал. В химической лаборатории сидел Ефим Подрешетников. Самоучка-химик, а получил около 20 патентов и авторских свидетельств. В отбельной был химик Иван Андреевич Зверев — ныне пенсионер. Фабрикант им платил впятеро меньше, чем иностранцам за эту же работу, а, кроме того, русским инженерам и химикам запрещался доступ в отдельные цехи, где «секретничали» иностранцы. Был и заведующий фабрикой Смирнов; рабочие его свахой прозвали. Он уговаривал рабочих с хозяином мирком да ладком обходиться. В рисовальной мастерской работали зо-

лотые руки — художник Леонов. Как делает новый рисунок, так, не глядя, хозяин приказывает лишние десять тысяч кусков отпечатать. С каждого проданного куска шло 2 копейки... только не Леонову, а колористу Плужанскому, и полкопейки — опять же не Леонову, а Кекку! Каждый иностранец, придя на фабрику, заучивал прежде всего такие русские слова, с которыми обращались к нам хозяева и их приказчики: «дурак», «глупый», «скотина».

— Для иностранцев Бурылин и дома заводил, и дачи строил, а русским рабочим — вонючая казарма с нарами, — продолжал Слепов.

— А рабочими нанимали кого? — перебил его Шипин. — После пасхи выйдут к воротам, — выбирают, кто в азиям из домотканного сукна одет, да в лапти обут.

— Правильно, — вступил в беседу глуховатый электрик Александр Иванович Нарбеков. — Я работал на фабрике у Новикова, взял расчет, хотел на Куваевскую с пасхи поступить, а мне заведующий и говорит: «Козырек у твоего картуза шибко сверкает — не надо нам таких». Тогда считалось — в картузах с лакированным козырьком ходят «политики».

— Погоди, Александр Иванович, — остановили его. — Тут главный вопрос: как мы без Бурылина обошлись.

— Нет, теперь каждому видно, как обошлись...

— Нет, не каждому. Особенно молодежи не ясно. Куваевская мануфактура перед революцией считалась завидной по техническому оснащению, по барышам для хозяев. Бурылин и Плужанский каркали, что мы, рабочие, фабрику загробим. А что получилось! Суровья мы выпускаем вчетверо больше, нежели на ткацкой фабрике в 1916 году. Готового товара при Бурылине за сутки самое большое паковалось 300 тысяч метров, а сейчас отвозим на выходную базу 700—800 тысяч метров. Каждый день...

— Послушал бы тебя прежний хозяин и мог бы сказать: «И я при старых барышах не остался бы, а постарался удвоить и утроить их».

— Насчет барышей он соображал, это действительно. А вот такого увеличения народного богатства ему никогда не удалось бы добиться.

— Это почему же?

— Да потому, что производительность труда на на-

шей фабрике за годы революции увеличилась в четыре-пять раз. А почему увеличилась? Смекай: все рабочие знают, что работают на себя, на советское государство, а не на эксплуататора. Второе — домотканной одежды ни у кого теперь не увидишь. Слышал, сколько у нас за станками да за машинами людей со средним образованием? Где бы и когда бы такие кадры нашел для себя прежний управляющий? Третье дело — оборудование. Сколько новых машин мы поставили?

Но тут раздался звонок, приглашавший на собрание, и спор оборвался.

Каждому, кто являлся невольным свидетелем этого спора, понятнее становилась большая история Большой Ивановской Мануфактуры.

**

...Владельцы ткацкой фабрики Ямановские вели летоисчисление своей фирмы с 1751 года, — когда крепостной графа Шереметева Михаил Ямановский открыл промышленное заведение с применением наемной рабочей силы. С 1760 года Ямановский начал также беление, крашение и набивку тканей.

Вся история этой фирмы является иллюстрацией ленинских положений о том, как в мастерских с наемной рабочей силой образуется разделение труда, отсюда — капиталистическая простая кооперация перерастает в капиталистическую мануфактуру, а затем становится капиталистической фабрикой.

Фирма Ямановского знала взлеты и падения. Перед Великой Октябрьской социалистической революцией фабриканты Ямановские уже не играли первой скрипки среди текстильных фабрикантов, и фирма тихо «скончалась»: ткацкая фабрика была продана более сильному сопернику — фабриканту Н. Г. Бурялину, зятю фабриканта Куваева.

Набоечное заведение крестьянина Якова Куваева было создано в 1793 году. На производстве сначала работал сам хозяин с членами своей семьи и тремя наемными рабочими. В 1829 году Куваев выкупился из крепостной зависимости и, сравнительно быстро, из кустаря стал фабрикантом. Его имя Владимир Ильич Ленин упоминал в своем труде «Развитие капитализма в России».

После падения крепостного права Харлампий Куваев имел звание «третьей гильдии купца», на его фабрике работало только 86 человек. Но уже через десять лет он увеличил выработку товара в пять раз. За 40 лет, т. е. к началу XX столетия, Куваевы нанимали уже 1981 рабочего, а продукции выпускали в 83 раза больше, нежели в 1862 году.

Основа этого процветания — безудержная эксплуатация рабочих. Ведь 14—15% прибыли к основному капиталу считалось нормой. А в 1903 году фирма получила 38% прибыли. Явление исключительное по тогдашнему времени.

В 70-х годах прошлого века на левом берегу Уводи, там, где сейчас расположена фабрика, был построен первый корпус для заварки. Намного позднее были построены каменные корпуса для отбельного цеха и котельной. В 1894 году все предприятие было сосредоточено на этой территории. Старые корпуса на теперешних улицах им. Арсения и Садовой были ликвидированы.

Выходец из семьи фабриканта, Бурылин Николай Геннадьевич выгодно женился на единственной дочери Куваева и стал управляющим.

Буржуазные издания того времени изображали Бурылина «прогрессивным» деятелем, шагающим в ногу с веком. Однако условия труда на его фабрике ничем не отличались от условий труда у «консерваторов» типа фабриканта Гарелина — «Ваньки Каина», как его прозвали в народе. Достаточно сказать, что на каждых 100 рабочих в 1908 году по фабрике Куваевых было зарегистрировано 508 заболеваний. Надо учесть, что не всякий заболевший шел лечиться, так как хозяин «имел право» уволить любого рабочего, если тот хворал свыше двух недель.

Понятным становится, почему рабочие куваевской мануфактуры так дружно примкнули к всеобщей стачке текстильщиков города в 1905 году.

Вот имена первых делегатов в Совет уполномоченных (фактически Совет рабочих депутатов) от этого предприятия: Илья Давыдович Радостин, Алексей Николаевич Карманов, Федор Михайлович Соколов.

Первая мировая война заставила владельцев предприятия заниматься не столько производством, сколько биржевыми спекуляциями. Хозяева не упустили случая

поживиться на народной беде — империалистической войне.

Хотя объем производства с каждым годом сокращался, Бурылин получал огромные барыши. За три военных года прибыли фирмы в два с половиной раза превысили стоимость основных фондов.

Но революционные традиции свято оберегались ивановскими текстильщиками. Рабочие Куваевской мануфактуры бастуют в июне 1915 года; в августе того же года они выходят на антивоенную демонстрацию. Из 30 убитых и 53 тяжелораненых во время расстрела этой демонстрации на Приказном мосту семь человек принадлежали к коллективу этой фабрики.

После падения самодержавия в Иваново-Вознесенске сразу же возник городской Совет рабочих депутатов, и в его руках было больше реальной власти, чем у органов Временного правительства. 20 апреля 1917 года на фабрике Куваева явочным порядком вводится 8-часовой рабочий день. Организуется фабричный комитет. Число членов партийной организации предприятия возросло до 400.

21 октября 1917 года текстильщики Иваново-Кинешемского района пошли на «последний и решительный бой» с отечественным капитализмом — была объявлена всеобщая стачка. На фабрике «товарищества мануфактуры Куваевых», как называлась тогда Большая Ивановская мануфактура, в стачечный комитет избрали большевиков — Жарова А. Е., Морозова А. И., Смородинова Н. С. и других. По гудку все рабочие вышли на двор, где когда-то белили холсты, — к берегу реки Уводи.

Мощный голос председателя фабкома Жарова доходил до самых крайних рядов.

— Настал час решительной и беспощадной борьбы! На наши требования капиталисты даже не ответили — они не соблюли даже самого обычного приличия. Товарищи, армии рабочих брошен вызов. Мы заперли фабрику, ключи взяли себе, всюду расставили пикеты. Охрана фабрики в надежных руках, в руках вооруженных и организованных рабочих. Мы не допустим ни одно лицо из администрации в пределы фабричного двора, не разрешим фабрикантам к вывозу ни аршина товара.

Вы, товарищи рабочие, не должны вступать ни в какие переговоры с предпринимателями. Только организо-

ванность, дисциплина, точное выполнение указаний районного и фабричного стачечного комитетов обеспечат нам победу. Все объявления фабрикантов надо немедленно срывать и при посредстве стачкомов пересылать Центро-стачкому. Сильные и стойкие товарищи должны ободрять и дисциплинировать слабых, малодушных. Под наше знамя сомкнись! Смело в бой за лучшую рабочую долю и за власть Советов!

Небывалое воодушевление царило на митинге,— наконец-то сбылись мечты рабочих — власть перешла в руки пролетариата, создана советская власть!

17 ноября рабочие дружно и организованно пришли к своим станкам и машинам. Начался новый, еще более яркий по своим событиям и судьбам людей период в истории фабрики. Простые люди показывают себя большими специалистами, рачительными хозяевами, талантливыми мастерами.

[...Предприятие номинально еще считалось владением «товарищества», т. е. капиталистическим. Но ни одно распоряжение управляющего Н. Г. Бурылина (он же вкупе с женой — главные акционеры товарищества) не выходило за стены конторы без визы рабочего контроля. Фабричный комитет взял в свои руки дела по найму и увольнению рабочих. Он же определял величину заработной платы по каждой профессии, заставил управляющего выдать спецодежду. На ежедневных заседаниях фабкома рассматривались торговые сделки хозяина с иногородними фирмами — одни сделки утверждались, другие, если была видна попытка вывезти капитал, — расторгались.]

Бурылин пытался игнорировать распоряжения рабочего контроля, а однажды направил письменный протест против его «излишнего вмешательства в компетенцию администрации». Но фабком, обсудив этот протест, решил «оставить его без последствий» и предложил рабочему надзору «проводить линию рабочего класса и советской власти».]

Пролетарская революция захватывала и поднимала с каждым днем самые широкие пласты народа. Для защиты завоеваний революции от многочисленных врагов в городе, как и по всей стране, создавались отряды Красной гвардии. Свой красногвардейский отряд был организован и на Большой Ивановской мануфактуре. Иван Васильевич Шишин, ныне персональный пенсионер, один

из немногих красногвардейцев, оставшихся в живых, рассказывает:

«Нашим первым — организатором был Михаил Васильевич Фрунзе. Он выступал на фабричном митинге и сказал, что надо научиться владеть оружием, если хотим удержать власть в рабочих руках. Около 100 человек записалось в Красную гвардию. Под командой Михаила Васильевича Фрунзе мы ездили на подавление ярославского мятежа. Наши красногвардейцы стали ядром продовольственного отряда, который ездил добывать хлеб для ивановских текстильщиков в Чистополь и Рыбную слободу».

Позднее десятки и сотни рабочих фабрики ушли добровольцами по призыву тов. Фрунзе в ряды Красной Армии. Многим из них не суждено было вернуться в родные места — они отдали свои жизни за торжество ленинских идей, за свою родную советскую власть.

Об этих именах нашей молодежи напомнила галерея портретов на зеленом бульваре по проспекту Сталина, против дома энергетиков. Среди портретов выделяется мужественное волевое лицо комиссара Пугачевского полка Ивана Яковлевича Мякишева, погибшего в боях против белоказаков. Это один из рабочих «товарищества куваевской мануфактуры».

В январе 1919 года Большая Ивановская мануфактура была национализирована. Какой она досталась рабочим?

Вот как оценивал состояние фабрики в 1918 году губернский отдел труда:

«Фабрика Куваевской мануфактуры имеет 6 корпусов, из них 1 бетонный, не работает, ибо в нем не закончена постройка машин, и не работает этот корпус с 1913 года. Все другие корпуса частью новые, частью старой стройки. Недочеты фабрики: в санитарном отношении общие недостатки и полное отсутствие каких-либо ограждений механизмов во вредных отделах. Здесь, как и на всех фабриках, встречается то явление, что вредные отделы помещены в темных, сырых подвалах».

Напомним обстановку, которая была в стране к этому времени.

Центр России был отрезан от туркестанского хлопка, от кубанской и украинской пшеницы, от бакинской нефти. Одна за другой останавливались текстильные фабрики.

ки страны. Дольше других предприятий боролась за жизнь Большая Ивановская мануфактура. Используя остатки мазута, концентрируя на своих складах наличие суровья, рабочие добились того, что в 1919 году фабрика проработала при полном рабочем дне 91 сутки и 42 дня — по нескольку часов. К ноябрю 1919 года остановились последние машины отделочной фабрики.

Сплоченный коллектив рабочих таял день за днем — молодежь шла в продотряды, в Красную Армию — к Фрунзе, Чапаеву. Многие пожилые рабочие разъезжались по деревням. Из рабочих-текстильщиков создавался костяк советского аппарата в новой «красной губернии», в уездах и волостях. Оставшиеся рабочие были заняты в подсобных цехах, где вырабатывалась продукция для нужд фронта, да на охране фабрики.

— Нелегкое и непростое дело — консервация фабрики, — рассказывает старый электрик, пенсионер Нарбеков. — Без повседневного ухода и надзора оборудование ржавеет, от резкой смены температуры портится не только железо, а ведь фабрика в те годы не отапливалась.

В 1924 году в Иваново побывала группа английских промышленников. По их словам, они рассчитывали застать на наших текстильных фабриках груды железного хлама и были неприятно поражены, увидев четко работающие станки и машины.

— У нас стало аксиомой, — сказал мистер Пойнт, — что после годичной консервации любое оборудование идет на переплавку в мартены и заменяется новым. Мы полагали, что... получим у вас огромные заказы на новые машины для обработки хлопка. То, что сделали ваши рабочие — это необъяснимо. Это какое-то техническое чудо.

Объяснение такому «чуду» дал Владимир Ильич в своем «Письме к рабочим Европы и Америки».

«Бедствия голодающих рабочих, — писал он, — в Петрограде и Москве, в Иваново-Вознесенске и других рабочих центрах действительно велики. Никогда не вынесли бы рабочие массы таких бедствий, таких мук голода, на которые обрекает их военное вмешательство Антанты... Массы не вынесли бы таких бедствий, если бы рабочие не понимали, что они отстаивают дело социализма и в России и во всем мире...»

Бедствуя и голодая, рабочие БИМ'а любовно берегли

каждый винтик каждого станка, каждой машины своей фабрики, советского социалистического предприятия. Они твердо верили в конечную победу сил социализма, в то общество, где не будет эксплуатации человека человеком.

— Мы не пожалели смазки для оборудования, одели в чехлы каждую машину, еженедельно осматривали все станки, все машины, приводы, электромоторы, дизеля,— продолжает рассказывать т. Нарбеков.

И не удивительно, что к концу гражданской войны Большая Ивановская мануфактура оказалась лучше других фабрик подготовленной к пуску.

С весны 1920 года начался учет запасов сырья и топлива, разыскивались специалисты и квалифицированные кадры. Летом был создан ударный комитет текстильной промышленности во главе с Г. К. Королевым, являвшимся тогда председателем губисполкома.

Только большевики могли взяться за такое трудное дело, как пуск «замороженной» фабрики. Не было ни топлива, ни суровья, ни подсобных материалов. Когда стали перебирать — кто же остался на фабрике, то в печатном цехе обнаружилось лишь три подраклиста и два крыловых.

Управление ударной группой фабрик рассылало повестки бывшим текстильщикам по деревням, добилось решения о возврате на фабрики из управленческого и снабженческого аппарата квалифицированных рабочих, а также инженеров, механиков и химиков.

Дата 27 сентября 1920 года навсегда осталась в памяти коренных «бимовцев». Фабричные ворота и входы в производственные корпуса как бы помолодели от гирлянд хвой и множества красных флагов. Это был день пуска фабрики своими силами. Сразу же после митинга рабочие разошлись по цехам для запуска оборудования на холостом ходу — требовалось проверить его готовность и провести необходимый ремонт и наладку.

28 сентября первая партия суровья попала в замочку для расшлихтовки, 29 сентября товар готовили к отварке, укладывали в бучильные котлы. На следующий день начата выборка беленого товара, и печатные машины выпустили 204 куска набивного ситца. Через неделю после пуска вступили в строй агрегаты красильного цеха, в первый же день рабочие окрасили 546 кусков.

9 октября развернул работу и уборно-складальный отдел.

Очень осторожно шел запуск каждой машины. Дело в том, что на этой фабрике работало много женщин, незнакомых с отделочными машинами. Надо было одновременно обучать новых рабочих сложной технологии отделки тканей.

Фабричные архивы сохранили для нас имена старых специалистов, искренне пришедших на помощь рабочему коллективу; эти специалисты заново разработали технологические карты проводки товара, личным трудом участвовали в подготовке оборудования и обучали новичков-рабочих.

Заместителем директора по технической части был опытный шуйский колорист В. П. Борисов, помощниками колориста — Зверев И. А. и Г. И. Павлычев. Химическую лабораторию взял в свои руки Подрешетников Е. Я., художественную мастерскую — П. Г. Леонов. Мастерами назначили: в отбельном цехе — Н. Ф. Шумилова, печатном — В. П. Прохорова, красильном — К. А. Фоменкова, заварочном — С. В. Кужникова, аппретурном — С. В. Медведева. Механическую часть возглавляли инженеры С. П. Андреев и Е. Л. Барыкин. Паровым хозяйством фабрики стал заведовать И. В. Карпенко, электроотделом — Н. А. Глинков. Многие из них были рабочими, практиками. Но эти люди превосходно овладели тайнами технологии отделки тканей.

К моменту пуска на фабрике оставалась еще бурылинская агентура — колористом был Флейшер, его помощником — Невяровский, печатной лабораторией заведовал Штольбе, химиком красильного отдела был Глюцинский, а граверным мастером — Кекк.

Как только рабочий коллектив набрал сил и стал выпускать до 5000 кусков в день, эти господа объявили о своем переезде в панскую Польшу. Они рассчитывали, что, оставшись без квалифицированного технического руководства, предприятие остановится. Но эти расчеты говорили только об излишней самонадеянности их авторов. Рабочий коллектив не заметил их отъезда. Русские инженеры Борисов и Зверев взяли в свои руки всю фабричную технологию и добились бесперебойного хода дел в цехах.

Не стало иностранцев, но остался рабочий коллек-

тив, с энтузиазмом взявшийся за восстановление своей фабрики.

Трудности подстерегали с другой стороны. Главтоп предупредил ивановцев, что не может в срок поставить обещанного миллиона пудов мазута. Без топлива останавливались двигатели, а вслед за ними и остальные механизмы.

И вот о работе Большой Ивановской мануфактуры 15 ноября 1920 года идет горячий разговор в Кремле, в кабинете председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина. О первых успехах и трудностях рассказали Ильичу председатель ударного комитета Г. К. Королев и Н. А. Жиделев. Через день после этой беседы появилось постановление Совета Труда и Обороны, обязывавшее Главтоп поставить для ударных фабрик мазут и сырую нефть.

В начале февраля 1921 года было пущено в ход и ткацкое производство.

9 апреля Ильич снова принял делегацию ивановцев, которые рассказали ему, что Главтоп выполнил свои обязательства только наполовину, а ударные фабрики дали государству 117 миллионов аршин, или выполнили 80% намеченного задания.

В тот же день в своем докладе о продналоге на собрании секретарей московских партячеек Ильич говорил об ивановцах:

— Является чудом, что они топлива получили только половину, а программу выполнили на 117 миллионов. Они увеличили производительность труда и произвели передвижение рабочих на лучшие фабрики, отчего и получили большой процент выхода...

12 апреля В. И. Ленин подписал новое решение, признающее «работу иваново-вознесенских фабрик ударной со всеми вытекающими из этого последствиями».

1 июня фабрика остановилась на капитальный ремонт. Рабочий коллектив доказал, что советские люди без капиталистов, без их ученых лакеев могут успешно управлять крупными предприятиями со сложным оборудованием и трудным технологическим процессом.

Новая глава в истории фабрики начинается с ликвидацией «ударной группы» и созданием Иваново-Вознесенского текстильного треста. Ее начало совпадает с приходом первого «красного директора» — старого больше-

вика Сергея Михайловича Балахнина. Питерский металлист, он не стеснялся учиться текстильному делу у рядовых рабочих, у старых мастеров и специалистов. Каждый рабочий день начинался у него с обхода цехов и подсобных предприятий. И каждый обход был настоящей школой новых, советских методов управления.

— Идет, бывало, Сергей Михайлович по отбельному цеху, — рассказывает главный механик Михаил Сергеевич Смирнов, — и замечает, что рабочие перетаскивают товар на руках, часто грязнят его. Грязь — это непобелка, брак, дорогая себестоимость. Тогда очень много говорили о «ножницах», т. е. большой разнице в ценах на сельскохозяйственные и фабричные товары. Сергей Михайлович спрашивает:

— Почему так много лишних перевалок товара, почему много людей занято таким непроизводительным трудом?

Ему разъясняют, что фабрикант расширял производство в зависимости от прибылей: в одном году варочный котел поставит, в другом — мойные машины, в третьем — печатный цех задумает расширить. Никакой сопряженности между цехами не было, да и внутри цехов не было стройного технологического потока.

— А почему мы должны теперь, при советской власти, терпеть убытки, мучить людей из-за неумелого хозяйствования фабриканта?

Перед химиками и механиками ставится задача — продумать, что надо сделать для реконструкции отбельного цеха.

В результате длительных поисков инженер И. А. Зверев разработал во всех деталях схему отбеливания товара потоком, путем соединения всех звеньев процесса в единую стройную цепь. Энергично работали над расчетами молодые инженеры в конструкторском бюро, которое было организовано Балахниным.

В течение трех лет происходила перестройка цеха без останова производства. Оказалось, что на той же площади мощность отбельного цеха удвоилась, а число неквалифицированных рабочих сократилось. В итоге при улучшенных условиях в цехе производительность труда выросла в два с половиной раза. По тогдашнему времени это был самый прогрессивный способ отбелики.

При постройке Ташкентского комбината проектиров-

щики использовали ту схему беления, которая принята на БИМе.

Любую жалобу работниц на условия труда директор доводил до сведения инженеров и настойчиво заставлял искать техническое решение облегчения условий труда. По его инициативе была начата постройка мощной вентиляционной системы в цехах, в красковарке меняли котлы, в красильно-заварочном цехе установили новые мыльно-прогонные аппараты, что резко увеличило выпуск гладкокрашеного товара.

Сергея Михайловича интересовали не только условия труда на производстве, но и быт рабочих в широком плане. При его содействии горсовет передал в ведение фабрики часть муниципализированного жилого фонда. Были отпущены средства на организацию рабочего клуба, на создание первых детских яслей и сада.

К 1925 году фабрика стала выпускать товара больше, чем вырабатывалось при фабриканте перед войной. На место Балахнина, избранного в тот год председателем губисполкома, пришли другие хозяйственники. Им пришлось работать уже над другими вопросами.

Страна вступала в полосу пятилеток. Строительство социализма из лозунга превращалось в осязаемое, зримое каждым великое дело. В эти годы переделывалась не только вся страна, переделывался человек, его психология, его взгляды, его привычки.

**

На юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Никита Сергеевич Хрущев сказал:

— Успехи советского народа развеяли, как дым, легенды наших врагов о том, что большевистская революция несет с собой разрушение, чуть ли не гибель цивилизации. Сорокалетний опыт нашего государства убедительно показал, что народ, взявший власть в свои руки, является самым рачительным хозяином, неутомимым создателем все новых и новых материальных и духовных ценностей. Этот опыт показал, что только при социализме начинается быстрое, действительно массовое, при участии всего населения, движение вперед во всех областях общественной и личной жизни, неуклонный про-

гресс в развитии материального производства, невиданный расцвет науки и культуры.

Эта оценка применима к любой ячейке нашего советского общества и, в том числе, к коллективу Большой Ивановской мануфактуры.

Пожалуй, нигде так полярно враждебны не были отношения между рабочими и фабрикантами, как в старом дореволюционном Иваново-Вознесенске. Антагонистичность правящей фабричной верхушки и рабочих подчеркивалась еще иностранным происхождением инженеров, химиков, мастеров. Даже распоряжения отдавались мастерами при рабочих на немецком или польском языках.

Немного осталось на фабрике людей, помнящих старое и могущих сравнить его с сегодняшним днем. Но иногда фабричный клуб собирает ветеранов труда, и тогда услышишь столько интересного...

Фабрикант Бурылин, рассматривая рабочих, как простой инструмент для загребания барышей, все же умел подмечать талантливых людей. Подмечал и пытался ставить их себе на службу. Но, кто становился хозяйским псом, — терял свой талант и заслуживал общее презрение и ненависть той среды, из которой вышел.

Такой была судьба сообразительного слесаря Шумарина, которого хозяин произвел в ранг главного механика и заставил его выполнять такую работу, за которую дипломированному инженеру пришлось бы платить вдесятеро дороже. Такова была судьба «кляльщика на грудах» Андрея Большова, которого из разнорабочего хозяин возвел в степень «отбельного мастера». За небольшие подачки они стали верными псами хозяина и заслужили общую ненависть рабочих.

Трагичной могла стать судьба двух талантливых самородков-химиков Ефима Яковлевича Подрешетникова и Николая Ивановича Шагина. Их идеи, их исследования присваивали себе дипломированные ничтожества. Только революция дала полный простор развитию их способностей. Изобретения Подрешетникова и Шагина, сделанные и опробованные в цехах Большой Ивановской мануфактуры в советское время, прочно вошли во все учебники по отделке тканей. Как пример, укажем на блестящее решение задачи применения при набивке тканей вариаминов — прочных красителей. Вместе со своей помощницей Н. Е. Федоровой Ефим Яковлевич на-

шел способ изготовления сухой дназосоли, растворимой в простой воде. Это открытие получило первую премию во всесоюзном конкурсе изобретателей в 1936 году.

За разработку новых, практически пригодных способов широкого применения холодных прочных красителей, в частности нитрозамина, на всесоюзном конкурсе изобретателей 1937 года Ефиму Яковлевичу была присуждена первая премия.

Каждый знает, что сейчас сократились жалобы потребителя на линючесть ситцев и сатинов. Этим наши домохозяйки во многом обязаны талантам химиков Большой Ивановской мануфактуры.

Мы привели только два факта.

А сколько рационализаторских предложений и изобретений реализуется здесь каждый год! В 1930 году дирекция фабрики зарегистрировала 28 предложений рабочих и специалистов, в 1956 году — 420, больше в пятнадцать раз.

Интересно отметить, что на капитальные вложения, т. е. на обновление оборудования, Министерство текстильной промышленности затратило по фабрике в течение 25 лет 10,5 миллиона рублей. За этот же срок — с 1930 по 1957 год — рабочие, техники и инженеры внесли 5800 предложений, которые дали условной экономии 13 672 тысячи рублей.

Всей стране известно имя главного инженера фабрики Александра Ивановича Батькова, которому в 1952 году присуждена Сталинская премия третьей степени. За 20 лет работы на фабрике он внедрил в производство 52 оригинальных предложения, которые дали фабрике 1400 тысяч рублей экономии.

Одна из последних его работ — отварка товара в паровой среде.

Как известно, не все ткани могут отбеливаться по облегченной схеме или на отбельных агрегатах. Тяжелое суровье, а тем более чехлованная ткань, побывавшая на печатных машинах в качестве подкладки, должна отвариваться в варочных котлах под большим давлением. Если в котел пустить пар, то отварка пойдет гораздо быстрее и будет полнее. Но попытки применения пара приводили к ослаблению прочности товара. Тов. Батьков вместе с т. Залманзоном нашел остроумное техническое решение запуска пара в котел, когда обычный воздух —

виновник окисления целлюлозы ткани — удаляется из варочного котла. Вместо 8—10 часов процесс варки идет только три часа. Это предложение заставляет наново пересматривать теоретические основы беления, позволяет вдвое увеличить мощность существующих отбельных цехов.

На Большую Ивановскую мануфактуру приезжают текстильщики всей страны, чтобы поучиться автоматизации трудоемких процессов.

Где теперь профессия «кляльщика на груди» — человека, который палочкой «калял», распределял жгут полотна внутри варочного котла? Их заменили автоматы-укладчики.

Куда девались «правильщицы кромки» — женщины, следившие за тем, чтобы ткань при входе в машину не подмяла кромку. Их заменили автоматы вводчики-направители ткани.

На печатных машинах появилось кнопочное управление.

На сушильных барабанах введены роликовые ширители вместо дуговых, что позволило сбересть за год на одном сокращении простоев свыше 200 тысяч рублей.

Автоматизирован подъем тяжелых, многотонных крышек варочных котлов при закладке и выборе товара.

Десятки таких мелких приспособлений в корне изменили характер работы на отделочном производстве. Мы уже не удивляемся, узнав, что здесь работает более 20 инженеров, свыше 200 техников, более 420 рабочих с законченным десятилетним образованием.

Трудно сейчас дифференцировать интеллигента и рабочего.

Кем, например, считать вчерашнего слесаря Дубова, сегодня ремонтного мастера, на счету у которого 32 рационализаторских предложения, приносящих фабрике ежегодно 200 тысяч рублей экономии?

Кем считать слесаря швейных машин Балашова, который одновременно редактирует фабричную многотиражку «Красный текстильщик» и печатает неплохие стихи?

Браковщица Тамара Мазурова без отрыва от производства получила аттестат зрелости, ей поручили редактировать цеховую стенгазету, а в прошлом году её избра-

ли депутатом Сталинского райсовета. Кто это — интеллигент или работница?

В школе рабочей молодежи учится более трехсот молодых рабочих. В июне 1958 года 70 человек получили аттестаты зрелости.

Министр просвещения РСФСР тов. Афанасенко в специальном приказе отметил:

«Руководство фабрики всегда внимательно к запросам школы. Ей предоставлено хорошее помещение, ежегодно отпускаются значительные средства на приобретение учебного и хозяйственного оборудования. Для всех цехов установлен единый порядок: в годовые, квартальные и месячные производственные задания регулярно включается обучение молодых рабочих в средней школе... Молодые рабочие, успешно сочетающие учебу с трудом на производстве, представляются к повышению разряда и награждаются почетными грамотами. Так, по итогам прошлого года разряды были повышены 26 рабочим...»

Министр объявил благодарность директору школы А. А. Постнову и директору фабрики Н. Я. Шеломанову. Органам народного образования РСФСР предложено широко распространить опыт Ивановской школы рабочей молодежи № 7 при Большой Ивановской мануфактуре.

В 1957 году из 4000 рабочих фабрики обучалось 1294 человека, из них 80 человек — в вечерних и заочных техникумах, 15 — на заочном отделении текстильного института. Это те кадры, из среды которых непрерывным потоком идут предложения по усовершенствованию технологии, машин и станков. Это завтрашние интеллигенты, если критерием такого понятия взять наличие диплома об окончании среднего или высшего учебного заведения.

Сегодняшние интеллигенты, т. е. окончившие десятилетку, управляют отдельными агрегатами. Машинист завесной сушилки В. В. Колесников добился такой степени мастерства, что ему посвятили специальный печатный плакат.

«Не понимая химии, не разбираясь в действии пара, не умея рассчитать механическую нагрузку, работаешь вслепую, — пишет в плакате Колесников. — Работая, я окончил десятилетку. В этом — разгадка быстрого освоения мной этой технической новинки».

На одну доску с Колесниковым можно поставить и

машиниста А. Н. Шеберстова, обслуживающего одновременно три мыльнопрогонных аппарата, браковщицу готового товара В. А. Бабичеву и десятки других.

Если вы желаете видеть, как стираются грани между основным и физическим трудом, — сходите на Большую Ивановскую мануфактуру.

Помимо тех цифр, что приведены выше, уместно сообщить, что на производственно-технических курсах обучалось за год 300 человек, курсы повышения квалификации посещали 100 инженерно-технических работников. В школах передового опыта и на курсах целевого назначения, где лекторами являются передовые рабочие, обучалось 350 человек.

Такова среда, таков фон, на котором вырастают сотни интеллигентов-рабочих, получивших дипломы, но считающих, что их законное место — в цехе, у машины, за станком, за верстаком.

Более 800 абонентов у фабричной технической библиотеки. Электрик Панков, химики Якимов и Мигачева заходят за новыми иностранными техническими журналами; формовщик Крюков берет учебник по литейному делу, ткачиха Никитина — монографию по обработке волокнистых веществ.

В течение года в библиотеке прочитано 17 лекций передовиками производства. Шлиховальщик А. Н. Ноговицын прочел лекцию «Опыт экономии угаров на шлиховальной машине». Машинист агрегата М. И. Алафьева прочитала лекцию — «Как я достигла высокой производительности труда и превысила технически обоснованные нормы».

Там же с успехом прошел семинар инженерно-технических работников по курсу — «Анализ хозяйственной деятельности предприятия».

Технические конференции, «дни мастера» — тоже формы повседневной учебы людей на фабрике.

На техническую подготовку кадров дирекция ежегодно отпускает около 30 тысяч рублей. Но эти расходы вдесятеро перекрываются только одной экономией от внедрения рационализаторских предложений.

При напряженном десятичасовом рабочем дне в две смены при фабриканте выпускалось за сутки до 8—9 тысяч кусков готового товара. Теперь при том же числе рабочих выпускается до 18—19 тысяч кусков. За год из во-

рот фабрики выходит свыше 220 миллионов метров мануфактурного товара — по метру с лишним на каждого советского человека.

Ткачи вырабатывают на тех же станках вчетверо больше тканей, нежели в 1913 году.

...На празднование двухсотлетнего юбилея фабрики партийный и профсоюзный комитеты пригласили старых «бимовцев», — и тех, кто стоял в пикетах у корпусов в октябре 1917 года, и тех, кто в качестве «рабочего надзора» ставил визу на векселях Бурылина, и тех, кто в 1920—1921 годах радовал Ильича своим самоотверженным трудом, и первых красных директоров, и тех, кто был послан этим коллективом в свое время в Туркестан на борьбу за развитие советского хлопководства, и «25-тысячников», пошедших в деревню поднимать вал коллективизации сельского хозяйства.

Многие из гостей были оторваны от родного города по 20—30 лет. И, как водится, им захотелось пройтись «по старым» корпусам, свидеться, может быть, со своими сменщиками, или «поручниками», со своими прежними товарищами по труду...

Старики удивлялись на каждом шагу. «Товарищество мануфактуры Куваева» получало ежегодно по 1—2 миллиона рублей чистой прибыли, а дивиденды за 1917 год равнялись 9 миллионам. И все же Бурылин жалел отпустить какие-нибудь 5 тысяч рублей, чтобы замостить фабричный двор, жалел какой-нибудь тысячи рублей, чтобы перекинуть мост через Уводь от отделочного производства до ткацкого. У этого «прогрессивного» деятеля на фабрике, оснащенной дорогим оборудованием, не было даже хорошей канализации. Он предпочитал держать ассенизационный обоз (из-за дешевизны) и отравлять территорию фабрики нечистотами, но не давал заикаться об элементарных санитарных сооружениях. Во всей фабрике было два жалких вентилятора, которые не отсасывали и сотой части насыщенного парами разных химикатов воздуха.

Едиственным противоядием и «спецжирами» для рабочих отбельного цеха, красковарки, зрельника, красильного цеха являлся... лук. И тот мастера выдавали рабочим со счета.

Благоустройство фабрики началось еще при С. М. Балахнине и не прекращалось ни на один год. Еще в годы

восстановления на фабрике заново проведено все электрооборудование, поставлена вентиляционная система, установлены экономайзеры, повысившие коэффициент полезной работы котельной.

По инициативе бимовцев был выдвинут и разработан проект постройки теплоэлектроцентрали, которая бы снабжала дешевым паром отделочные фабрики города. Сейчас ТЭЦ № 1 является самостоятельным предприятием и обслуживает четыре крупнейших текстильных фабрики в центре города.

Выше мы уже упоминали о реконструкции отбельного цеха, завершенной в 1928 году. В те же годы поставлены новые машины в стригальном отделе, оснащенные позднее автоматами для пропуска шва. Печатные машины стали работать с больших роликов. По-новому были переставлены машины аппретурно-отделочного цеха, создавшие агрегат для непрерывной отделки.

Паковка и маркировка товара с 1929 года была передана центральной выходной базе. В связи с этим освободилось много помещений, занятых сейчас столовой, здравпунктом, комбинатом рабочего образования и клубом.

Много нового в цехи фабрики принес ветер стахановского движения. Но еще задолго до этого, в 1925—1926 годах, ткачихи перешли на новое уплотнение, стали обслуживать по четыре станка вместо двух.

С лета 1935 года по инициативе инженера С. В. Капустина, пришедшего из промакадемии, передовые ткачихи стали проверять трудовую загрузку на пяти-шести станках. Хорошо получилось у ткачих Борисовой, Оботуровой и Зиновьевой. Их почин подхватили ткачихи Бурлакова, Матвеева, Макарова. Некоторые из них взялись обслуживать восьмистаночные и десятистаночные гнезда. Одновременно ткачихи освоили выработку нового сорта из более тонкой пряжи — батиста.

Раклисты А. В. Ильин и А. А. Морозов выступили инициаторами стахановского движения на отделочной фабрике. Еще в 1934 году они успешно освоили печатание тканей без чехла и осенью 1935 года взялись обслуживать по две печатные машины.

За успехи в подъеме текстильной промышленности в апреле 1939 года большая группа работников фабрики получила правительственные награды. Старый худож-

ник П. Г. Леонов, воспитавший десятки молодых мастеров текстильного рисунка, получил орден Ленина. Раклист В. А. Ильин — орден Трудового Красного Знамени, ремонтный мастер В. И. Клягин — орден «Знак Почета». Медали «За трудовую доблесть» получили старая ткачиха П. А. Кулькова, раклист А. А. Морозов, заместитель колориста М. А. Куликов, главный бухгалтер Е. Н. Панков.

Немало героических страниц вписано в историю фабрики за годы Великой Отечественной войны. Сотни рабочих завербовались в народное ополчение, а затем ушли на фронт, с дивизиями, формировавшимися в городе. Их места не опустели. Уже на третий месяц войны более 40 работниц взялись осваивать профессию ткацкого помощника мастера. Десятки женщин становились электриками, токарями, сверловщиками, шлихтовалами, машинистами на отбельных и отделочных агрегатах. В отдельные дни фабрика выпускала по 500 тысяч метров.

Несмотря на то, что фабрика становилась полным «женским» предприятием, производственный план за годы войны всегда перевыполнялся.

Но вот кончилась война. Вернулись на фабрику многие вчерашние фронтовики. Текстильщики начали перестраивать производство применительно к требованиям мирного времени.

«За высокое качество. За низкую стоимость обработки тканей» — под этими лозунгами вели за собой весь рабочий коллектив коммунисты фабрики.

В 1949 году текстильщики страны узнали о предложении начать соревнование за превращение всех участков производства в участки высокой производительности и отличного качества. В 1951 году ткачиха этой фабрики Ираида Солодова, нашедшая новый метод заводки нити в глазок челнока, удостоивается Сталинской премии.

В 1954 году цех механических станков, возглавляемый коммунистом П. Л. Бычковым, достигает самой высокой в текстильной промышленности производительности на выработке миткаля артикул 583.

Еще быстрее фабрика пошла в гору с созданием в Ивановском экономическом районе совнархоза.

В первый же месяц работники совнархоза побывали в цехах этой фабрики. Без проволочек был решен вопрос о монтаже нового оборудования — отпущены средства на

эксперименты по предложениям рационализаторов, поддержано намерение инженеров фабрики внедрить крашенные пигментными красителями, шире использовать кубозолевые красители.

Лучше стали использоваться резервы производства. Опыт Ивановской фабрики им. Кирова, повысившей скорости механических ткацких станков, совнархоз перенес на все ткацкие фабрики, в том числе и на ткацкое производство Большой Ивановской мануфактуры. Также энергично подхватили на предприятии почин текстильщиков Родниковского комбината «Большевик», начавших сокращение подсобных рабочих за счет механизации и лучшей организации их труда. На фабрике механизировали разгрузку пряжи с автомашин. Механизмами подаются тяжелые детали для обработки на токарном станке. Удачно прошли опыты механизированной эвакуации жидкостей (каустика и других химикатов) из цистерн. В отделочной фабрике механизировалось приготовление красителей.

В течение года на предприятии высвобождено 70 подсобных рабочих. Несколько раз на заседании совета народного хозяйства обсуждалось сообщение директора и главного инженера предприятия о том, как они улучшают качество тканей. Через год после реорганизации управления промышленностью и строительством производительность труда на Большой Ивановской мануфактуре выросла на 7,5%. На каждого рабочего-отделочника падает в час 64 метра готового товара и на каждого рабочего ткацкого производства — 44 тысячи уток в час.

Стоит напомнить, что на английских отделочных фабриках часовая выработка рабочего достигает только 36 метров, а выработка ткача — 30—32 тысячи уток.

Совнархоз разработал и осуществляет план технического обновления фабрики. В течение предстоящего семилетия суточный выпуск готового товара на ней вырастет до одного миллиона метров.

***

Старинное русское текстильное предприятие известно своими товарами далеко за пределами своей стороны. Еще до революции ситцы и сатины этой фабрики успешно конкурировали с английскими товарами на рынках

Персии, Турции, Афганистана, Китая. Большая Ивановская мануфактура в советский период трижды участвовала на Всемирных промышленных выставках в Париже и за хорошее оформление товара получала каждый раз дипломы выставки первой и второй степени.

В 1954 году предприятие экспонировало образцы своей продукции на выставке в Копенгагене. Вот что рассказывает участница этой выставки — заведующая художественной мастерской Л. И. Проворова:

— Датские женщины были в восторге от прекрасного качества советских тканей. Они сожалеют, что не могут покупать их в своих магазинах — ведь женщины всюду любят красиво одеваться.

Вот что писали германские газеты о тканях Большой Ивановской мануфактуры, выставленных на Лейпцигской международной ярмарке:

«В советском павильоне, в отделе текстиля нужно отметить особо хорошее сочетание красок на тканях ивановских фабрик. У них нашим специалистам по текстилю надо многому поучиться».

Немало гостей побывало в стенах этого предприятия. Любил выступать перед рабочими БИМа Михаил Васильевич Фрунзе. Последний раз он приезжал к ним в январе 1923 года.

— Я горжусь, что принадлежу к семье иваново-вознесенских рабочих! — заявил он на митинге.

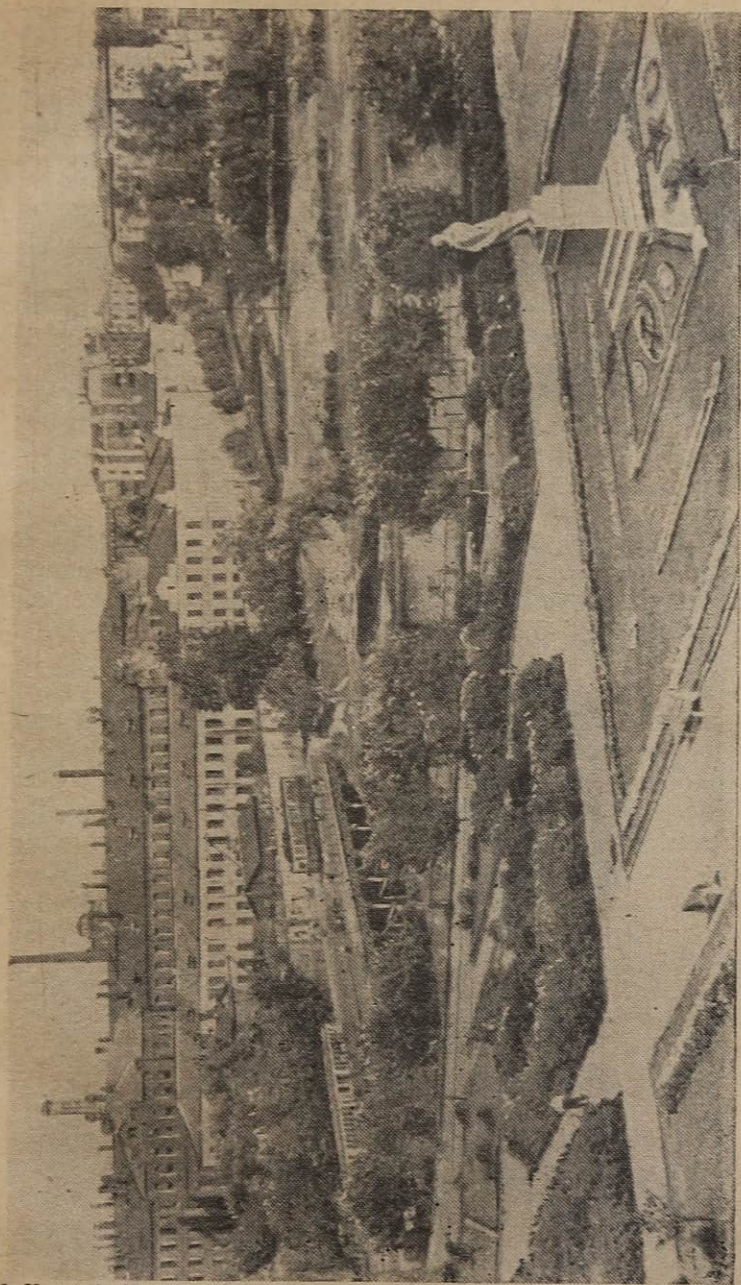
Памятник славному полководцу, поставленный в сквере напротив Большой Ивановской мануфактуры, как бы символизирует эту неразрывную связь рабочего коллектива с одним из организаторов нашей партии, нашей могучей Советской Армии.

Трижды побывал на предприятии Михаил Иванович Калинин. И на митингах и в дружеских беседах с рабочими он вселял уверенность в конечную победу рабочего класса, воспитывал волю к труду, к преодолению всех трудностей.

В Книге почетных посетителей оставил свою запись старый большевик А. С. Бубнов:

«Коллектив БИМ—один из самых энергичных строителей коммунизма в нашей стране. Рабочим фабрики, её директору, вместе с его помощниками желаю дальнейших успехов».

8. Наши фабрики

Большая Ивановская мануфактура (вид от драмтеатра).

Там же встречаем записи зарубежных гостей — делегатов четвертого и пятого конгрессов Коминтерна:

«Ваша фабрика — прекрасный образец коллективности под пролетарской диктатурой. Я очень заинтересована в этом пути», — пишет итальянская коммунистка Нелла Мартини.

Приезжавшая в Иваново из Германии группа беспартийных и социал-демократических рабочих записала:

«Мы видели, что между красным директором и рабочей массой установлены чисто товарищеские отношения. Рабочие стараются улучшить условия своей жизни путем укрепления завоеваний революции, — Артур Кох, Поль Гильдебрант, Эмиль Фэк».

Побывали на фабрике и представители деловых кругов Запада. Немецкого промышленника Мосдорфа, подписавшегося под титулом «министериаль-советник», «поразило большое количество на предприятии советских машин».

«Краски означают радость. Эту радость сделать доступной всем — тяжелая задача. Хозяйственная работа фабрики и сочетание красок образцовые», — пишет один из голландских промышленников.

Француз Сунэ отмечает:

«Это было одно из интереснейших посещений! Фабрика, где разнообразнейшие краски создают как бы одну громадную симфонию зрения, радующую глаз. Интересная работа и, как всегда во всех рабочих местах СССР, чувствуются эти прекрасные товарищеские отношения и симпатия в работе друг к другу. Все это составляет один из неотъемлемых признаков новой жизни».

Понятным становится тот оттенок гордости, который чувствуется в словах «бимовцев»:

— Я работаю на Большой Ивановской мануфактуре...

имени
Балашова

Если вы подъезжаете к Иванову вечером, вас встречает лавина волнующихся электрических огней, напоминающих множество звезд, причудливо рассыпанных на огромном черном ковре. Среди этих огней можно отыскать и огни прядильно-ткацкой фабрики имени С. И. Балашова, одного из старейших в городе предприятий. В её цехах словно прописана на постоянное жительство сама история.

Часто бывает так, что юноши и девушки, впервые приходящие на фабрику, не могут обойти свидетелей и творцов истории, старых большевиков, создававших в 1905 году в Иваново-Вознесенске один из первых Советов депутатов трудящихся, или устанавливавших в 1917 году, как в городе, так и на фабрике, Советскую власть.

Притихшие девчата — юные прядильщицы и ткачихи, живущие в уютном трехэтажном доме молодежного общежития, что на улице Красных Зорь, затаив дыхание, слушают неторопливый рассказ убежденного сединами почетного гостя о том далеком для них времени, когда рабочие работали на фабриканта, когда казаки пороли их плетками за попытку потребовать улучшения жизни, а царский суд беспощадно отправлял лучших людей в Сибирь на каторгу.

Тяжела была эта жизнь. И по мере бесед старых большевиков и кадровых рабочих и работниц перед молодежью, словно наяву, встает история родного предприятия.

...Первая половина XIX века. Иваново — большое

фабричное село. Улицы его узкие, плохие деревянные домишки перемешиваются с фабричными корпусами. Кое-где выделяются добротные кирпичные купеческие дома. Всюду много оврагов, куда сваливаются фабричные отбросы. Весной или осенью на улицу хоть не выходи — до колени в грязи увязнешь. Только одна базарная площадь вымощена камнем.

К этому времени относится и образование ситцепечатной фабрики П. Зубкова на правом берегу реки Уводи. Как и на других предприятиях, условия труда рабочих здесь были ужасные. Если кто из них заболел, то хозяин выгонял его с работы. Еще в ходу были плети, которыми пороли рабочих за «провинности». Ни о какой медицинской помощи тогда и думать не приходилось.

Шли годы. Богатели купцы Зубковы на нещадной эксплуатации рабочих, расширяли свою мануфактуру. В 1867 году они строят ткацкую фабрику на семьсот станков.

В 1879 году купцы Фокины, Новиков, Зубков и братья Витовы создали «Товарищество Иваново-Вознесенской мануфактуры», которое местные рабочие стали называть коротко — «Компания». В том же году А. Ф. Зубков продал «товариществу» ткацкую фабрику. В 1887 году «Компания» строит новое ткацкое производство, а в 1895 году — четырехэтажный прядильный корпус.

Просуществовало это «Товарищество» до февраля 1918 года, когда его предприятия были национализированы советской властью и названы «Фабрикой Российской Республики». Это была первая в Иванове национализированная фабрика.

**

Тяжелая жизнь, произвол купцов и фабрикантов, гнет царского самодержавия вызывали возмущение рабочих. Они нередко бросали работу и объявляли стачку, требуя повышения расценок, улучшения условий труда и увольнения неугодных мастеров-извергов.

Одна из таких стачек вспыхнула в начале октября 1895 года на фабрике «Товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры». Причиной ее явилось снижение летних расценок (т. е. оплаты труда) до 30%.

Директор фабрики Свешников, обманывая рабочих, о новых расценках объявил не за одну-две недели до начала работ, как делалось обычно, а только за два дня до срока нового найма.

Заработная плата рабочих, составлявшая летом 8—12 рублей в месяц, стала значительно меньше. В то время на такую зарплату можно было прожить с большим трудом только одному человеку.

Сначала рабочие пытались договориться со Свешниковым мирным путем. Они просили совсем немного: оставить такую же зарплату, которая была в минувшую зиму. Однако Свешников и его хозяева отказались это выполнить. Тогда рабочие обратились за помощью к фабричному инспектору Гончарову. Но увы,— было бесполезно. Хозяева не желали разговаривать. Оставалось одно — бастовать.

И вот 4 октября замолкли машины в новом огромном корпусе только что выстроенной прядильной фабрики, перестали стучать в старых цехах ткацкие станки. Сразу стало как-то непривычно тихо.

— Хватит терпеть издевательства хозяев! — горячо говорили рабочие. — Не пойдем на работу до тех пор, пока не повысят расценки!

В это время на улице показался старший фабричный инспектор Астафьев и прибывший из Владимира жандармский полковник Воронов. Вместе с ними шел целый отряд полицейских.

— Почему бастовать вздумали! — грозно крикнул жандармский полковник.

— Расценки нам снизили, вот и бросили работу, — спокойно ответил кто-то из глубины толпы.

— На новую зарплату прожить нельзя, хоть с голоду помирай! — закричали рабочие в один голос.

— Как нельзя прожить? — пытается спорить Воронов. — А ну-ка, давайте посчитаем.

Он начал высчитывать, сколько необходимо рабочему в месяц денег на крупу, муку, картошку, чай, сахар, спички, керосин, растительное масло (по жандармскому расписанию сливочного масла, а также молока рабочим есть не полагалось) и т. д. Однако ничего из этого не получилось. Слишком мизерной была зарплата, чтобы ее хватило на удовлетворение самых насущных потребностей.

Видя, что рабочие не поддаются на уговоры фабричных инспекторов Астафьева и Гончарова, губернатор издал приказ, в котором пригрозил, что если рабочие «не встанут на работу или не разойдутся по домам, то будут введены войска для водворения порядка».

Рабочие не испугались этих угроз и продолжали бастовать даже тогда, когда на фабрику прибыл сам губернатор во главе двух батальонов солдат и двухсот казаков.

Рабочие держались стойко. Тогда губернатор распорядился арестовать «зачинщиков», надеясь этим вызвать среди стачечников растерянность и панику. Но получилось совсем иначе. Весть об аресте восьми рабочих из числа тех, кто вел переговоры с начальством, привела забастовщиков в негодование. Они потребовали немедленно освободить арестованных.

Тогда по распоряжению губернатора на рабочих напали казаки и с ожесточением стали пороть их плетками. Это вызвало взрыв негодования текстильщиков других фабрик Иваново-Вознесенска. Боясь всеобщей стачки трудящихся, фабриканты стали советовать губернатору убрать казаков.

Наконец, 19 октября стачка закончилась. Рабочие добились того, что хозяева убрали с фабрики директора Свешникова, а расценки несколько повысили. Кроме того, здесь была сделана первая в Иваново-Вознесенске попытка связать деятельность местного «Рабочего союза» с массами. Члены «Рабочего союза» Н. Махов и М. Багаев впервые открыто выступили перед двухтысячной толпой забастовщиков с речами, знакомили их с требованиями социал-демократов, призывали к борьбе с буржуазией и царизмом. Таким образом, эта стачка показала, что если раньше рабочее движение развивалось стихийно, то в дальнейшем оно проходит под руководством социал-демократов (большевиков).

Дружная двухнедельная забастовка текстильщиков фабрики «Компания» показала всем рабочим, что добиться победы можно только сплоченной борьбой всех трудящихся. Поэтому уже через два года, в конце 1897 и начале 1898 года, в Иваново-Вознесенске произошла первая всеобщая стачка рабочих, в которой участвовало около двадцати тысяч рабочих. Продолжалась эта забастовка три недели.

Активное участие в ней принял рабочий фабрики «Компания» Семен Иванович Балашов («Странник») — человек, не знавший страха в борьбе с самодержавием, глубоко преданный революционному делу.

Тепло, задушевно рассказывает о нем молодежи фабрики имени Балашова Федор Васильевич Колесников, бывший член Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов в 1905 году, коммунист с 1898 года. Вместе с Балашовым Федору Васильевичу приходилось вести революционную работу, вместе они однажды попали в тюрьму.

Вот и сейчас, вспоминая былые времена, он задумался на минуту, потом нахмурил седые брови и стал не спеша рассказывать.

...Стояли майские дни 1905 года. Свежей зеленью покрылась земля. Зашелестел молодой листвой лес на Талке, словно удивляясь невиданному в такое время: тысячи иваново-вознесенских рабочих заполнили берега речки и опушки леса. Над городом перестали коптить фабричные трубы. Тихо стало в прядильных и ткацких корпусах. Заперлись в своих особняках фабриканты, притихли мастера, конторщики и управляющие. Застучал на почте телеграф: полицеймейстер сообщал губернатору: «забастовали все... ведут себя рабочие неспокойно», и просил прислать войска.

Накануне здесь, в лесу, собрался Иваново-Вознесенский комитет РСДРП. Председательствовал Ф. Афанасьев — «Отец». Худощавый, с окладистой бородкой, он сквозь поблескивающие стекла очков смотрел на присутствующих умными спокойными глазами и внимательно слушал.

Обсуждался один вопрос: остановиться ли только на экономических требованиях или предъявить еще и политические.

Поднялся рабочий в черном молескиновом пиджаке и в таких же брюках, заправленных аккуратно в сапоги. Небольшого роста, сутуловатый, он вышел вперед. Изпод высокого лба сверкнули живые, горячие глаза. С силой сжав пальцы в кулак, он махнул рукой и воскликнул:

— Хватит бороться за копейку! Довольно радоваться медному грошу, который могут нам кинуть хозяева. «Кровавое воскресенье» убедило наглядно, чего можно

ждать от царя кровопийца и его собак! Пора смело выставить лозунг: «Долой самодержавие!»

— Верно, Семен Иванович!

— Дело говорит Балашов...

— А по-моему, политическими требованиями мы ничего не добьемся и сорвем стачку,— возразил один из членов комитета.

Балашов сердито взглянул на говорившего, насмешливо сказал:

— Что же... Хочешь морочить голову рабочим... Как же ты без политических завоеваний хочешь добиться экономических улучшений? Нет, мы должны сказать рабочему правду: пока на нашей шее сидит самодержавие, нельзя успешно бороться с фабрикантами, с капитализмом. Мы должны выступить с лозунгом: «Долой царское самодержавие!»...

— Именно так и следует поступить,— негромко, но твердо проговорил «Отец».

На следующий день из пламенной речи Евлампия Дунаева на собрании перед городской управой об этом лозунге узнали тысячи иваново-вознесенских текстильщиков. Они одобрили призыв партии бороться не только за экономические, но и за политические права.

В каждом человеке есть свои черты, определяющие его поведение. Главное, что было в Балашове,— это кипучая энергия, кристальная чистота души, беззаветная преданность идее освобождения рабочего класса. Он всегда находился в центре борьбы, отдаваясь ей со всей страстностью, целиком.

...Один из активных членов Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов 1905 года, большевик Семен Иванович Балашов родился в 1874 году в деревне Сальцево, Шуйского уезда. Как и многие другие крестьяне, семья Балашовых от нужды подалась в Иваново-Вознесенск. Двенадцатилетний Семен Балашов сначала поступил в типографию, а через полтора года — на прядильную фабрику. Здесь четырнадцатилетний подросток принял участие в волнении малолетних рабочих, которые требовали повышения заработной платы.

Шло время, мужал и креп характер Балашова, росла его ненависть к фабрикантам. В 1897 году он уже принимает участие во всеобщей забастовке иваново-вознесенских текстильщиков и знакомится с известным рево-

люционером — петербургским ткачом Ф. А. Афанасьевым («Отцом»). Под влиянием Афанасьева Балашов в 1898 году вступил в члены Иваново-Вознесенской социал-демократической организации.

Человек, полный кипучей энергии, не знавший страха в революционной борьбе, Балашов берется полицией под надзор, а в 1899 году арестовывается. Через полтора года его выпустили из тюрьмы и выслали под негласный надзор в Шую. В 1900 году его высылают в административном порядке под гласный надзор полиции в город Царицын (ныне Сталинград). Через год Балашов снова приезжает в Шую, а затем, спасаясь от полицейских преследований, — в Иваново-Вознесенск, где поступает в прядильно-ткацкое производство фабрики «Товарищество Иваново-Вознесенской мануфактуры» (ныне фабрика им. Балашова).

1903-й год. Иваново-Вознесенская социал-демократическая организация все более крепнет и растет. От пропаганды в марксистских кружках она переходит к широкой агитации среди тысяч текстильщиков.

Лето 1904 года. Война с Японией, гибель тысяч людей за чуждые им интересы, завинченный до предела пресс эксплуатации. Все больше приходило рабочих на массовки в леса, все внимательнее слушали они большевиков-ленинцев — Афанасьева, Балашова, братьев Семенчиковых, Самойлова — о необходимости бороться за свое освобождение.

Однажды в июне 1904 года, казаки выследили место массовки на Сластихе, напали на рабочих. Балашов был арестован. Однако, несмотря на тяжелые побои, он убежал, а ночью вдвоем с Семенчиковым спрятал тайную типографию в другом, более надежном месте.

В 1905 году Балашов — один из организаторов и руководителей знаменитой стачки иваново-вознесенских текстильщиков.

— Не милостью, не просьбой нужно добиваться победы, — неустанно говорил он рабочим, — а с оружием в руках, организованно.

После окончания забастовки, перед тем, как приступить к работе, на всех фабриках состоялись собрания рабочих. На фабрике «Компания» ткачи и прядильщики с глубоким вниманием слушали своих депутатов в Совет уполномоченных: С. И. Балашова, Ф. Н. Самойлова,

А. Ф. Тарасова и Ф. В. Колесникова. Они говорили о том, чему научила рабочих стачка и как следует бороться в дальнейшем.

Неожиданно налетели казаки. Они арестовали депутатов и повели их в город. Зашумела, забурлила фабрика. Рабочие объявили хозяину:

«Умрем, но не приступим к работе до тех пор, пока не освободят наших депутатов!».

Перепуганный фабрикант стал уговаривать полицеймейстера выпустить их.

Осенью 1905 года Балашов уезжает в Москву. Он ведет суровую жизнь подпольщика, работая там, куда посылала его партия.

В ноябре 1908 года «Странника» снова арестовали и после более чем двухлетнего пребывания в тюрьме сослали на вечное поселение в Сибирь, откуда его освободила Февральская революция 1917 года.

И вот снова текстильщики Иваново-Вознесенска видят в городе небольшую сутуловатую фигуру Балашова в неизменном пиджаке и кожаных сапогах. Нет, не сломила волю стойкого большевика суровая сибирская ссылка, не поколебала революционный дух царская тюрьма. Член Совета рабочих и солдатских депутатов, секретарь городского комитета партии большевиков, он твердо проводит ленинскую линию, сплачивает ивановских рабочих вокруг большевистской партии.

В 1918 году С. И. Балашов с отрядом красногвардейцев уезжает на фронт защищать молодую Советскую республику от белогвардейцев и иностранных интервентов...

Долго длится беседа Колесникова о революционерах-ивановцах.

— А почему у Балашова кличка такая? — спрашивают Ф. В. Колесникова.

— А вот почему: ему много пришлось походить пешком — и в Кохму, и в Лежнево, и в Шую налаживать партийные связи, вести пропаганду, доставлять литературу. Вот за эти «странствия» рабочие и назвали Семена Ивановича «Странником». Так это и стало его партийной кличкой.

**

В феврале 1917 года свершается буржуазно-демократическая революция. Власть перешла в руки Вре-

менного правительства, которое состояло из помещиков и капиталистов. Но существовали и Советы. Партия большевиков, В. И. Ленин призывали превратить буржуазно-демократическую революцию в социалистическую и передать власть Советам, приступить к осуществлению рабочего контроля над производством и распределением продуктов.

В соответствии с этим призывом на иваново-вознесенских фабриках создаются рабочие комитеты. На фабрике «Компания» такой комитет возник сразу же после Февральской революции. Его возглавил большевик И. Горбунов.

Трудно приходилось в то время рабочему комитету. Хозяева на фабрику не являлись, а администрация не желала сотрудничать с комитетом и оказывала сопротивление ему. Положение ухудшалось изо дня в день. Испытывались все возрастающие трудности в снабжении фабрики хлопком и топливом, не хватало средств для выплаты рабочим заработной платы. Необходимо было принять срочные меры против саботажа фабрикантов и администрации.

И вот 22 мая фабричный комитет установил на предприятии рабочий контроль за вывозом и ввозом сырья, материалов и топлива. В принятом решении было записано: «Все сырые материалы, а равно и топливо без ведома комитета не должны вывозиться с фабричного двора». Более того, рабочий комитет затем сам стал решать вопросы снабжения фабрики сырьем и топливом. В результате на фабрике фактически стало две власти: энергичный рабочий комитет, активно борющийся за нормальную работу цехов, и пассивная администрация, пытающаяся саботировать его деятельность.

Отношения между ними все более обострялись и, наконец, вылились в серьезный конфликт.

31 мая рабочие собрались на общефабричный митинг и вызвали на него заведующих прядильным и ткацким производствами Алимарина и Корчагина. Здесь было принято решение организовать свое, рабочее правление, выделив туда тех людей, которым рабочие доверяют. Временное исполнение обязанностей заведующего ткацким производством было возложено на гг. Копченова и Матвейчева. В прядильном производстве эту

должность стал исполнять так называемый «коллектив мастеров» в составе гг. Смирнова, Пospelова, Зыкова, Бирденева и Строкина.

Через день, 2 июня, фабричный комитет о принятом им решении поставил в известность правление «Товарищества» (т. е. хозяев фабрики), а отстраненным от должности заведующим обоими производствами предложил «выехать со двора фабрики в течение двух недель».

Таким образом, текстильщики фабрики «Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры» первыми в нашей области, еще до октября 1917 года, от рабочего контроля перешли к управлению фабрикой — путем организации своего рабочего правления.

После рационализации правление было избрано из восьми человек — представителей рабочих, младших техников, служащих, профсоюза текстильщиков, Московского экономического совета и комиссариата труда. В его состав вошли пользовавшиеся уважением рабочих фабрики гг. Логинов, Грачев, Бардин, Тарасов, Семенов. С первого же дня правление занялось проверкой отчетов и переводом рабочих с поденной на сдельную оплату труда.

7 марта 1918 года произошла реорганизация фабричного комитета. Вместо него был создан президиум из пяти человек, образованы различные комиссии при нем (по топливу, хлопку, пряже, суровью; отдел труда и т. д.) и культурно-просветительная секция. Эта секция, возглавляемая гг. Логиновым, Зарецким и Грачевым, стала проводить большую культурно-массовую работу. Она организовала хор, струнный и духовой оркестры, кружок живописи и скульптуры, драматический кружок. Этот кружок, возникший еще в 1905 году, был особенно популярен среди рабочих.

7 ноября 1918 года при фабрике был открыт клуб со зрительным залом на 500 мест и библиотека. Вот как описывалось тогда это событие в газете «Рабочий край».

«7 ноября вечером в память социалистической революции 1917 года при фабрике состоялось открытие театра и библиотеки-читальни.

Открытие театра фактически состоялось еще днем, когда ставился спектакль для детей. Задолго до начала

спектакля детвора грудилась около входа в театр, предвкушая невиданные многими удовольствия.

Поставлены были пьесы: «Сюрприз», «На море-океане», «Хирургия», «Жена ямщика».

...Спектакли прошли очень весело, иные артисты из среды рабочих своей неподдельной и искренней игрой увлекли не только детей, но и взрослых.

Вечером театр был переполнен. Открытие состоялось пьесой Д. Логинова «Возрождение»...

В 1918—1920 годах молодая Советская республика героически отбивалась от белогвардейской контрреволюции и нашествия интервентов 14 капиталистических стран. В это тяжелое время трудно было достать для предприятий сырье. И в Иваново-Вознесенске одна за другой стали останавливаться фабрики.

Была остановлена и законсервирована в 1920 году и «Фабрика Российской республики», которая с того времени стала называться БДМ — Большой Дмитриевской мануфактурой.

Так прошло пять лет.

28 июня 1924 года фабрика опять была пущена в ход. Правда, для этого пришлось провести большую подготовительную работу, так как оборудование было попорчено, полы пришли в негодность, балки котельный покрылись ржавчиной, своды обвалились.

Во главе фабрики, после ее пуска, был поставлен красный директор. Администрация фабрики состояла из практиков. Инженеров пока не было. Большую роль в подготовке и пуске предприятия сыграли коммунисты. Самоотверженно трудясь, они личным примером в работе и горячим большевистским словом вдохновляли рабочих на быстрый и лучший ремонт фабрики, на ее своевременный пуск.

С 4 июля 1924 года прядильное производство заработало в две смены с полной нагрузкой.

7 июля 1924 года Большую Дмитриевскую мануфактуру посетили первые экскурсанты — рабочие города Ярославля.

Фабрика ожила и с каждым днем все более набирала ход. В это же время укреплялся рабочий коллектив, численно возрастала партийная и комсомольская организации, развернулась большая работа по ликвидации неграмотности и малограмотности. К этому

времени рабочие фабрики стали выписывать уже 654 экземпляра газет.

В 1925 году коллектив БДМ подвел итоги первого года работы фабрики после пуска. Результаты были неплохие: несмотря на большие затраты на восстановление фабрики, было получено чистой прибыли более полмиллиона рублей. Тогда же в 1926 году рабочие решили соединить воздушным коридором старую ткацкую фабрику с новой и построить новый хлопковый склад стандартного типа. Все это было затем выполнено.

В апреле 1925 года фабрике присвоили имя славного земляка-революционера Семена Ивановича Балашова и она начала называться Большой Дмитриевской мануфактурой имени С. И. Балашова. В дальнейшем ее стали именовать просто: прядильно-ткацкая фабрика им. С. И. Балашова.

Начало первой пятилетки текстильщики фабрики им. Балашова отметили повышением производительности труда и увеличением выпуска суровых тканей, активной борьбой за улучшение качества вырабатываемой продукции. Ткачихи А. Углова, К. Калинова, А. Шубина, Е. Куликова, П. Клюканова одними из первых перешли работать с двух станков на три, а затем на четыре и стали ударницами.

В ткацком производстве было две ударных бригады. Ими руководили опытные помощники мастера гг. Тихомиров и Лобанов. Первыми ударниками были, в основном, коммунисты и комсомольцы.

Коммунисты и комсомольцы неустанно разъясняли рабочим, особенно тем, кто не придавал значения ударничеству, как важно повысить производительность труда и оборудования. Хорошим агитатором зарекомендовала себя в то время коммунистка А. Лебедева, отличная ткачиха, чудесной души человек.

На фабрике им. С. И. Балашова нашел горячих сторонников начин ткачих вичугской фабрики им. Ногина — Дуси и Маруси Виноградовых. Вот что рассказывает об этом незабываемом времени одна из лучших ткачих фабрики, ныне персональный пенсионер Анна Евгеньевна Углова.

— Когда началось новое движение в Вичуге, работницы живо обсуждали это. Большинство его одобряло, а некоторые относились недоверчиво. В это время при-

глашает меня к себе в кабинет начальник первого ткацкого цеха Иван Селиверстович Логинов и говорит: «Надо нам, коммунистам, у себя развертывать стахановское движение».

Я, конечно, тут же решила перейти работать с четырех станков на восемь. Вместе со мной стали обслуживать по восемь станков Анна Васильевна Шубина и во втором цехе Анна Степановна Краснова. Нашлись сторонники Дуси и Маруси Виноградовых и в других ткацких цехах.

В декабре 1935 года меня за успешную работу послали отдыхать в санаторий ВЦСПС в Одессу. Здесь я познакомилась со многими стахановцами, узнала, как они работают, как ломают старые нормы. И твердо решила — перейду на обслуживание десяти ткацких механических станков. Обдумала все и послала начальнику цеха Логинову телеграмму: «Собираюсь с новыми силами обслуживать десять станков. Припасайте оборудование».

И вот с января я со своей сменщицей Анной Васильевной Шубиной стала работать на 10 ткацких станках. Первые полмесяца мы работали одни, но за нами внимательно следил весь коллектив цеха. Затем нашему примеру последовали Е. Куликова, П. Цицорова, А. Краснова и другие работницы. В четвертом ткацком цехе пример работы на «десятке» показал коммунист старый ткач Алексей Иванович Косцов, за ним последовали ткачихи Панушина и Полежаева.

Так же, как и ткачи, почин Виноградовых подхватили и прядильщики фабрики. Здесь пример показали: ровничница М. Полякова, награжденная впоследствии медалью «За трудовое отличие», прядильщица Т. Вороноцова, трепальщица В. Павлова, ровничницы Л. Зайцева, Е. Волкова и М. Демидова. Они сперва обслуживали по две машины, затем по три, а в ноябре 1935 года стали работать на пяти ровничных машинах.

Стахановское движение, охватившее в скором времени все цеха фабрики им. С. И. Балашова, позволило значительно увеличить производительность труда и оборудования и улучшить качество выпускаемой продукции. К 1940 году прядильщицы уже каждые сутки давали не менее 22,5 тонны добротной пряжи, а ткачи — более 144 тысяч метров суровых тканей.

Великая Отечественная война потребовала удвоения сил текстильщиков, и они добились этого, не считаясь ни с какими лишениями.

«...Все мы верим в правое дело, а вера вселяет в нас силу, волю и мужество»,— писал коллектив товарной конторы своему бывшему работнику-фронтовику т. Чижову.— У нас в товарной конторе все работают с удвоенной энергией. Мужские работы — подвозка, паковка, укладка, погрузка — выполняются силами девушек и женщин. Но все это ничего — лишь бы скорее врага разбить».

«...Такие работницы, как Валя Рехмунова, Тася Усова,— писали рабочие приготовительного отдела ткацкого производства товарищам-фронтовикам,— за прекрасную работу удостоены правительственной награды — медали «За трудовую доблесть». Они из месяца в месяц выполняют план на 200 процентов... Весь цех в целом с заданием справляется...»

Таких писем фронтовики-балашовцы получали немало. Земляки писали, как помогают семьям фронтовиков, и эти письма вдохновляли воинов на героические подвиги. И не напрасно прядильщики и ткачи фабрики трудились, не жалея сил.

Вот что рассказывает о своей работе на странице многотиражки «Балашовец» старая работница Анна Васильевна Шубина:

«Когда началась война, я задала себе вопрос: что можно сделать мне, рядовой ткачихе? И решила, что и у станка можно наступать на врага. Четвертый десяток лет я тку ситец и сатин, но, несмотря на это, забеспокоилась: как бы не отстать от других. Но не отстала, а многих обогнала. В мои годы работать на шести станках раньше казалось пределом. А я взвесила свои силы и перешла работать на восемь станков. Для этого стала приходиться на смену за час-полтора, чтобы подготовить початки и проверить основы. Это мне давало возможность ткать ежедневно не 160 метров трудоемкой ткани, а 320—350 метров. Когда в 1942 году в составе ивановской делегации я побывала на фронте и услышала там теплые сердечные отзывы фронтовиков о нашем труде, я дала себе клятву: вырабатывать для своего народа больше добротной ткани. Сейчас идет 1944-й год, и я свое слово все время держу».

Эти душевные слова работницы-коммунистки справедливы. Родина высоко оценила труд патриотки, наградив ее орденом «Знак почета».

Многим передовым рабочим и работницам, героически трудившимся в тяжелые годы Великой Отечественной войны, Ивановский обком партии не раз выносил благодарности.

**
*

Закончилась победоносно Великая Отечественная война с немецко-фашистскими захватчиками. Перед советскими людьми встала трудная задача: быстрее залечить нанесенные войной раны и двинуться дальше, вперед. За это дело с энергией взялся и коллектив фабрики им. С. И. Балашова. И достиг неплохих результатов. Однако борьба за технический прогресс на фабрике, особенно в прядильном производстве, продолжается с неослабеваемой силой и сейчас.

...Прядильный цех. В открытые окна вместе с лучами летнего солнца легкой струйкой влетает свежий воздух, напоенный запахом фруктовых деревьев фабричного сада.

В цехе, наполненном ровным гулом машин, прядильщицы деловито обходят оборудование, едва уловимыми движениями связывают оборвавшиеся нити, быстро и ловко снимают наработанный пух с валиков, клапанных брусьев. А на многих прядильных машинах пух с клапанных брусьев снимает механическая гонялка, изобретенная и приспособленная к машинам рационализаторами фабрики — бригадиром ремонтников А. Игнатьевым и помощником мастера И. Полуночевым.

Подобные небольшие, но очень нужные усовершенствования оборудования встречаются во всех цехах фабрики. Все они — результат активного участия пытливых людей производства — рационализаторов, инженерно-технических работников и рабочих в борьбе за обновление текстильной техники и технологии.

Социалистическое соревнование за дальнейшее совершенствование оборудования в короткий срок позволило прядильщикам сделать многое для увеличения выпуска пряжи, улучшения ее качества и снижения себестоимости, облегчения труда рабочих.

Подхватывая все передовое в совершенствовании

оборудования, балашовцы узнали, что на Павлово-Покровской прядильно-ткацкой фабрике Московской области используются модернизированные вытяжные приборы, которые примерно вдвое мощнее старых, и для них хороша ровница уже с перегонных ровничных машин. Туда послали мастера ремонтно-механического отдела прядильного производства В. Алексеева и конструктора фабрики Г. Косарева с наказом: «Приглядитесь внимательно к новшеству — нельзя ли его использовать и у нас». Посланцы балашовцев одобрили работу модернизированных вытяжных приборов, сказали, что полезное это дело: поставишь их на прядильные машины — не потребуются тонкие ровничные машины; на высвободившееся место можно поставить другое оборудование.

Однако перенести механически вытяжной прибор с Павлово-Покровской фабрики не представлялось возможным. Пришлось, как говорится, поломать голову над дальнейшей модернизацией его и Алексееву, и Косареву, и многим другим. Но успехи уже имеются. Сейчас несколько прядильных машин оборудовано модернизированными вытяжными приборами.

На уточных прядильных машинах бригадир ремонтников В. Шестунин и инженер К. Воронин предложили переделать эти приборы в одноремешковые. Оказалось, что это предложение стоящее: мощность вытяжного прибора возрастает почти вдвое. Рационализаторы вместе с ремонтниками внедряют теперь это предложение в производство.

— Забот у нас, ремонтников, много, — говорит Алексеев, — запросы эксплуатационников непрерывно растут.

На десяти уточных прядильных машинах диаметр колец с 28 миллиметров увеличен до 32. Сразу на каждый початок стало наматываться не 1250 метров пряжи, а 1560...

Совершенствуется оборудование и улучшается технология в сортировочно-трепальном, чесальном и ленточно-ровничном цехах, и здесь также увеличивается выпуск продукции.

Коллектив фабрики оснащает производство и новым оборудованием. В прядильном цехе уже установлено 18 машин основного прядения Пензенского завода и 47

Как в саду во дворе фабрики имени С. Балашова.

кольцепрядильных уточных машин «ПУ-66-3М» с двухзонным вытяжным прибором. На них можно перерабатывать ровницу с перегонных и толстых ровничных машин, а это, в свою очередь, позволяет сократить в ровничном цехе один-два перехода. На этих машинах прядильщицы реже меняют ставку ровницы. Имеющиеся на них пневматические мычкоуловители препятствуют появлению сложных обрывов и тем самым дают прядильщице возможность обслуживать большее число веретен, то есть повышать производительность труда.

Многое делается на фабрике им. С. И. Балашова для облегчения труда и повышения его производительности.

Неузнаваемым стал даже фабричный двор, превращенный заботливыми руками балашовцев в цветущий фруктовый сад.

При фабрике имеется прекрасный клуб с большим зрительным и спортивным залами, две профсоюзных библиотеки для взрослых и детей со многими тысячами книг и замечательно оборудованный технический кабинет с неплохой технической библиотекой, школа ФЗУ, средняя школа рабочей молодежи, несколько детских яслей и детсадов, пионерский лагерь. Ведется большое жилищное строительство. Только за послевоенные годы сотни семей балашовцев получили благоустроенные квартиры и комнаты.

Большая забота проявляется на предприятии о здоровье рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Для этого при фабрике имеется ночной профилакторий, а фабричный комитет ежегодно выдает сотни путевок в дома отдыха и на курорты.

На заботу советского государства и Коммунистической партии балашовцы отвечают самоотверженным трудом.

Если проследить рост выпуска пряжи и суровых тканей на фабрике, то можно увидеть интересную цифровую картину. Прядильное производство в 1940 году выработывало в сутки 22,5 тонны пряжи, в 1948 году — 24,6 тонны, в 1957 году — около 28 тонн. Ткацкое произ-

водство давало ежесуточно в 1940 году по 144,5 тысячи метров ткани, в 1948 году — 157,7 тысячи метров, в 1957 году — более 175 тысяч метров, а в 1958 году — уже 185 тысяч метров.

Так будет расти производство и в дальнейшем.

На высоких СКОРОСТЯХ

Монотонно шумит ткацкий цех, по полу, словно живые, двигаются пушинки, липнут к ногам, цепляются за шестерни, набиваются в пазы деталей.

— Пожалуй, Василий Львович, с уборки налета и начнем,— сказал начальник первого цеха А. Ф. Феоктистов руководителю второго цеха Шмелеву.— К стыду нашему, грязный пух садится на суровье, а говорим о качестве товара...

— Сегодня же проверю ламельные и недосечные приборы: негодные в ремонт,— твердо сказал Шмелев.

— Значит, оборудование в первую очередь? Правильный план! — улыбнулся Феоктистов.

И оба, оживленно беседуя, пошли по участкам. Осматривали оборудование, тщательно проверяли техническое состояние станков. Вспомнили, как недавно главный инженер В. М. Набилков, знакомясь с фабрикой, указывал им на это.

Замечаниями по работе предприятия Василий Митрофанович Набилков поделился с рабочими и инженерно-техническими работниками на общефабричном собрании.

— Вот и давайте вместе, всем коллективом выправлять фабрику: налаживать технологическую дисциплину, организацию труда, добиваться выпуска первосортной продукции,— предложил тогда главный инженер.— Возможности у нас имеются.— И тут же поделился с присутствующими планами на будущее.

Конкретные меры, предложенные Набилковым, заставили людей поверить в себя, в реальность перспектив. И заговорили все разом, наперебой: один — о недостатках своих и чужих, другие — о плохом обеспечении вспомогательными материалами: погонялками, гонками, кожей, трети — о поставке недоброкачественной пряжи.

Рабочих охватило желание высказаться, излить накопившееся. Все они, патриоты своего производства, тяжело переживали неудачи в работе, болели за отставание предприятия.

На совещании решили: через полтора-два месяца, к концу сорок седьмого года, войти в график, рапортовать Родине об успешном выполнении годового задания.

Минул один месяц, стал подходить к концу второй, и цехи было не узнать. Точно на параде стояли вычищенные станки, прозрачное масло ровным слоем покрывало зубья шестерен, на деталях — ни пушинки. Помогла новая организация чистки и обмашки оборудования. Теперь, помимо обметчиц, этим важным делом стали заниматься и ткачи — каждый на своем участке.

Были учтены все неисправные станки, установили сроки их ремонта. Помощники мастера имели графики профилактического осмотра оборудования. Придет бригадир на смену — первым делом проверяет станки: неисправные — немедленно ремонтирует, серьезная разладка — просит ремонтника быстро устранить ее.

В результате — резко сократились поломки механизмов станков. Так, если в октябре поломанных ламельных приборов было 160, то сейчас — 53, а из 200 несечных приборов забраковано 17.

Непрерывное улучшение состояния оборудования становится на предприятии одним из основных правил работы коллектива фабрики. В цехах развернулось соревнование за отличное качество ремонта машин и станков, сокращение простоев оборудования в межремонтный период.

Зачинателями этого движения были помощники мастера четырнадцатой бригады Н. В. Демин, П. В. Аршинов, В. И. Крючков. Они первыми показали пример, как надо беречь и ухаживать за техникой. Работали слаженно, друг другу не оставляли ни одного раз-

лаженного станка. Завели строгий учет ремонта оборудования, все разладки записывали в специальную тетрадь.

В соревнование за отличное содержание техники вступили и другие помощники мастера. Опыт по высококультурному обслуживанию оборудования стал достоянием всей фабрики.

На производстве решили и другую немаловажную технологическую задачу — сократили обрывность основных нитей. За это взялся большой знаток шлихтовального дела начальник приготовительного отдела А. Я. Балябин. Он, прежде всего, изменил рецептуру шлихты, усовершенствовал способ ее варки. Это позволило повысить качество ошлихтованной пряжи.

Однако, несмотря на принятые меры, обрывность осталась высокой, являясь тормозом в повышении скоростей станков.

— Причины обрывности надо искать не только у себя, а и у поставщиков пряжи, — сказал однажды Балябин главному инженеру.

— На фабрике имени Дзержинского?

— Да, они поставляют нам недоброкачественную пряжу. — Предлагаю, Василий Митрофанович, послать туда наших контролеров.

— Верно, сегодня же переговорю с руководством дзержинцев: думаю, они пойдут нам навстречу, — согласился Набилков.

Вскоре к прядильщикам с согласия дирекции этого предприятия пришли контролеры. Зорко следили они за работой машин и сновалей.

Увидят: оборвалась нитка на сновальной машине, — заставят связать ее, а не присучить к соседней, как иногда делалось раньше. Не стало «хомутов», «задир» и «слабин» на поставляемой пряже, уменьшился выход заправочных угаров на шлихтовальной машине.

Большое внимание А. Я. Балябин уделял образцовому содержанию оборудования приготовительного отдела, добиваясь этого не только постоянным контролем, но и повседневным инструктажем шлихтовальщиков, прививая им чувство любви и ответственности к своему делу.

Ритмичная работа цехов и приготовительного отдела позволили фабрику имени Н. К. Крупской первой в

области перевести на трехсменный режим, а коллективу предприятия — успешно выполнить задание 1947 года.

...Теребя в руках небольшой листок — сводку работы фабрики за четвертый квартал прошедшего года, Василий Митрофанович задумался. «В октябре — 39, ноябре — 44,5... январе — 51,5 тысячи метров сатина в сутки. Рост налицо, но переходить на высокие скорости рановато — тылы подтянуть надо».

— Можно? — послышался у двери мужской голос.

— Пожалуйста, Беляков, — и главный инженер поздоровался с молодым, высоким, кудластым помощником мастера за руку. — Присаживайся, Павел Яковлевич.

Помолчав минуту, Набилков заговорил:

— Посоветоваться с тобой хочу. Более сотни ткачих у нас работает с одним челноком.

— Много времени теряют на перезарядку, — догадался Беляков.

— Вот именно. Не пора ли всем перейти на сменные?

— Справятся ли? — усомнился опытный помощник мастера. — Пожилые среди них есть.

— Научим. В девятнадцатую бригаду пошлем — у тебя ткачихи боевые, дело свое любят... Лидию Дородникову учительницей сделаем.

— Согласен, Василий Митрофанович, — улыбнулся Беляков. А когда собрался уходить, спросил:

— А как скорости?

— Поднимай! — разрешил Набилков. — Но сначала выровняй...

Выравнивание скоростей станков — важный резерв повышения производительности оборудования. Но опытные помощники мастера понимали, что резкое увеличение оборотов главного вала допускать нельзя: замучают разладки, а ткачей — отрывы. Равномерные же скорости способствуют организации труда: к ним привыкают ткачи, совершенствуются приемы по ликвидации обрывов основных и уточных нитей, обеспечивается нужный «разгон» челноков. У коллектива бригады вырабатывается определенный ритм в работе, растет метраж, снижается выход бракованной продукции.

Знал об этом и командир девятнадцатой бригады Беляков. Не даром поинтересовался у Набилкова насчет скоростей... Он на ощупь потрогал все клапаны челночных коробок, где тугие — чуточку ослабил. Лю-

бовно, с особенным старанием вырезал отверстия в гонках: полмиллиметра от центра — сила удара погонялки по челноку будет другая, изменится линия его полета. Уже на четыре-шесть оборотов в минуту быстрее вращается главный вал. Павел Яковлевич, не торопясь, привычным приемом поймал вершник двигающегося с большой скоростью батана и, покачиваясь в ритм его движения, улыбнулся: «Отрегулировали механизмы на славу!»

Радостью было наполнено и сердце ткачихи Лидии Петровны Дородниковой: «Работаем на 230 оборотах, а обрывности почти нет, — как тут не поблагодарить руководителей бригад — сменщиков!»

Многое здесь зависело и от ткачей. Дородникова еще в тридцатых годах слыла передовой работницей, в 1935 году — первой перешла на «десятку», а после войны имела самые лучшие показатели по выполнению рабочих приемов. Только на зарядке челнока за смену сэкономила 23 минуты, столько же — на его замене. Все движения она делает уверенно, быстро и ритмично.

На производственном совещании были названы две цифры: 10 134 и 10 121. Первая — означала плановую производительность оборудования в уточинах в час, за которую предстояло бороться, вторая — существующую, достигнутую. Разница в 13 уточинах! Но как они трудны и недостигаемы показались некоторым в то горячее для коллектива фабрики время!..

Между цехами, участками, отдельными бригадами развернулась настоящая борьба за быстрейшее освоение проектной производительности, не снижая качества продукции, а вместе с этим и за быстрейшее достижение довоенного уровня производительности труда.

Основной формой такого соревнования явились сменные социалистические обязательства. Перед началом новой смены ткачи и помощники мастера, учитывая результаты своей работы за предыдущий день, принимали повышенные обязательства. Вот как это делалось в бригаде, руководимой помощником мастера Ф. А. Борисовым. Прежде всего, Федор Андреевич выписывал на бригадную доску соревнования обязательства, принимаемые каждой ткачихой в отдельности и затем — по бригаде. В перерыв, на «пятиминутках», подводились ре-

зультаты работы ткачих: разбирались характерные случаи в их труде, помогали советом отстающим.

Сменные социалистические обязательства ткачей и помощников мастера на предприятии стали самой пространенной формой соревнования за высокую производительность оборудования. Почасовой учет выполнения обязательств путем станкообходов обеспечивал своевременную проверку их действенности, оперативное руководство работой участков.

Партийное бюро было боевым штабом по руководству социалистическим соревнованием. А профсоюзный комитет ввел «карты качества». Теперь производительность ткачей стала оцениваться не только по росту метража, а одновременно и по добротности вырабатываемого товара. Фабком ежемесячно подводил итоги работы бригад, участков, цехов и отделов. Лучшему коллективу присваивалось переходящее Красное Знамя. Для поощрения наиболее отличившихся администрация выделила определенные денежные суммы.

В этом соревновании впереди шла девятнадцатая бригада. В июле 1948 года комплект помощника мастера П. Я. Белякова дал самую высокую производительность оборудования — 11 630 уток, а 12 сентября он рапортовал Родине о досрочном выполнении годового задания.

Высокой производительности оборудования добились и бригады помощников мастера Павла Сергеевича Короткова, Федора Андреевича Борисова, Павла Васильевича Аршинова. Всем им было присвоено почетное звание «Лучший помощник мастера Ивановской области», имена их занесли в Книгу почета предприятия.

Одной из первых в текстильной промышленности ткачиха Лидия Петровна Дородникова в апреле достигла довоенной производительности: каждый ее станок прибавлял 12 038 уток в час — на 400 нитей выше производительности по бригаде.

1948 год для Лидии Петровны — пора расцвета ее мастерства. 28 декабря, за три года, она закончила первый послевоенный пятилетний план.

Поэт Александр Благов посвятил знатной ткачихе волнующие строки:

На фабрике имени Крупской
Все знают работу твою,

Ты лучшей ткачихой зовешься
В широком текстильном краю,
Свой план пятилетний
Закончила в сорок восьмом,
И новые думы и дела
В сознании зреют твоим.

Славных успехов в труде, наряду с Л. П. Дородниковой, добились и многие другие мастерицы ткацкого дела. Имена ткачих Е. М. Чижиковой, П. Ф. Галкиной, А. А. Шаровой также вписаны в Книгу почета предприятия.

Нелегкое то было время — время подъема до довоенного уровня. Но оно отличалось пафосом, энтузиазмом. Коллектив фабрики имени Крупской шел к тому уровню на высоких скоростях. 10 декабря он рапортовал о досрочном выполнении годового производственного задания.

Работа коллектива фабрики была высоко оценена Министерством текстильной промышленности СССР. Министр А. Н. Косыгин в марте 1949 года на Всесоюзном совещании хозяйственного актива текстильной и легкой промышленности сказал:

— На этом предприятии все рабочие в 1948 году выполнили нормы выработки и превзойден довоенный уровень производительности труда, повысился выпуск первосортной продукции. Полностью ликвидирован брак. Эту фабрику можно назвать предприятием отличного качества.

1949 и 1950 годы — новые этапы трудового подъема коллектива передовой фабрики. В Книге почета появились портреты и фамилии текстильщиков, закончивших досрочно пятилетку, — помощник мастера П. Ф. Демин, ткачихи: А. Семенова, Л. Петрова и многие другие передовики производства.

Фабрика стала известной. Предприятие посещали многочисленные экскурсии рабочих, студентов и не только из своей, но и из соседних областей.

Перенимая производственный опыт, многие, естественно, интересовались историей фабрики, ее прошлым. В таких случаях экскурсантам нередко говорили:

— Побеседуйте с Дородниковой. Она уже не раз выступала на фабрике с лекциями и докладами о своем опыте работы; у нее найдется что сказать вам и об истории предприятия.

Радостный творческий труд для любимой Родины поднял рядовую ткачиху Дородникову до общественно-го деятеля. — она действительно не раз выступала с лекциями, была зачастую экскурсоводом — консультантом, и, наверное, многие из посетителей фабрики имени Крупской помнят ее рассказы, помнят и представляют ее, как лектора.

...В 1803 году в селе Иванове купцом Филиппом Полушиным была учреждена небольшая набивная мастерская. В «Перечне фабрик села Иванова за 1808 год» значится, что у Полушина из холщевых полотен выделяется набойка на десяти столах.

Фабричные постройки, как и большинство домов, рубились в то время из толстых смолистых бревен. Избы строились друг к другу впритык, порядки разделялись узкими, кривыми улочками.

Пожары, возникавшие в сушь, были частым бедствием для таких поселений, воспламеняющихся, как порох. Только в тридцатых годах случилось пять больших пожаров, истребивших до полутора тысяч домов. В 1936 году сгорела и эта мастерская.

Хозяин, не желая рисковать капиталом, в слободе Дмитровке, реже подвергавшейся такой напасти, заложил фабрики: на правом берегу Уводи — ситцевую (теперь комбинат искусственной подошвы) на левом — ткацкую под названием «Малая Дмитровская мануфактура» (ныне фабрика имени Н. К. Крупской).

Хозяин еще более разбогател и чувствовал себя неограниченным властелином. В 1898 году он издал «Устав товарищества мануфактур Н. М. Полушина», которым он всегласно поставил себя в привилегированное положение. Строчки о том, что «требуется от рабочих», говорят о чистейшем произволе и насилии над ними. В ужасных условиях рабочие томились на фабрике «с перерывом на обед» с четырех часов утра до десяти часов вечера. Опоздал на работу — штраф, допустил малейшую оплошность — штраф.

Не раз текстильщики бастовали. Требовали повышения заработной платы, улучшения условий труда. Но борьба эта вначале носила стихийную, малоорганизованную форму. Как правило, требования рабочих фабрикант не удовлетворял. И только с созданием в Иваново-Вознесенске организации РСДРП экономическая

борьба стала более действенной, она приняла политическую окраску.

В 1905 году ткачи фабрики Полушина неоднократно бросали работу, собирались на Талке послушать Евлампия Дунаева и других вожаков пролетариата. Так, 9 мая в лесу состоялась городская конференция иваново-вознесенских большевиков с участием передовых беспартийных рабочих. Было решено: 12 мая начать всеобщую стачку. Начали бастовать и ткачи Малой Дмитровской. Упорной двухмесячной борьбой они добились сокращения на час рабочего дня, повышения заработной платы, человеческого обращения с рабочими.

Политическое сознание рабочих росло с каждым годом. Особенно свою зрелость они показали в февральско-мартовские дни семнадцатого года. С получением известия о свержении царизма, большевики на нелегальном партийном собрании фабричной организации решили выйти из подполья. В новых условиях требовалось активизировать работу организации, быть ближе к рабочей массе.

Через некоторое время на общефабричном собрании рабочих «товарищества мануфактур Полушина» был избран фабрично-заводской комитет. Его председателем стал меньшевик Герман Бургздорф. В своих выступлениях он призывал текстильщиков поддерживать лозунг Временного правительства — воевать до победного конца. Но рабочие вскоре хорошо распознали примазавшегося к ним Бургздорфа и на одном из собраний выгнали его из комитета, а председателем избрали большевика Журавлева.

С первых дней Октябрьской революции на предприятии хозяевами стали рабочие. Все операции производились только через фабрично-заводской комитет. Но отсутствие сырья, топлива заставило остановить фабрику, как и большинство предприятий Иваново-Вознесенска. Сотни текстильщиков ушли защищать Советскую власть на фронтах гражданской войны.

Еще не отгремели кровопролитные бои, а Советское правительство летом 1920 года приняло решение: пустить ряд ивановских предприятий. Была выделена первая группа ударных фабрик, заработавшая в начале двадцать первого года. Вслед за ними к пуску стала готовиться и вторая группа, куда вошла и Малая Дмит-

ровская мануфактура. 4 ноября протяжный гудок возвестил о пуске фабрики: челноки 480 механических станков сделали первую прокидку. А через год, в канун шестой годовщины Октября, коллектив рапортовал о перевыполнении десятимесячного задания; восемь процентов сурового товара было наработано сверх плана.

В начале января 1925 года предприятию присвоили имя жены и друга В. И. Ленина — Надежды Константиновны Крупской.

В конце двадцатых годов был составлен план расширения производства. Предполагалось на время переоборудования остановить фабрику. Но потом проект изменили, — не прекращая работу цехов, решили надстроить второй этаж. В сентябре 1929 года строительство было закончено. Во втором этаже разместились 350 автоматических станков с индивидуальными моторами. Мощность предприятия увеличилась вдвое. Быстро росла и производительность труда. К труду рабочие относились, как к своему кровному делу; нужды производства стали их нуждами. Текстильщики всем коллективом боролись с недостатками в работе, вместе радовались успехами в труде.

В середине тридцатых годов на предприятии неоднократно проводились конкурсы по повышению качества продукции, увеличению производительности оборудования и труда. Эти мероприятия активизировали работу коллектива, способствовали росту показателей фабрики. Так, например, производительность оборудования в 1935 году составляла 10 606 утич на станок в час, а в 1940 году — уже 12 340. Выработка за пятилетие поднялась на 48%, а производительность труда выросла в три раза.

Эти показатели снизились, по понятным причинам, в годы Великой Отечественной войны, хотя рабочие и трудились с утроенной силой. Зато коллектив предприятия быстро наверстал упущенное в послевоенный период. В те годы по передовой фабрике имени Крупской, «Предприятию отличного качества», равнялись другие.

...Надолго у экскурсантов оставался в памяти рассказ ткачихи Лидии Петровны Дородниковой. Сердца ее новых товарищей наполнялись гордостью за советских людей, за Советскую власть, открывшую широкую

дорогу простому рабочему человеку для проявления им своего таланта, способностей.

И сейчас слава фабрики имени Крупской простирается далеко за пределы своей области.

Превзойдя уровень 1940 года, в 1952 году коллектив фабрики вырабатывал сатин артикул 114 с производительностью 12 600 уточин на станок в час, а сатин артикул 110 — с производительностью 12 700 уточин. Такой производительности не было ни на одной фабрике.

— Но это не предел! — сказали передовые рабочие. — Можно работать на еще более высоких скоростях.

Тогда инженерно-технические работники предприятия в тесном содружестве с рабочими разработали комплексные планы лучшего использования оборудования. Примеры брали в своих цехах. Скажем, одна бригада идет впереди других по качеству продукции, вторая — по производительности, а третья — по экономии сырья. Равняясь на лучшие показатели, «отстающие» проводили такие технические мероприятия, которые помогали им подтягиваться к самым передовым. Вот суть комплексных планов, зародившихся на фабрике им. Крупской.

Первой бригадой, перешедшей на работу по такому плану, была бригада помощника мастера Василия Крюкова. Мастер своего дела, инициатор соревнования за полное использование техники, помог другим помощникам мастера фабрики овладеть единым методом наладки станков, наладки «по полету челнока», т. е. по простой, но мудрой теории, разработанной известным в текстильной промышленности ивановским инженером, кандидатом технических наук В. А. Наумовым. Он поднял производительность своих станков до 12 800, а другие комплекты — до 13 000 уточин на станок в час.

Комплексные планы лучшего использования текстильного оборудования стали применять на всех фабриках.

... В начале пятидесят пятого года ткачи и помощники мастера фабрики имени Крупской собрались для подведения итогов социалистического соревнования за истекший год. Здесь выяснилось, что предприятие, со-

ревновавшееся с фабрикой имени Крупской, снова осталось позади.

— Опять наша взяла! — раздалась радостные голоса.

Но вот неожиданно поднялась Дородникова.

— Я думаю: соревнуемся мы неправильно, — не торопясь, сказала она.

— Как неправильно!? — удивились присутствующие.

— А вот так: вызываем на соревнование предприятия, которые слабее нас, а потому мы всегда занимаем первые места. Вроде нам не на кого и равняться стало, — с обидой произнесла ткачиха. — Если так будет и дальше — сами отстанем.

— Где же взять фабрику сильнее нашей? — спросил помощник мастера Ю. А. Красавин.

— А москвичи! — Они к нам приезжали, — напомнила Лидия Петровна.

И тут все вспомнили, как два года назад у них побывала делегация из Зарайска, с подмосковной фабрики «Красный Восток». Тогда из бесед с посетителями выяснилось, что они начинают обгонять фабрику имени Крупской по производительности оборудования и повышению качества сатина.

Но вскоре гости уехали, и о них вспомнили только на этом собрании.

— Давайте напишем им письмо: вызовем на соревнование, — предложил помощник мастера В. К. Сиялов.

Так и сделали. Через несколько дней пришел ответ: согласны!

Так зародилось соревнование, так началась дружба ткачей двух родственных текстильных предприятий.

Наряду с межфабричным договором, появились встречные индивидуальные социалистические обязательства. Соревнующиеся стороны результаты своего труда проверяли не только по отчетам, посылаемым с фабрику, но и на месте, обмениваясь делегациями.

В одну из таких поездок Дородникова обратила внимание москвичей, что в цехах у них очень высокая температура, воздух недостаточно влажный, — отсюда часто рвутся основные нити, устают ткачихи. Она посоветовала поставить такую вентиляционную систему, как на фабрике имени Крупской.

В то же время Лидия Петровна обучила несколько

ткачих-москвичек новому маршрутному методу, рассказала о скоростных приемах ликвидации обрыва основных нитей и смены челнока.

Ивановцам понравилось на фабрике «Красный Восток» то, что там непрерывно повышается квалификация помощников мастера и ремонтников. Раз в год москвичи производят переаттестацию рабочих этих профессий, устраивая специальные экзамены. Поэтому все помощники мастера и ремонтники внимательно следят за всем новым, передовым, что появляется в ткачестве, изучают опыт родственных текстильных предприятий.

По приезду в Иваново многое из заимствованного постепенно внедрили у себя на производстве.

... В начале пятидесят седьмого года по московскому радио выступил новый главный инженер фабрики имени Крупской А. И. Лукьянов (Набилков был переведен на большой комбинат). Рассказав о том, как коллектив предприятия соревнуется с ткачами фабрики «Красный Восток», Аркадий Иванович призвал слушателей ознаменовать сорокалетие Советской власти достойным трудовым подарком.

Затем взял слово еще один ивановец — помощник мастера Василий Кузьмич Сиялов. Он вызвал на соревнование передового бригадира зарайских ткачей Василия Григорьевича Гречушникова.

— Обязуюсь, — заявил он, — в честь сорокалетия Великого Октября довести часовую производительность каждого станка бригады до 14 000 утичин.

— Дам 14 300! — ответил зарайский помощник мастера.

Это означало, что с комплекта станков ивановца ежедневно будет сходить 140 метров сатина, а у москвича — на 4 метра больше.

Борьба предстояла упорная!

На фабрике имени Крупской начали искать дополнительные резервы повышения производительности оборудования и труда. Группа рационализаторов, возглавляемая инженером А. Ф. Феоктистовым, нашла возможность еще выше поднять скорости станков и улучшить организацию труда в бригадах.

Многое сделали и москвичи. Они полностью перешли на увеличенные паковки пряжи на ткацких навоях, —

стали наматывать на навой не 24, как прежде, а 30 кусков пряжи. Сократились простои оборудования. Если раньше через каждые 10—15 дней происходила заправка основы на станке, то теперь ее стали производить на шесть-семь дней позже.

Интересным было соревнование бригад. Василий Кузьмич Сиялов слышал, что москвичи отзываются о его сопернике Гречушникове как о большом мастере скоростных методов наладки станков. Но, познакомившись на фабрике «Красный Восток» с работой комплекта Гречушникова, Сиялов нашел, что в нем нет такой слаженности, как в его комплекте. На эту слабость он указал товарищу.

...В заботах шли дни. Как-то утром, явившись на смену, Василий Кузьмич узнал о приезде гостей с «Красного Востока». Эта новость обрадовала Сиялова, но потом и встревожила. «Не отстал ли от Гречушникова?».

С беспокойным чувством приступил Василий Кузьмич к работе. Вскоре у его станков появился и Гречушников. Крепко пожал руку, улыбнулся:

— Давненько я тебя не видал. Показывай свои «владения».

Сиялов вел гостя по участку, знакомил с ткачами; не торопясь, отвечал на вопросы. Первым делом Гречушников заинтересовался уточной вилочкой конструкции гаврилово-посадского помощника мастера Гоголина. Сиялов показал, как надо ее устанавливать и налаживать на станке.

Уже в кабинете начальника цеха, когда народу стало меньше, Сиялов спросил:

— Сколько дал метров за прошлый месяц?

Гречушников назвал цифру. У Сиялова отлегло: на девятнадцать тысяч метров меньше, чем у него. Видимо, хлопоты по ликвидации недостатка, на который Сиялов указал товарищу на его фабрике, не окончены. Но дальше выяснилось, что со станков москвича больше сходит первосортной ткани.

— Значит, у вас качество, у нас — количество, — заключил Василий Кузьмич. — Ничего, догоним вас и по качеству.

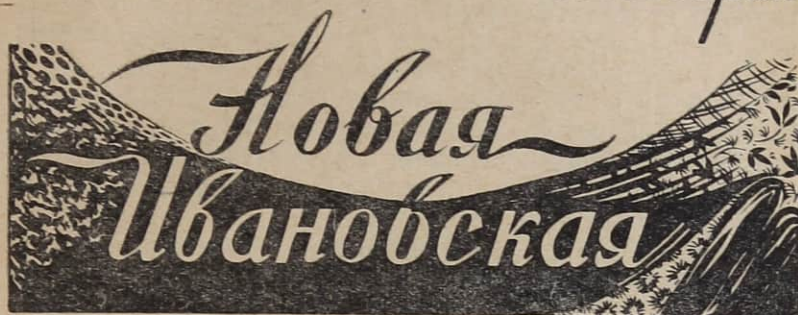
В этих словах сквозила такая уверенность, что гость с невольным уважением сказал:

— Да!.. С ивановцами соревноваться не так-то просто. Но мы теперь пойдем на более высоких скоростях и где-нибудь обгоним вас и по производительности.

— Попробуйте!

В. Кедрин

Новая Ивановская

Всю ночь бушевала вьюга, выдувая из хлипких, ветшающих домишек последнее тепло, громоздя на улицах снежные бугры. К утру буря стих, зато стал крепчать мороз.

Задолго до позднего зимнего рассвета по призывному крику гудка к фабричным воротам потянулись сотни людей. Изможденные, плохо одетые, они зябко ежились, кашляли, с трудом преодолевали сугробы.

В числе тех, кто шел по утру на «заработку», чтобы на долгие часы встать у ткацких станков и варочных котлов, находился молодой человек в потертой, выдавшей виды одежде. Среднего роста, плотно сбитый, с лукавинкой в светлых и зорких глазах, он походил на других рабочих парней, которые двигались обочь. И все же было в нем что-то непривычное взгляду, свидетельствовавшее о том, что незнакомец нездешний и в городе новичок.

У массивных железных ворот, куда устремлялся людской поток, приезжий замедлил шаги, скользнул взглядом по вывеске. В неверном свете керосинового фонаря она отливала старым золотом. «Ма-ра-кушев», — прочитал он, с трудом раздирая смерзшиеся губы, усмехнулся каким-то, одному ему ведомым, мыслям и решительно направился в контору.

Звали этого человека Николай Андреевич Жиделев.

Нет, не знал он тогда, что пройдет время, и фабрика, куда он впервые пришел морозным зимним утром 1904

года наниматься на работу, будет носить его имя — имя коммуниста, нестигаемого борца за народное счастье. Но уже тогда он верил — верил твердо, непреклонно: недолго красоваться пышной золоченой вывеске с именем фабриканта. Рухнет она вместе с самодержавием, как падает на землю подгнивший ствол дерева.

Любому непредубежденному человеку было совершенно очевидно, что прибой народного гнева нарастает с быстротой необыкновенной, и взрыв уже близок. Причины для такого взрыва более чем достаточно.

Правда, фабрика Маракушева, по сравнению с соседними, считается довольно новой. Основание ей было положено в 1874 году, в период бурного роста хлопчатобумажной промышленности в Иваново-Вознесенске, — когда концентрация производства проявилась с особенной силой. Однако условия труда были здесь такими же невыносимыми, опасными и губительными для здоровья рабочих, как и на мануфактурах, действовавших со времен крепостного права.

Бывший помощник мастера красильно-заварочного цеха Ф. Кузнецов, проработавший на этом предприятии шесть десятилетий, вспоминал с горечью:

«На фабрику Маракушева я нанялся четырнадцатилетним подростком. Работал наравне со взрослыми по 11 часов в сутки, а получал за этот каторжный труд лишь двадцать копеек. В красильно-заварочном цехе вечно стояла нестерпимая духота. Вентиляции не было и в помине. В полутемном, пыльном и грязном помещении вручную отжимал я товар. Домой приходил настолько усталым, что, забыв о еде, падал в постель и засыпал.

Вся наша жизнь была такова: работали до одурения и недоедали. Не каждый мог вынести подобные лишения. Взять хотя бы нашу семью. Четыре мои сестры умерли в возрасте 30—40 лет. А они могли бы жить и жить!»

А вот что рассказала молодежи одна из старых ткачих, полной мерой испившая горе на капиталистической фабрике, десятки лет гнувшая на Маракушева:

«С рабочих драли семь шкур, драли все, кому не лень. Строгость и была необычайной. Бывало, появится в корпусе заведующий фабрикой Павлычев, и мы, работницы, в струнку встаем. И не хочется, да нельзя — беды не оберешься.

Мастер идет, а мы нитки с полу подбираем. Если

увидит, что на полу нечисто, по гривеннику штрафа наложит. Взыскивали с нас за все,— за любую мелочь, за ничтожную погрешность. Меня несколько раз штрафовали, например, за чтение книг. После трех штрафов рабочему обычно давали расчет».

В погоне за высокой прибылью хозяева фабрики не брезговали никакими средствами, ущемляли рабочих в большом и малом. Мизерные расценки, сверхдлинный рабочий день, штрафы, различные вычеты — все это они поставили на службу своей кассе.

У сушильных барабанов задыхались в жаре и, обессилев, падали в обморок подростки, почти дети. Их держали здесь потому, что платить им можно было раза в три-четыре меньше, чем взрослым рабочим. Товар из цеха в цех ткачи и отделочники носили на собственном горбу — даже простейшие тележки и подъемные машины казались хозяевам непростительной роскошью. Разумеется, семьи рабочих и думать не могли о яслях, детских садах, библиотеке, клубе, школе.

Техники безопасности не существовало вообще. Не мудрено, что тяжелые увечья среди текстильщиков были обычным явлением.

На фабрике царили дикие нравы, насаждавшиеся каждодневно и каждодчасно самими хозяевами. Известный бытописатель дореволюционного Иваново-Вознесенска И. А. Волков так рассказывал о Маракушевых в своей книге «Ситцевое царство»:

«Они разговаривали со своими рабочими не иначе, как на сквернословном жаргоне, не обращая внимания на то, кто перед ними стоит: мужчина, женщина или даже совсем юная девушка-работница... Управляя фабрикой, они ежедневно с утра до вечера пушили всякого встречного и поперечного».

Естественно, что нечеловеческие условия труда, штрафы и всевозможные поборы, оскорбления и унижения вызывали у рабочих протест, сначала робкий, глухой протест одиночек, который перерастал затем в решительные, гневные, массовые выступления.

Особенно усилилось брожение на фабрике с приходом туда Жиделева, который к тому времени уже являлся членом Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Работая проборщиком основ, он по заданию партии использовал каждую свободную ми-

нугу, любую предоставившуюся возможность, чтобы разъяснить ткачам и красковарам, граверам и чернорабочим необходимость организованной борьбы с фабрикантами.

...Насквозь продымленная, грязная курилка — давнишнее излюбленное место сборищ ткачей, где можно без особенной опаски излить свою душу, поругать собаку-мастера, прочитать большевистскую листовку...

На скамье у окна устроился Жиделев. Рядом с ним лежит колода карт — на всякий случай, если кто из начальства нагрянет. За игру в «очко» нагоняя не будет, не то, что за газету или прокламацию.

Вокруг Жиделева столпились ткачи. В руках у них свернутые, но не зажженные сигарки — тоже на всякий случай. Запалить их недолго, — курим, мол.

— В Манчжурии опять нашим всыпали по первое число, — серьезно и многозначительно говорит Жиделев. — Обидно, что понапрасну льется кровь таких же, как мы с вами, рабочих и крестьян, наших братьев, одетых в солдатские шинели. Много вам пользы от этой войны? Одно горе да разорение. Зато для господ такая бойня — золотое дно. Наживаются, спекулируют на нашей крови, да из нашей же зарплаты деньги отчисляют, дескать, на оборону, а на самом деле себе в карман. Выход у нас один: войну кончать, царя — по шапке!

С жадным вниманием слушают люди, сердцем чувствуют: вот она, правда!

Капля по капле камень точит. Терпению рабочих пришел конец. В мае 1905 года иваново-вознесенские текстильщики забастовали. Встала и фабрика Маракушева. Рабочие этого предприятия прошли «полный курс» социалистического «университета» на Талке. Жиделев, который к тому времени уже перешел на другую фабрику, был избран членом Совета депутатов.

Всеобщая стачка сыграла громадную роль в политическом воспитании текстильщиков.

Но вот наступили черные годы реакции. Даже те немногочисленные уступки, которые рабочим удалось вырвать у фабрикантов, вскоре были сведены на нет. Еще более тяжким стало ярмо капиталистической эксплуатации. Но рабочие фабрики Маракушева почувствовали свою силу, знали теперь, что им надо делать, сплывали свои ряды и ждали, когда придет их время.

Между тем владелец предприятия, считая, что с революцией покончено и опасность его собственности больше не угрожает, строил свои планы. Он не скупился на капитальные затраты, которые обещали в скором времени принести немалые барыши. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, он основательно перестроил и расширил отделочную фабрику. Здесь были установлены привезенные из-за границы печатные машины, а также электромоторы. Они потребляли (вместе с освещением) до двух миллионов киловатт-часов энергии в год. Фабрика стала ежедневно выпускать до двух с половиной тысяч кусков ситца и сатина.

Надежды Маракушева на десятилетия процветания оказались призрачными. Пришел Великий Октябрь, и фабрику взяли в свои руки подлинные ее хозяева — рабочие.

Нелегко пришлось в годы военной интервенции и гражданской войны. Дефицитными стали пряжа, топливо, смазка, запасные части. Предприятие пришлось остановить, законсервировать. Но каждый, кто покинул ее умолкнувшие, холодные цехи, — то ли отправляясь на фронт, то ли с продотрядами в деревню, — лелеял мысль рано или поздно вернуться сюда, снова стать к машинам и станкам, чтобы выпускать для народа красивую, прочную и дешевую ткань.

Эти мечты сбылись в 1924 году, — вскоре после того, как советская власть, прочно став на ноги, взялась за восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Сюда пришли старые производственники, коммунисты, комсомольцы. Ткацкие залы, просторный двор огласились звоном металла, тархтеньем опробуемых механизмов.

Активно участвовал в восстановлении предприятия старый производственник, коммунист с 1905 года Иван Арсентьевич Титов. Сподвижник Жиделева, он в период первой русской революции под кличкой «Темный» вел энергичную и многогранную работу среди текстильщиков, был начальником «десятка» в иваново-вознесенской боевой дружине, не раз участвовал в стычках с казаками.

И на фабрике он показал себя достойным этих славных революционных традиций. С радостью наблюдая, как постепенно обновляется предприятие, как возвращается оно к жизни, как постепенно начинает биться

Отсюда ткань Новой Ивановской мануфактуры отправляется на Выходную базу Главтекстильторга.

его трудовой пульс, он не жалел усилий, чтобы приблизить тот знаменательный день, когда со станков сойдут первые метры ткани.

«Помню, с каким старанием, с какой любовью мы готовили фабрику к пуску,— рассказывает Титов.— Каж-

дый хотел сделать больше другого. Одни чистили станки и машины, другие ремонтировали и проверяли их. В короткое время восстановительные работы были закончены. Ожили фабричные корпуса, машины пришли в движение. Мы знали, что работаем теперь не на фабриканта, а на самих себя, на родную советскую власть. Сознание этого умножало наши силы».

Фабрика стала называться Новой Ивановской мануфактурой.

Мало, однако, было пустить предприятие в ход. Предстояло многое сделать для улучшения условий труда и быта рабочих, для повышения производительности труда и оборудования.

Раскрепощенный труд способен творить чудеса. Такого стремительного роста и продвижения вперед, какие наблюдались в 20—30-х годах, предприятие никогда раньше, конечно, не знало. Словно помолодели его массивные корпуса. Росла производительность труда и оборудования. Там, где прежде царили грязь и духота, где люди падали от изнеможения, перетаскивая тяжелые навалы и кипы товара, появилась мощная приточно-вытяжная вентиляция, подъемники и краны. Воздух в ткацких цехах стал чистым, с нормальной влажностью.

Была построена новая отбельная взамен старой маленькой. Здесь установили мощные котлы с механизированными укладчиками. На печатных машинах появились электротали для подъема валов.

Празднуя 20-летие Советской власти, коллектив Новой Ивановской мануфактуры и его партийная организация с гордостью оглядывались на пройденный путь. Сбылись мечты старейшего гравера фабрики Дмитрия Александровича Белова и его товарищей по труду о фабричной библиотеке, народном доме, о благах просвещения и культуры, доступных для всех рабочих. Теперь они воочию могли увидеть два детских сада и ясли, где в тепле и довольстве содержались десятки ребятишек, комбинат рабочего образования, библиотеку, клуб и многое-многое другое.

Одно воспоминание осталось от старых казарм с трехэтажными нарами, где вповалку спали ткачи. Сотни рабочих получили квартиры в новых домах.

И в цехах стала иная картина — столько там появилось у рабочих механических помощников! При семича-

совом рабочем дне фабрика начала давать до десяти тысяч кусков ткани ежедневно, т. е. вчетверо больше, чем до революции.

Но самым главным было то, что изменилось коренным образом отношение людей к труду. Раньше они шли сюда, как на каторгу, брались за дело без радости. Теперь иное: труд стал для них делом чести и славы.

Взять хотя бы того же гравера Белова, ныне пенсионера. Разве стал бы он прежде, при фабриканте, ломать голову над тем, как лучше изготовить матрицу, разве стал бы часами сидеть после окончания смены, сам, по собственному желанию, гравирова особенно затейливый рисунок? Конечно, нет.

Прежде квалифицированные рабочие ни с кем не делились своим опытом, производственными секретами, им было это невыгодно. А вот Белов в советское время обучил всем тонкостям граверного мастерства десятки учеников.

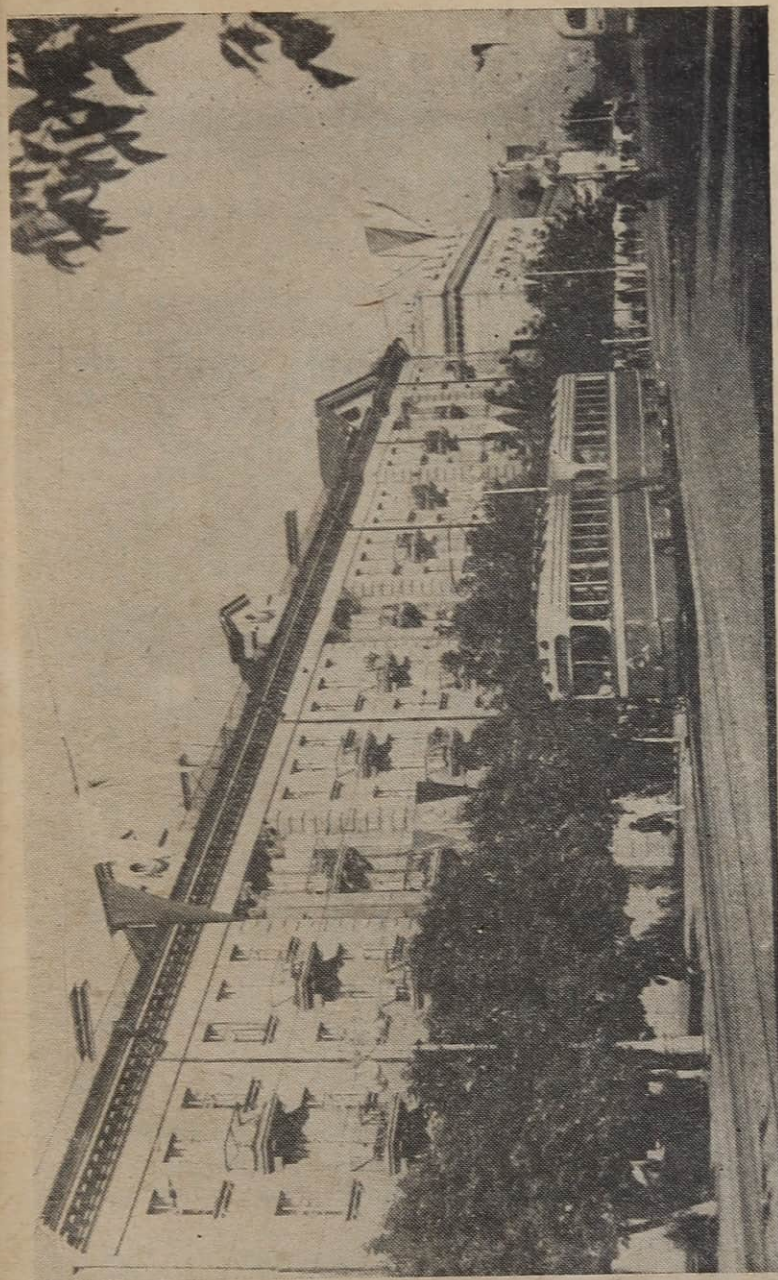
Человек большой душевной чистоты, ясной мысли, неиссякаемого трудолюбия, он долгие годы пользовался на фабрике неизменным авторитетом и уважением. Трудящиеся несколько раз избирали его депутатом областного Совета, и он с честью оправдывал оказанное ему доверие.

...«Вы мне рассказали, что любите читать о следопытах Фенимора Купера... Вряд ли вы при этом думаете, что и вы следопыты. Вы ведь первые надумали, как можно сразу работать на всех наших станках. Вы узнали самую большую человеческую радость — открытия, и сколько бы у вас ни было впереди преград и тревог, память об этой радости неизменно вас будет приподнимать».

Эти слова известного советского писателя Ильи Эренбурга взяты из его письма вичугским ткачихам Евдокии и Марии Виноградовым. Но разве нельзя с полным правом отнести их к текстильщикам Новой Ивановской мануфактуры? Это они, подобно следопытам, прокладывали в производстве новые пути, ставя эксперимент за экспериментом по увеличению скоростей станков. Это они дерзали, искали и находили новые, более совершенные и выгодные приемы и методы труда. Здесь ключом была творческая инициатива, неистощимым оказался запас рабочей смекалки.

Движение новаторов было важнейшим этапом в ис-

Один из новых домов рабочих Новой Ивановской мануфактуры.

тории фабрики. В него оказалось вовлеченным более половины рабочих. Подобно ткачихе Филимоновой, которая являлась одним из его зачинателей, они брались обслуживать вдвое, втрое больше станков, чем полагалось по норме. В 1940 году среднее уплотнение по сравнению с 1935 годом составляло уже 290%. Повышались скорости станков. В том же 1940 году предприятие установило всесоюзный рекорд: на каждом станке прибывало в среднем 12 668 утичин в час.

Вполне понятно, что все это позволило коллективу выпускать намного больше ткани, чем прежде. 53 тысячи метров суровья и 306 тысяч метров готового товара — таков был среднесуточный показатель.

Но вот грянула Великая Отечественная война. Потребовалась коренная перестройка всей работы применительно к новым условиям. Коллектив Новой Ивановской мануфактуры выступил зачинателем большого патриотического дела, поддержанного всеми текстильщиками города. Он решил с меньшим количеством рабочих досрочно выполнить годовой план.

Труженики предприятия показали себя достойными той высокой ответственности, которую они взяли на себя, желая полнее удовлетворить нужды фронта. На фабрике с особой силой развернулось движение за переход на обслуживание большего числа станков.

Замечательной патриоткой показала себя ткачиха Фекла Павловна Майорова. На Новую Ивановскую мануфактуру она пришла еще до революции и сначала была на побегушках. Станок осваивала самоучкой втайне от мастера. Великий Октябрь открыл ей в жизни светлую дорогу, и она пошла по ней уверенно и гордо. В час грозной опасности, нависшей над Родиной, Майорова пришла к руководителям цеха и заявила:

— Я могу делать больше того, что делаю теперь. Добавьте мне еще несколько станков.

Майорова была первой ткачихой предприятия, которая перешла на десятистаночное уплотнение. С удвоенной энергией трудилась она и, невзирая на военные тяготы, сумела наткать в 1942 году 42 тысячи метров ткани. План 1943 года был выполнен ею на два месяца раньше срока.

— Я не могу работать иначе, — говорила она подружкам. — Ведь каждый дополнительный метр ткани — это новый удар по врагу.

Весть о трудовом подвиге ткачихи Майоровой облетела всю страну. Добрым словом поминали ее золотые руки и фронтовики. Бойцы и командиры в своих письмах от души поздравляли Феклу Павловну за ее вклад в общее дело разгрома врага. Вот, например, что писал ей с фронта один из бойцов-гвардейцев:

«Здравствуйте, уважаемая Фекла Павловна! Шлю я вам свой боевой красноармейский привет и желаю всяческих успехов в работе и жизни. Фекла Павловна! Разрешите поздравить вас, как отличную ткачиху, с получением красного вымпела. Я глубоко взволнован вашей доблестью на трудовом фронте. Я восхищен вашей работой,— тем, что вы перешли с десяти на четырнадцать станков.

Ваш вдохновенный труд обязывает меня, как война Красной Армии, еще сильнее бить врага. Я даю слово, Фекла Павловна, что не останусь в долгу перед вами».

Подобных писем Майорова получила десятки. Советское правительство высоко оценило самоотверженный труд ткачихи, наградив ее орденом Ленина.

Медалью «За трудовое отличие» была отмечена помощник мастера комсомолка Лидия Самарина. Она пришла на фабрику в первую военную зиму. Тихая, скромная, стеснительная, Лидия не привлекала к себе ничего внимания. Однако прошло не так уж много времени, и о Самариной заговорили на фабрике во весь голос. У девушки оказалось столько кипучей энергии, она так неудержимо рвалась вперед и только вперед, что комплект ее вскоре стал одним из лучших на предприятии. Станки, перед которыми она вначале несколько робела, стали послушны ее воле и действовали безотказно, давая очень высокую для военных условий производительность. Лидии Самариной многократно присваивали звание «Лучший помощник мастера области», а Народный Комиссариат текстильной промышленности трижды поощрял ее премиями.

Когда девушке вручили медаль «За трудовое отличие», она скромно сказала:

— Как-то не верится даже, что меня наградили. Ведь я так еще мало сделала для Родины, для народа, для фронта. Но в долгу перед ними я не останусь.

Это же чувство долга перед страной, желание помочь ей победить врага привело в ткацкий цех и Анастасию Андреевну Мартьянову. Совершенствуя методы труда,

она вскоре перешла с трех станков на шесть, затем на десять, но и на этом не остановилась. 20 станков — вот сколько обслуживала она к концу войны. Мартьянова стала передовым человеком на предприятии. Коммунисты единодушно приняли ее в свои ряды.

Таких замечательных работниц, как Майорова, Самарина, Мартьянова, на фабрике насчитывались многие десятки. Именно массовый трудовой героизм позволил предприятию, невзирая на всевозможные нехватки и недостатки, успешно справляться с правительственными заданиями. Уже в 1942 году коллектив Новой Ивановской мануфактуры вышел победителем во всесоюзном соревновании текстильщиков. На следующий год он так же занял почетное второе место.

Партийная и профсоюзная организации предприятия неустанно заботились о развертывании соревнования внутри фабрики — между производствами, цехами, комплектами. В 1944 году им было охвачено 90% всех рабочих. Вклад этого дружного коллектива текстильщиков в общее дело разгрома фашизма поистине трудно переоценить.

В первую послевоенную пятилетку перед фабрикой встали новые, не менее сложные и ответственные задачи. Требовалось модернизировать производство, внедрять новую технику и технологию, осваивать новые виды тканей. Эти задачи решались сообща, объединенными усилиями при взаимной поддержке и помощи. Здесь с воодушевлением подхватывали любой ценный почин, и не только подхватывали, но и творчески развивали его. И каждый прожитый день рождал новых героев труда.

В сорок лет стала Евдокия Алексеевна Устинова машинистом промывного аппарата в красильно-заварочном цехе. Возраст для дерзаний как будто не особенно подходящий: ведь прежде, чем дерзать, надо опыта накопить. И все же, отлично освоив технику и технологию, Евдокия Алексеевна решила, что пора взять от аппарата все, что он может дать. И сумела это сделать. Ее бригада одной из первых откликнулась на призыв Александра Чутких о развертывании борьбы за отличное качество продукции. За успехи, достигнутые в этом направлении, бригаде несколько раз присуждалось переходящее Красное знамя.

Широкой известностью пользуется в нашей области

передовой помощник мастера с Новой Ивановской мануфактуры Виталий Бекетов. Организовав тщательный уход за станками, он из месяца в месяц наращивал их скорость. Его вдохновляющему примеру последовали и другие помощники мастера. И в том, что нынче производительность оборудования на предприятии достигла 13 353 уточин на станок в час, есть в какой-то степени заслуга Виталия Бекетова.

Из когорты людей пытливого мысли — рационализаторов и изобретателей, которых насчитывается на предприятии не один десяток, нельзя не отметить Н. А. Дружкова. 23 года трудится он на Новой Ивановской мануфактуре, начал слесарем, а ныне исполняет обязанности начальника ремонтно-механического отдела. И каждый год вносит по несколько ценных рационализаторских предложений. Нелегко подсчитать, сколько средств сэкономлено предприятию за эти годы в результате внедрения его предложений, — во всяком случае сумма получится не меньше шестизначной.

Не раз задумывался он, например, как облегчить перевозку навоев. После долгих исканий Дружков сконструировал оригинальную тележку с механизмом, который снимает навои и ставит его на место. С новой тележкой управляется один возчик, тогда как раньше их требовалось два.

В числе людей, которыми гордятся на фабрике, мы видим ткачиху К. А. Фокину, чье имя занесено на городскую Доску почета и чья трудовая доблесть отмечена орденом Трудового Красного Знамени, ткачиху Е. П. Опурину, которой пять раз присваивалось звание лучшей по профессии, раклиста А. И. Белухина, рационализатора В. М. Майорова и десятки других передовиков. Каждый из них внес свой вклад в дальнейшее развитие производства, каждый содействовал успехам, достигнутым предприятием за последние годы.

Успехи эти немалые. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на итоги 1957 года. План по выпуску валовой продукции предприятие закончило досрочно — 25 декабря. Сверх задания выпущено различных тканей на 6,3 миллиона рублей. Сверхплановые накопления составили 310 тысяч рублей. Повышены скорости станков, внедрено много новшеств, установлен ряд высокопроизводительных машин и аппаратов.

Достигнутое — не предел. Это лишь ступень к новому, еще более значительным достижениям.

*
*

Только что окончилась смена. Сплошным потоком идут через проходную ткачихи, браковщицы, раклисты. Одни направляются домой, другие — в вечернюю школу рабочей молодежи, третьи — на стадион. Они проходят мимо урны с прахом того, чье имя носит фабрика. Эта урна замурована в стене. Рядом на мраморе надпись: «Н. А. Жиделев» и две даты: «1880—1950».

Мемориальная доска напоминает о человеке, который всю свою жизнь посвятил борьбе за право свободно жить и свободно трудиться на свободной и ясной, как солнечный свет, земле.

В. Тетрасимов

ПЕРВАЯ

советская

Эти люди в мягких шляпах и светлых костюмах приехали в Иваново из капиталистической страны. Их очень интересовал наш город — крупнейший центр советской текстильной промышленности, город, чьи ситцы славятся в Бирме и Афганистане, Китае и Финляндии, Иране и Вьетнаме.

Группа туристов была пестра по социальному составу. Одни, с мозолистыми руками, в поры которых навеки въелась металлическая пыль, смотрели вокруг восторженно, откровенно радуясь той светлой яви, которая на каждом шагу открывалась их непредубежденным взорам. Других отличала сдержанность, скупость на похвалы. Они часто пожимали плечами, скептически усмехаясь, так как признавали только то, что уже никак невозможно было подвергнуть сомнению.

Однажды утром автобус доставил иностранцев к четырехэтажному зданию, что высится на крутобережье Уводи по соседству с трибунами стадиона и зеленым массивом парка культуры и отдыха. Огромные окна здания излучали сияние, и от этого на фоне голубого неба оно казалось необычайно величественным и в то же время легким, почти воздушным.

Даже заядлые скептики не могли скрыть своего удивления.

— Это, вероятно, ивановский «Гранд-отель»? — высказал догадку один из туристов, щурясь от ярких сол-

нечных лучей.— Мы не знали, что в Иванове есть такая превосходная гостиница...

Экскурсовод, едва заметно улыбнувшись, поспешил рассеять заблуждение.

— Перед вами,— сказал он, движением руки призывая к вниманию,— прядильная фабрика, построенная в советское время. Она носит имя революционера Феликса Эдмундовича Дзержинского. Это одно из крупнейших текстильных предприятий не только в нашей стране, но и во всей Европе. А теперь прошу пройти за мной...

Оживленно обмениваясь мнениями, туристы двинулись вслед за экскурсоводом. Они миновали проходную — не тесовую неказистую времянку, как ожидали иные, а капитальное, красивое сооружение, называемое административно-бытовым корпусом,— настолько просторное, что в нем разместились и управление фабрикой, и фабричная поликлиника, и столовая, и гардероб; спустились в подземный тоннель, ярко освещенный лампами дневного света, а оттуда поднялись в главный корпус. То обгоняя друг друга, то останавливаясь, чтобы лучше рассмотреть тот или иной агрегат, иностранцы обошли цехи и отделы. Они видели высокопроизводительные машины, от первого до последнего винтика сделанные руками советских людей, дивились четкому трудовому ритму, царившему здесь, обилию света и чистоте воздуха в помещениях, заботе о здоровье и безопасности работниц, которая проявлялась в большом и малом.

Кто-то из туристов, рассматривая белые своды и стены цеха основного прядения, свежую краску машин, спросил недоверчиво:

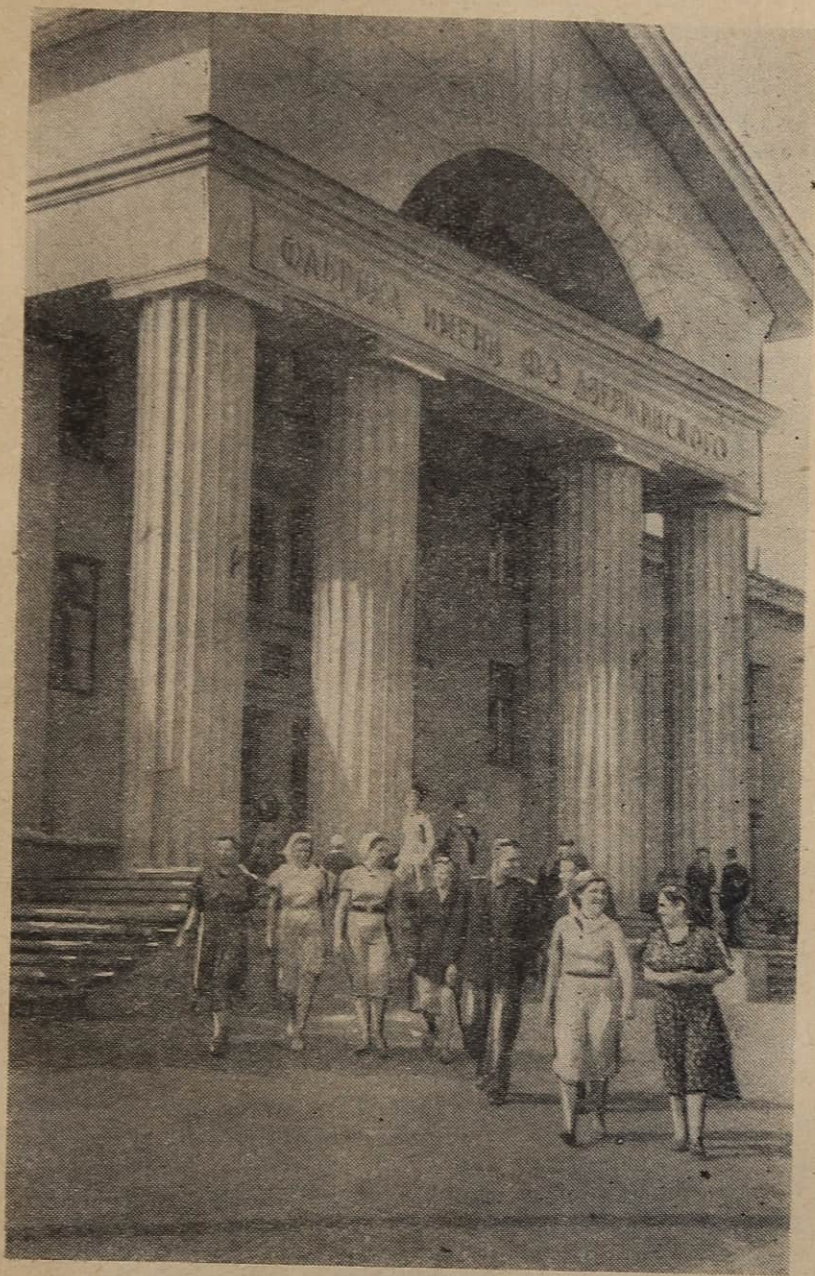
— Вероятно, фабрика построена недавно?

— Что вы,— возразил инженер, сопровождавший гостей.— Это наш перенец...

Действительно, фабрика имени Дзержинского — первое крупное предприятие, построенное в «ситцевой столице» при Советской власти. Именно оно открыло шествие таких промышленных великанов, как Меланжевый комбинат, «Красная Талка», «Ивторфмаш», без которых теперь не мыслится наш город.

В 1957 году коллектив фабрики имени Дзержинского торжественно отметил тридцатилетие прядильного производства. Этот праздник совпал со знаменательным юбилеем — сорокалетием Советской власти. Встречая

У главного входа фабрики имени Ф. Э. Дзержинского.

его, наш народ подводил итоги вдохновенной работы по строительству коммунизма. С гордостью оглядывались на пройденный путь и дзержинцы.

Именинниками чувствовали себя ветераны фабрики, — те, что проработали здесь по три десятилетия: прядильщица Александра Григорьевна Жилова, мастер Клавдия Филипповна Кузнецова, помощники мастеров Вера Николаевна Рагузина, Анна Васильевна Скорюкина, Татьяна Павловна Шарова и многие другие. Они вспоминали о том, как строители положили первый кирпич в фундамент предприятия, как росли не по дням, а по часам его стены, какой прекрасной музыкой прозвучал для рабочих гул первой, пущенной на пробу, машины.

История фабрики имени Дзержинского — это история многотысячного коллектива, история его исканий, замечательных починов, временных неудач и славных побед, это история жизни людей, которые обрели здесь свою счастливую судьбу.

... Кончилась гражданская война. Иваново-Вознесенские ткачи возвращались с фронта в родные места. Вновь задымили трубы фабрик. Стране, перенесшей интервенцию, познавшей неимоверную нужду, голод и холод, как никогда прежде, требовалась ткань. Рабочие Иваново-Вознесенска и рады были бы дать ее побольше, но их трудовой порыв сдерживала нехватка пряжи.

«Диспропорция» — это иностранное слово, означающее нарушение равновесия между отдельными отраслями промышленности, в данном случае между прядением и ткачеством, все чаще слышалось на совещаниях в Иваново-Вознесенском государственном текстильном тресте. Действительно, из десяти хлопчатобумажных фабрик города, пущенных в ход к 1925—1926 годам, пряжу давали только две. Повинна в этом была алчность прежних «хозяев жизни» — фабрикантов Дербеневых, Гарелиных, Гандуриных... Ситцы приносили им больше барыша, чем пряжа, потому-то они и предпочитали строить ткацкие фабрики, а не прядильные.

Едва ли после этого покажется странным, что в первые годы после революции ткачи заправляли свои станки пряжей, привезенной из Середы, Южи, Кинешмы, а то — и за добрую тысячу верст. Известно: за морем телушка — полушка, но рубль — перевоз. Дороговато обходились ситцы из такой пряжи. А народу требовалась де-

шевая ткань. Для всех было совершенно очевидно: надо без промедления сооружать прядильные предприятия.

И вот летом 1925 года город облетела волнующая весть: по решению партии и правительства скоро будет заложена новая фабрика. И не какая-нибудь, а гигант. Из уст в уста передавались подробности: рассчитана на 127 тысяч веретен, будет ежедневно выпускать тысячу сто пудов добротной пряжи.

В рекордно короткий срок были закончены проектные работы. Для новостройки отвели место на левом берегу Уводи рядом с бывшей отбельной фабрикой Зубкова — мрачным кирпичным зданием, чем-то напоминавшим тюрьму. И подлинно, многие годы оно являлось тюрьмой для рабочих, которые трудились здесь по четырнадцать часов в сутки, наживали чахотку и безвременно сходили в могилу.

Нет, новая, социалистическая фабрика, что поднимется по соседству, ни в чем не будет похожа на эту, унылую, прокопченную. В чистых и светлых цехах люди забудут о беспросветном мраке подневольного труда, о туберкулезе, подтачивающем жизнь, познают радость созидания не для захребетников-фабрикантов, а для себя, для своего народа.

Радостное известие из третьих рук дошло и до Клавдии Кузнецовой, в прошлом деревенской батрачки, приехавшей в Иваново-Вознесенск в поисках лучшей жизни. Долго бродила она по незнакомому городу, ища работы. Но ее не было даже для многих квалифицированных рабочих. Чего уж говорить о неграмотной, забитой деревенской девчонке, которая могла косить траву, жать хлеб, теревить лён, но не имела и понятия о фабричном труде! Еле-еле устроилась в няньки. Бывало, гуляя с ребенком по бульвару, она завистливо поглядывала на красные кирпичные корпуса Большой Ивановской мануфактуры и мечтала хоть глазком взглянуть на сложные могучие машины, шумевшие в цехах.

Шли годы. Ребенок подрос, и Клавдию рассчитали. Подобно многим своим сверстницам, отправилась она на биржу труда и охотно бралась за любое дело, — будь то погрузка дров или очистка снега. И вот однажды Клавдию послали на строительную площадку новой фабрики, о которой она слышала так много интересного. Малорослая, ничем не приметная девушка терялась среди земле-

копов и каменщиков, плотников и штукатуров. Но руки ее, привычные к тяжелому деревенскому труду, были крепки и ловки. Они сноровисто управлялись с лопатой, без особых усилий подхватывали носилки, тяжело груженные песком или кирпичом, и тащили их по скрипучим, забрызганным известкой помостам.

В минуты отдыха Клавдия садилась на самый край котлована и, болтая ногами в пустоте, смотрела, как ладно орудуют каменщики мастерками, укладывая кирпич к кирпичу. Вспоминала, что совсем недавно росли на этом месте белоствольные березки, пестрела ромашками трава, и мальчишки мяли ее, играя в лапту или ловчики. А теперь, куда ни глянь, всюду горы свежевыкопанной земли, ямы с известью, штабеля кирпичей. Пройдет не так уж много времени, и поднимется среди этого строительного хаоса блистающей свежей побелкой фабричный корпус. Как было бы хорошо войти в него, ну, хотя бы ученицей, познать секреты мастерства, показать, на что она способна...

Заветными мыслями Клавдия поделилась как-то со своей товаркой Дусей Благовой, которая работала здесь же, на стройке.

— Вот пустим фабрику, обязательно перейду в цех, к машине...

Дуся не разделяла уверенности подруги.

— Так тебя и взяли! Неграмотную к машине на сто сажен не подпустят.

Девушка вздохнула: Дуся, конечно, права. Но разве она, Клавдия, виновата, что ее, сироту, из-за бедности не посылали в школу? Разумеется, не виновата. Впрочем, учиться никогда не поздно: недаром существуют ликбез, рабфаки... Новая жизнь расцветает вокруг, и Клавдия займет в ней достойное место, если будет энергична и настойчива. А этого ей не занимать.

Так крепла мечта. Но до ее осуществления было еще далеко: девушка по-прежнему ходила в чернорабочих.

Счастливей ее оказалась Александра Жилова, в ту пору шестнадцатилетний подросток, делающий в жизни первые самостоятельные шаги. Ее давнишнее желание стать квалифицированной прядильщицей было близко к осуществлению. Подобно Клавдии Кузнецовой, она уже успела узнать, что такое безработица, как и она, регистрировалась на бирже труда. Оттуда-то, в числе других

девушек, ее и направили на Большую Дмитриевскую мануфактуру — учиться на прядильщицу с тем, чтобы потом перевести ее на новую фабрику, как только та будет пущена в ход.

Надо ли говорить, с каким рвением осваивала Саша профессию, как зорко следила за движениями рук наставницы, как старалась ничего не упустить из ее объяснений и показа.

Крепко сдружились будущие прядильщицы. То одна, то другая заходила поутру на новостройку, а потом с жаром рассказывала девушкам о новостях.

— Стекла уже вставили, крышу красят.

— На грузовиках ящики возят, наверное, с машинами.

Меньше двух лет продолжалась стройка. Даже в наши дни этот срок никак нельзя назвать чрезмерным. А в ту пору подобные темпы казались неслыханными. Надо учесть к тому же, что у строителей не было ни башенных кранов, которые за несколько секунд поднимают на высоту четвертого этажа сразу сотню кирпичей, ни транспортеров, перемещающих тысячи кубометров грунта, ни многих других механизмов, обычных для нынешнихстроек.

В сентябре 1927 года стало известно, что новое предприятие объединили с двумя ткацкими фабриками — Старо-Дмитриевской и Ново-ткацкой (бывшей отбельной Зубкова). Объединение назвали «Прядильно-ткацкая фабрика имени Ф. Э. Дзержинского».

В новой прядильной завершился монтаж оборудования. Все с нетерпением ждали ее пуска. И этот день настал.

7 ноября 1927 года советский народ праздновал десятилетие Великого Октября. Для иваново-вознесенских рабочих это был праздник вдвойне: первая советская фабрика была готова вступить в строй действующих. Все уже знали, что на торжества из Москвы приехал член правительства, председатель Высшего Совета народного хозяйства СССР Валериан Владимирович Куйбышев.

Самое лучшее, самое нарядное платье одела в то утро Саша Жилова. На фабрику шла вместе с подругами. Гордые, донельзя счастливые, они всю дорогу распевали песни, да так весело и задорно, что прохожие с улыбками оглядывались на них: «экие, мол, певучие».

Клавдия Кузнецова тоже встала раним-ранешенько: боялась опоздать на митинг. Беспокоила мысль: попаду ли? Ведь она не текстильщица, пропуска нет; когда была разнорабочей — проходила на фабрику по жетону.

— Как-нибудь да проскочу, — успокаивала она себя, выбегая на улицу.

День выдался хотя и пасмурный, но довольно теплый. Сквозь прорехи в облаках изредка проглядывало солнце. Ветерок, налетавший с реки, шевелил красные флаги, вывешенные на домах.

Побродив возле проходной, но так и не решившись прошмыгнуть через нее, Клавдия пошла вдоль забора. Оглянулась по сторонам: никого. Мигом сложила лесенкой несколько валявшихся поблизости кирпичей и, словно ветром ее подхватило, перепрыгнула через забор. Никто не обратил внимания на ее легкомысленный поступок.

На фабричном дворе волновалось людское море. Рабочие и работницы плотным кольцом обступили высокую трибуну, наскоро сколоченную из досок и украшенную кумачовыми полотнищами. На нее как раз поднимались руководители губкома партии и губисполкома и среди них — статный человек средних лет с шапкой волнистых волос.

— Куйбышев, Куйбышев, — прошепестело в толпе, сразу узнавшей дорогого гостя.

Чтобы лучше видеть и слышать происходящее, Клавдия забралась на штабель кирпича, для равновесия вцепилась в планки забора и наострила глаза и уши.

Когда затихли аплодисменты и смолк оркестр, Куйбышев начал речь:

— Сегодня мы открываем фабрику, построенную ивановскими рабочими. Открытие этой фабрики — большой праздник для всей текстильной промышленности, которая играет в нашем хозяйстве значительную роль. Текстильная продукция, в огромной массе выбрасываемая на крестьянский рынок, служит одним из проводников смычки между городом и деревней. А мы все знаем, товарищи, что город ведет за собой деревню к социализму. Поэтому открытие новой прядильной фабрики праздник также и для всех крестьян...

Толпа аплодировала. Вместе со всеми захлопала в ладоши и Клавдия, едва не упав на землю.

А Куйбышев продолжал говорить — горячо, взволнованно и вместе с тем так просто и понятно, что каждое его слово доходило до сердца слушателей.

— До сих пор все наши усилия и заботы были сосредоточены на тяжелой индустрии: на металле, угле, нефти. Легкая индустрия, а с ней и текстильная промышленность, были на втором плане. Она служила лишь источником накоплений, который помогал нам развивать тяжелую индустрию. Теперь, когда она во всех своих видах перешагнула уровень довоенного 1913 года, мы бросили больше сил для развития легкой индустрии...

Порывы ветра треплют косынки работниц, парусами надувают красные стяги, поднятые над головами. Когда из-за туч выглядывает солнце, нестерпимо ярким светом вспыхивают огромные окна фабрики, чисто промытые и протертые. Слушая оратора, люди нет-нет да и бросят на нее любовный взгляд.

— Первая, наша, родная...

Чуть ли не со всех концов города видна она людям. Издали как будто не особенно и велика, а подойдешь поближе — и кепка валится с головы.

— Дворец, — восхищенно шепчет пристроившийся рядом с Клавдией седоусый пожилой человек в синей косоворотке, должно быть, старый ткач. Сегодня их много пришло сюда на праздник — ветеранов трех революций, познакомившихся с казацкими нагайками на Талке, побывавших под пулями на Приказном мосту, поднимавшихся под водительством Фрунзе, без патронов, с одними штыками, в атаку под Уфой.

— Текстильная промышленность в этом году получила суммы большие, чем в 1926 году, — заканчивает свою речь Валериан Владимирович. — Вы знаете, товарищи (как оно звучит, как звучит в такой торжественный момент до боли родное слово «товарищи!»), что мы предполагаем создать здесь крупный меланжевый комбинат для того, чтобы снабдить население недорогими и хорошими одежными тканями. Сегодняшний праздник знаменует собой перелом в развитии текстильной промышленности. А теперь разрешите мне от имени правительства и ВСНХ считать фабрику им. Дзержинского открытой и пущенной в ход.

Загремели медные трубы оркестра. Величавая мелодия «Интернационала» поплыла над двором. Толпа ко-

лыхнулась. Спрыгнув со штабеля, Клавдия устремилась вперед. Сердце ее учащенно билось, мысли обгоняли одна другую. «Ну, уж если сюда не попаду работать, так на меланжевый устроюсь обязательно,— думала она.— Своего я добьюсь».

Молодым читателям, которые знают о безработице только из книг да по рассказам отцов и матерей, юношам и девушкам, свободным в выборе профессии, перед которыми широко распахнуты двери заводов и фабрик, быть может, нелегко будет понять восторг, охвативший Клавдию Кузнецову, как и других участников митинга. Для молодежи двадцатых годов слово «безработица» и «биржа труда» были наполнены осязательным суровым содержанием. И Клавдия радовалась, радовалась от души, что вот пущена новая фабрика, и тысячи людей, в том числе, возможно, и она, получат здесь работу, перестанут томиться в ожидании, когда на бирже труда выкликнут их имя, будут трудиться здесь на благо народа, позабудут о нужде и лишениях, связанных с безработицей.

... Сразу же после митинга рабочие и работницы лавиной тронулись к входу в корпус. Красная ленточка лишь на мгновение преградила им путь. Звякнули ножницы, и ленточка, извиваясь, упала на землю. Десятки, сотни ног затопали по лестнице. Гулом многих голосов наполнился южный зал. Прядильщицы встали к машинам. Включены рубильники. Зашелестели, зажужжали веретена, убыстряя ход, наматывая первые килограммы белоснежной пряжи.

Фабрика вступила в строй.

Об этом событии каждому, кто проходит мимо предприятия, напоминает укрепленная на стене мемориальная доска. Золотом отлиывает на ней короткая надпись:

«На этом месте 7 ноября 1927 года на митинге рабочих в день пуска прядильной фабрики выступал В. В. Куйбышев».

... Клавдия Кузнецова добилась-таки своего. Биржа труда послала ее вместе с Евдокией Благовой на постоянную работу на фабрику им. Дзержинского. Правда, к машине девушку пока не допустили, поставили уборщицей, но она не унывала, верила: временно это. А вот у машины она встанет уже навсегда.

Как пообвыкла немного — подала заявление, другое, до директора дошла, и тот распорядился направить де-

вушку в мотально-сновальный отдел ученицей. А вскоре Клавдия уже самостоятельно обслуживала мотальную машину.

Таких, как Жилова и Кузнецова — молодых, энергичных, но увьи! — неопытных и к тому же в подавляющем большинстве малограмотных или даже вовсе неграмотных, на фабрике оказалось очень много. Как ни велико было желание молодежи трудиться добросовестно, в полную меру своих сил, нехватка знаний и опыта чувствительно сказывалась. Производительность оборудования была низкой — всего 513,7 киломера на тысячу веретен в час. С производственной программой предприятие не справлялось, себестоимость продукции снижалась медленно.

Чтобы быстрее освоить сложные машины, наладить как следует технологический процесс и достичь проектной мощности предприятия, а затем и перекрыть ее, нужна была широко развернутая техническая учеба. Да и только ли техническая! Иным работникам следовало прежде осилить букварь. За решение этой столько же трудной, сколько и почетной задачи в первые же месяцы взялись и дирекция предприятия, и партийная организация, и профсоюз, и комсомол.

Клавдия Филипповна Кузнецова вспоминает:

— Вскоре после того, как пришла я на фабрику, приняли меня в комсомол, обязали учиться. А чего меня обязывать, коли я и сама того желала? Лозунги «Долой неграмотность!» тогда всюду висели, и не для красоты, конечно, а для дела. Ладно. Стала посещать курсы. Прочилась несколько месяцев, вызывают в ячейку, интересуются успехами. — «Ничего успехи, — отвечаю, — читать-писать немного умею». — «Вот и хорошо, — говорят. — Назначаем тебя культармейцем, неграмотных работниц будешь учить». Я руками замахала, всплакнула даже. «Как же так? — спрашиваю. — Я сама только азы осваиваю, какой из меня учитель». А секретарь мне так наставительно: «Вот эти азы и передавай своим товарищам, полезное дело сделаешь».

Так я стала культармейцем. Вооружилась грифельной доской и ходила с ней по вечерам то к сборщице угаров Макаровой, то к работнице Корчагиной, объясняла им премудрости правописания и четырех действий арифметики.

В эти годы на фабрике появилось множество кружков технического минимума. После смены ровничницы и ленточницы, прядильщицы и сьемщицы изучали здесь устройство машин, осваивали методы их обслуживания. Позднее возникли ячейки «ЗОТ» — «За овладение техникой», которые имели, в основном, те же цели, что и кружки. В этих ячейках насчитывалось до пятисот членов.

Очень важно было научить молодых работниц, как добиваться высокого качества продукции. Вот здесь-то и сказали свое слово передовики производства, которые уже появились на предприятии, несмотря на его молодость. Они возглавили краткосрочные школы передового опыта и непосредственно у машин и агрегатов делились своими «секретами».

Усердно осваивали технику, активно боролись за повышение производительности труда и оборудования и сами руководители производственных участков, мастера, инженеры.

Но главную роль в борьбе за план сыграло начавшееся ударничество. Как пламя, охватывало оно цех за цехом, отдел за отделом, участок за участком. На общих собраниях рабочие брали на себя обязательства поднять производительность труда, ликвидировать узкие места, выдвигали встречные планы. А когда большевистская партия обратилась с призывом еще шире развернуть соревнование, в это патриотическое движение включилось подавляющее большинство членов коллектива. Число ударников, передовиков производства росло с каждым днем.

Все это, вместе взятое, принесло замечательные плоды. К 1930 г. фабрика почти достигла проектной мощности. Действовало 123,5 тысячи веретен. Ткачам ежедневно отгружалось 18,6 тонны пряжи.

Не стояло на месте и ткацкое производство. Оно уверенно набирало темпы, совершенствовалось.

Эти первые победы окрыляли, открывали перед людьми светлые горизонты, звали к новым дерзаниям.

Ударники, передовики производства считали для себя величайшей честью бороться за дальнейший прогресс, строить социализм в рядах партии большевиков. Коммунистами стали лучшие из лучших, достойнейшие из достойнейших, и среди них мотальщица Кузнецова, пря-

дильщица Жилова, планочница Веселова и десятки других работниц.

Росла и крепла партийная организация предприятия, закалялась в преодолении трудностей. Коммунисты являлись зачинателями многих полезных, очень важных и нужных дел и, прежде всего, социалистического соревнования.

... Достигнув своей цели, получив квалификацию, Кузнецова не успокоилась, не почила на лаврах. Все также неудержимо стремилась она вперед. В сплывающемся коллективе, где повседневно чувствуешь локоть товарища, расцветали ее способности. Трудиться лучше других, вести за собой отстающих ее обязывало высокое звание члена партии. Клавдия Филипповна отдавала любимому делу все свои силы и помыслы. Постепенно с нее стали брать пример даже опытные работницы с многолетним трудовым стажем. Еще бы! Ведь Кузнецова изо дня в день вдвое перевыполняла норму выработки, — вместо 51 килограмма пряжи перематывала до 106 килограммов. Ее избрали партгрупоргом, а когда появились первые молодежные бригады — назначили бригадиром.

Велика была ответственность, но Кузнецова не испугалась, не попятилась. Чувствовала: взяла груз по плечу, справится. Тридцать девушек, обслуживавших четыре мотальных машины, стали ее семьей, о которой она не уставала заботиться. И работницы платили молодому бригадиру-коммунистке той же полновесной монетой доверия, любви и уважения.

В 1932 году среди рабочих текстильной промышленности проводился конкурс на лучшие производственные показатели. Клавдия Филипповна не могла остаться в стороне. Посоветовалась с девушками:

— Условия конкурса нелегкие, но ведь чем труднее, тем почетнее. Уменья у нас теперь хватит. Попробуем взять первенство!

Предложение было встречено с одобрением.

— Как бы не оскандалиться, — высказала опасение одна из работниц, но ее никто не поддержал.

Члены бригады стали еще усердней ухаживать за оборудованием, кропотливо выискивать резервы для увеличения выработки, настойчиво внедрять то новое, что удавалось позаимствовать у других.

Конкурс закончился блистательной победой. Показа-

тели бригады, которой руководила К. Ф. Кузнецова, оказались лучшими в области. Правительство высоко оценило заслуги передовой текстильщицы. К. Ф. Кузнецова была награждена орденом Ленина.

Коллектив с воодушевлением встретил это сообщение. Клавдию Филипповну наперебой поздравляли и подруги и малознакомые люди, крепко пожимали руку, желали дальнейших успехов. Награда, которой удостоили лучшего бригадира, была наградой всему коллективу, являлась признанием его заслуг перед Родиной.

Когда в Кремле из рук «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина Кузнецова приняла красную коробочку с орденом, из глаз ее брызнули слезы, горло перехватило от волнения, и она не могла сказать ни единого слова. Счастье — ослепительное, словно солнце, переполнило ее сердце.

В Иванове Клавдию Филипповну поджидали с нетерпением. Товарищи по труду с цветами в руках пришли встречать ее на вокзал, проводили в новый, только что построенный фабрикой дом, ввели в незнакомую — уютную, удобную квартиру и сказали просто:

— Это твоя.

Имя Клавдии Филипповны Кузнецовой, бывшей батрачки, ставшей передовой работницей, орденосцем, получило всесоюзную известность.

Подобно ей, год от году росли, накапливали опыт, добивались трудовых побед и другие молодые работницы. Они становились руководителями производственных участков, выдвигались на ответственные хозяйственные, партийные, профсоюзные посты, направлялись на учебу в высшие учебные заведения, в промышленную академию, открывшуюся в Иванове.

Давно уже был пройден тот рубеж мощности, который установили специалисты, проектируя фабрику, а ее коллектив открывал все новые и новые возможности увеличения выпуска продукции.

1935 год. Золотой вехой вошел он в историю советского общества: передовые рабочие, в совершенстве овладевшие техникой, показали, как высоко они могут поднять производительность труда — главное в борьбе за ускорение строительства социализма и коммунизма. Всю страну облетела весть о трудовом подвиге вичугских текстильщиц Дуси и Маруси Виноградовых, которые

первыми в текстильной промышленности перешли на уплотненную работу, стали обслуживать 144, а затем 216 автоматических ткацких станков.

Новое патриотическое движение вовлекало в свою орбиту миллионы людей. На каждом предприятии появлялись свои зачинатели, люди дерзкой, пылкой мысли, которые не могли мириться с устаревшими нормами и смело опрокидывали их.

Подхватили это начинание и дзержинцы. С 7 октября 1935 года передовые прядильщицы В. Сибирева, В. Шаладина и В. Власикова стали обслуживать по четыре машины вместо двух по норме. Это послужило вдохновляющим примером не только для других прядильщиц, но и для ткачей, ленточниц, ровничниц. Улучшая организацию труда, увеличивая коэффициент полезного действия станков и машин, они стали выпускать значительно больше продукции, чем прежде, при этом не только не снижая ее качества, но, наоборот, улучшая его.

Благодаря виноградовскому движению дзержинцы дали стране дополнительно тысячи тонн первосортной пряжи, сотни тысяч метров добротной ткани.

На предприятиях проводились и разнообразные организационно-технические мероприятия, направленные к той же цели. Вносились усовершенствования в имеющееся оборудование, устанавливались новые машины. К 1941 году на фабрике действовало 159 тысяч веретен. Уже не восемнадцать, а тридцать две тонны пряжи давала она ежедневно для ткацких фабрик города. Эти успехи коллектив умножал бы и дальше, если бы не военная гроза.

Вечером 22 июня 1941 года город, объявленный на военном положении, погрузился в зыбкую, настороженную тьму. Погасли на долгие месяцы цепочки фонарей на улицах. Непроницаемые шторы закрыли окна квартир. На фары автомашин одели маскировочные щитки. И только «Дзержинка» сияла в ночи, словно граненый алмаз на солнце. За день трудно было изготовить маскировочные шторы на все ее необъятные окна. Но вскоре и эта фабрика окуталась в спасительную мглу.

Война с германским фашизмом явилась величайшим испытанием крепости советского строя. Она принесла невзгоды и лишения, потребовала от людей полного напряжения духовных и физических сил. «В труде, как в

бою» — эти слова стали девизом дзержинцев с первых же дней войны.

Мужчины уходили на фронт защищать родную землю от фашистских захватчиков. Их места у станков и машин занимали женщины. Они осваивали по две-три профессии.

Уж на что, кажется, было мужское занятие — возить сновальные валики! Ведь каждый из них весит около двухсот килограммов. А вот Федосья Кузьминична Ильичева, не задумываясь, взялась за это дело. Понимала: надо. Раньше ремонтировали эти валики тоже мужчины. Теперь не хуже их с ремонтом справлялись Мария Михайловна Руданова и Татьяна Ивановна Маринова.

Большой размах получило движение многостаночников. 10 августа 1941 года в сводке Советского Информбюро, наряду с сообщениями о жестоких боях на всем фронте от Балтийского до Черного моря, говорилось:

«Советские текстильщики неуклонно увеличивают выработку необходимой для фронта и тыла продукции. На Ивановской фабрике имени Дзержинского широко поддержан почин 60-летнего помощника мастера т. Косульникова. Вместе с двумя сыновьями т. Косульников взялся обслуживать двойной комплект из 76 ткацких станков. Примеру т. Косульникова последовали другие помощники мастера».

Недосыпая, недоедая, люди ковали победу над врагом. На их пути вставали многочисленные препятствия. Подчас нехватало сырья, топлива, смазочных материалов, запасных частей. Но всякий раз общими усилиями, с помощью энтузиазма и рабочей смекалки эти трудности успешно преодолевались. Недоставало на предприятии специалистов. На их место встали передовики-практики. Вызвали в партком и Кузнецову, сказали:

— Становись мастером. Есть у тебя и опыт, и знания, недаром в промакадемии училась.

Так в самый тревожный момент жизни коллектива Кузнецова возглавила важный участок производства, которым руководит и поныне.

Труд дзержинцев в годы войны можно с полным правом назвать героическим. После смены они оставались на сверхурочную работу, а вернувшись домой и наскоро перекусив, садились за швейные машинки, чтобы шить для фронтовиков белье или вещевые мешки. Они рыли

бомбоубежища, дежурили в командах местной противовоздушной обороны, заготавливали дрова и торф, помогали колхозникам в уборке урожая, собирали для бойцов теплые вещи, готовили им подарки, шефствовали над госпиталями, привечали и устраивали у себя эвакуированных. Сотни тысяч рублей личных средств, много ценностей внесли дзержинцы в фонд обороны страны, на постройку самолетов и танков. Люди верили, знали: придет светлый день Победы, будет и на их улице праздник! И они его дождались.

Страна приступала к выполнению первого послевоенного пятилетнего плана восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. К новым замечательным свершениям направил свои усилия многотысячный коллектив фабрики им. Дзержинского. Он дружно поддерживал известный призыв инженера Ф. Л. Ковалева к изучению, обобщению и распространению передового опыта, включился в социалистическое соревнование за повышение культуры производства, за экономное расходование материалов, за освоение проектной мощности каждого агрегата, каждой машины.

Ширились ряды новаторов. Они изыскивали все новые возможности для дальнейшего подъема производства. Внутренние резервы для этого имелись немалые.

Славные страницы вписали в историю фабрики прядильщица А. Сивкова, ровничница С. Лобанова, съемщица Н. Зайцева, старший инструктор производственного обучения Л. Свирибова.

Кому не известно, например, что производительность оборудования находится в прямой зависимости от ухода за ним. Долго присматривалась А. Сивкова к тому, как он осуществляется, и пришла к выводу, что методы ухода далеки от совершенства. Прядильщица разработала новый, очень удачный график ухода за машинами, что позволило поднять их производительность, улучшить качество пряжи.

Ценным оказался способ присучки ровницы при смене сходящей катушки, предложенный ровничницей С. Лобановой. Его внедрение снизило обрывность пряжи.

И съемщица Н. Зайцева, которая стала по-новому заправлять нить в порошную шпулю при съеме, и старший инструктор производственного обучения Л. Свирибова, изменившая в лучшую сторону метод присучки ровницы

в рамке прядильной машины, и другие новаторы руководствовались одним стремлением — облегчить свой труд, сделать приемы труда более совершенными, чтобы можно было больше выработать добротной пряжи, быстрее залечить раны, нанесенные стране войной, умножить могущество Родины, повысить материальное благосостояние народа.

В 1955 году на фабрике зародилось новое ценное движение, горячо подхваченное в области.

В один из майских дней на предприятии состоялся семинар партгрупоргов. Они горячо обсуждали волновавший всех вопрос о том, что должны сделать партийные группы по внедрению на предприятии передовых методов труда. Здесь высказала свои сокровенные, долго зревшие мысли помощник мастера цеха основного прядения партгрупорг Мария Васильевна Куликова, имя которой ныне хорошо известно текстильщикам.

— Нам надо соревноваться за достижение показателей лучших бригад. Пусть также соревнуются и цехи. Предприятие в целом должно добиваться таких успехов, какие имеют передовые, родственные нам фабрики — «Красная Талка» и им. Крупской.

Предложение показалось весьма заманчивым. Выяснилось, что не одна Куликова вынашивала эту идею. Помощники мастера Е. А. Бурякова и П. В. Мелентьев тоже не раз задумывались над тем, как лучше использовать внутренние резервы. Правда, кое-кто из присутствовавших на семинаре усомнился, принесет ли такое начинание пользу, поскольку фабрика, в связи с проводившейся тогда реконструкцией, находилась в худших условиях, чем передовые предприятия. Все сомнения рассеялись, когда стало известно, что в первый же месяц нового соревнования выработка пряжи в комплекте М. В. Куликовой возросла на 7%. Результаты соревнования не замедлили сказаться и в общефабричном масштабе. Если в апреле 1955 года суточный выпуск пряжи составлял 58,5 тонны, то в июле того же года он поднялся до 59,2 тонны, а в ноябре превысил 60,5 тонны! Эти цифры красноречивее всяких слов, они говорят сами за себя.

Инициативу дзержинцев одобрили областные организации, коллегия бывшего Министерства товаров широкого потребления. И это начинание принесло текстильным предприятиям много пользы. Текстильщики Иванова

оказали большое доверие инициатору соревнования. В марте 1958 года они избрали Марию Васильевну Куликову депутатом Верховного Совета СССР.

Большую роль в увеличении выпуска продукции сыграло развернувшееся на фабрике движение за наиболее рациональное использование производственных площадей.

В самом деле, разве можно было мириться с тем, что весь первый этаж прядильной фабрики долгие годы был занят подсобными службами: мастерскими, конторой, складами. Стоило вывести их в другие помещения, поставить на освобожденной площади машины — и без больших затрат, без капитального строительства можно было получить дополнительно десятки тонн пряжи.

Так на фабрике и поступили. В освобожденном первом этаже главного корпуса разместили оборудование чесального и ленточно-ровничного цехов. Одновременно велась реконструкция предприятия. Коллектив боролся за то, чтобы затраты на нее были минимальными. На боковой корпус надстроили один этаж. Там обосновался мотально-сновальный цех. Немного поодаль поднялся административно-бытовой корпус. Построили специальное помещение и для мастерских.

Устаревшее оборудование заменялось более совершенным, высокопроизводительным. Фабрика получила и смонтировала свыше 150 новых прядильных машин, 39 ровничных, 32 ленточных, 292 чесальных. Двухпроцессную систему трепания заменили однопроцессной.

Мощность предприятия увеличилась на 68 тысяч веретен. Это равносильно тому, как если бы вступила в строй новая фабрика средней величины. А если учесть, что стоимость каждого дополнительного веретена оказалась втрое дешевле, чем при новом строительстве, польза, принесенная реконструкцией, станет еще очевидней.

Многолетние самоотверженные усилия коллектива по совершенствованию производства, по внедрению новой техники и технологии увенчались блестящей победой.

Как известно, одним из важнейших показателей работы предприятия является степень использования оборудования, его производительность. Это, по существу, вопрос производительности труда, который решает выполнение основной экономической задачи СССР: догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические стра-

ны по производству продукции на душу населения. Так вот: по производительности оборудования фабрика им. Дзержинского оставила далеко позади хлопкопрядильные предприятия Соединенных Штатов Америки. Если в США средняя скорость веретен не превышает 8000 оборотов в минуту, то на фабрике им. Дзержинского они вращаются в полтора раза быстрее. В США вырабатывают в среднем по 567 килономеров пряжи на тысячу веретен в час, а дзержинцы — 706 килономеров.

Но модернизацией и реконструкцией дело не ограничилось. Весной 1956 года дзержинцы отмечали новое радостное событие: дало первую ткань второе ткацкое производство. О нем следует сказать особо.

Видали ли вы плотные, красивой расцветки ткани, которые идут на обивку мебели, на портьеры? Это так называемый гобелен — ковровая ткань полутораметровой ширины, затейливого переплетения, вырабатываемая из цветной пряжи. Для нашего текстильного края это совершенно новый вид продукции.

Дзержинцы сумели за короткий срок наладить ее выпуск, освоить сложные станки, полученные из Германской Демократической Республики.

Да, не только ситцы ткут теперь в Иванове!

На предприятии действует многочисленный отряд рационализаторов, растущий год от году. Теперь их насчитывается свыше 250 человек. Внедренные усовершенствования экономят государству миллионы рублей.

Тот, кто не бывал на фабрике им. Дзержинского лет пять-шесть, найдет здесь немало и других перемен, интересных новшеств. Взять для примера транспортировку угаров. Сколько сил затрачивалось прежде на их сбор и переноску. Теперь они доставляются в угарный отдел пневматическим способом, по трубам. А лампы дневного света, которые сияют во многих цехах и отделах! А воздушные завесы, позволяющие поддерживать в помещении ровную температуру! А транспортеры и подвесные дороги, избавившие людей от тяжелой возни с перевозкой сновальных валиков и готового товара! Всего и не перечислить.

Вопросы улучшения условий труда, повышения его безопасности находятся здесь в центре внимания. За последнее время коренной переделке подверглась система вентиляции в цехах. Ее мощность намного возросла и,

как результат, снизилась температура воздуха в помещениях, намного уменьшилась его запыленность. На прядильных машинах сделаны приспособления, предупреждающие случайный пуск их в действие. Оборудованы санитарные узлы в мотально-сновальном отделе, улучшено освещение рабочих мест, смонтированы подъемники, электротали и другие механизмы, которые облегчают транспортировку сырья и полуфабрикатов. На мероприятия по технике безопасности, на охрану труда только в 1957 году израсходовано 200 тысяч рублей.

В свете этого небезинтересно сравнить условия, в которых работают прядильщицы фабрики им. Дзержинского, с условиями труда прядильщиц Англии — страны, совершившей в свое время технический переворот в текстильном производстве. Предоставим слово рядовой английской труженице Джейн Уолш. В книге «Так не должно быть», выпущенной несколько лет тому назад издательством иностранной литературы, она рассказывает о своей работе на одной из текстильных фабрик близ Манчестера:

«Фабрика помещалась в холодном здании с бесконечными каменными лестницами и коридорами, где всегда сквозило. В самом же цеху было душно и стоял тошнотворный запах, к которому я так и не могла привыкнуть и от которого меня всегда мутило... Долгое время я приходила в ужас, когда надо было подойти прямо к веретену, крутившемуся словно огромный волчок, чтобы связать оборвавшуюся нить. Иногда я отпускала ее слишком быстро, и нить оставляла на пальцах глубокий порез. Хлопковая пыль лезла в глаза, в уши, в нос, набивалась в волосы, проникала сквозь одежду, и все тело начинало зудеть».

Джейн перешла на другое предприятие. И что же?

«Фабрика была новая, но вентиляция и освещение никуда не годились. Как ни странно, там было холодно и в то же время душно, а свет незащищенных электрических ламп резал глаза, хотя все помещение оставалось в полумраке. Машины были новехонькие, самого последнего образца, и администрация тряслась над ними так, словно они были живые существа. Зато к рабочим она относилась, как к машине...»

Таково свидетельство простой англичанки. Его подтверждает зарубежный экономист Ю. Кучинский. В сво-

ей книге «История условий труда в Великобритании и Британской империи» он пришел к выводу, что эти условия непрерывно ухудшаются и в настоящее время более разрушительно действуют на здоровье английского рабочего, чем это было в начале нынешнего века.

Какой разительный контраст с тем, что мы видим в нашей стране, где забота о человеке, о его здоровье и благополучии ставится превыше всего!

Много внимания уделяется на фабрике им. Дзержинского обеспечению культурно-бытовых нужд рабочих. Здесь действует школа рабочей молодежи. В ней повышает свой общеобразовательный уровень свыше четырехсот юношей и девушек. Каждое лето на предприятие приходит замечательное пополнение. Это выпускники десятилетки. Освоившись с производством, получив ту или иную квалификацию, они без отрыва от работы поступают в техникумы и институты. Им создаются все условия для плодотворной учебы. От молодежи не отстают и люди в годах, которые, имея большой практический опыт, ощущают нехватку теоретических знаний. В общей сложности в средних специальных и высших учебных заведениях учится более полутора миллиона работников фабрики, в том числе прядильщица В. А. Рядовкина, ленточница Г. Г. Андреева, мастера А. И. Курчанова и другие.

На предприятии уже появились свои рабочие «династии». Вслед за матерью или отцом сюда поступают работать их дети. Тридцать лет трудится на фабрике планошница коммунист А. Веселова. По ее стопам идут и ее дочери. Ида стала съемщицей, а Галина — контролером.

Фабрика ведет большое строительство. Возводятся жилые здания с благоустроенными квартирами, детские учреждения. Предприятие располагает хорошо оборудованной поликлиникой, двумя библиотеками. Вот уже много лет здесь издается своя многотиражная газета «Голос дзержинца», которая стала лучшим другом и наставником коллектива.

Таков сегодняшний день фабрики им. Дзержинского. Ее боевому коллективу, воспитанному и сплоченному Коммунистической партией, по плечу решение любых задач. Дзержинцы знают — будущее рождается сегодня. Оно зависит и от их усилий. Поэтому они так высоко и держат свое трудовое знамя, стремятся всегда быть в первых рядах строителей коммунистического общества.

Та улица, в конце которой стоит несколько старых, корабельных сосен, так и называется—Сосновая, и она ничем особенным, кроме зеленых шапок этих деревьев, как будто не отличается от других, близких к окраине, улиц; стоят на ней и новые каменные и деревянные дома; во дворах, в палисадниках, в скверах цветут вишни, яблони, черемуха, сирень.

По нагретой ярким солнцем мостовой изредка пробегают автомобили с грузом, характерным для текстильного города; по тротуарам, возле жилых домов, магазинов, детских яслей и садов в легких платьях, неторопливо, взад и вперед, ходят люди. Всё — почти как и на других улицах.

Когда же мостовая идет под уклон, взору открывается зеленая пойма, прорезанная маленькой извилистой речкой; ты видишь уже и стволы многолетних сосен, которые точно смотрятся из-под шапок в светлое зеркальце живительной змейки; встают перед тобой и многооконные серые и красные корпуса, возвышающиеся над зеленью поймы; слышишь и дыхание их, а запах клея и красок возвращает тебя к магазинному прилавку с свежееотпечатанными кусками красочно оформленной мануфактуры.

Под горой — деревянный мост. Чистая, родниковая вода бежит по песчаному руслу Талки безмолвно. Здесь, внизу, бывает так тихо, что слышишь и оживленное щелканье белогрудых ласточек, бесстрашно восседающих

на проводах, и машинный, производственный шумок. Только в определенные часы — ранним утром, в середине дня и поздним вечером, — когда одним рабочим пришла пора вставать за машины, а другим — идти от них на отдых, — мост оживает. Тогда из глубины Сосновой улицы и от высоких металлических ворот с часами и надписью: «Прядильно-отделочная фабрика «Красная Талка», по узкой асфальтированной дорожке, проложенной рядом с каменной, движется как бы настоящая, замкнутая, людская цепь, и тогда оглашается вся пойма реки.

Кое-кто из молодежи здесь замедливает шаги, останавливается на мосту — хорошо полюбоваться чистой речкой, подышать свежим воздухом, наполненным ароматом трав и цветов, подумать, помечтать... Вот и сейчас немного постояли здесь, даже идя на фабрику, по-праздничному одетые девушки — браковщица Лариса Логинова, гравер Неля Филькина. Похохотали, пошутили и, заметив приближавшегося к ним электрика, актера фабричной сцены Владислава Быкова, побежали в гору. На их место, облокотясь о перила моста, встали другие молодые работницы-подружки мотальщицы Лариса Чибирева и Валя Тюрина, прядильщицы Нина Волошина и Надя Трухан. Им постоять на мосту можно подольше — они идут отдыхать. Эти девушки тоже смеются, шутят.

На что же смеются, о чем говорят и мечтают эти девушки?

Может быть, они теперь смеются сами на себя, или на своих подруг по фабрике, — на то, как они робко, боязливо шли первый раз на «Красную Талку», шли и в нерешительности останавливались, и вот здесь же, на мосту, долго размышляли, решали, — поступать ли на прядильно-отделочную фабрику, быть ли текстильщиками, сумеют ли они ими быть? А так было с девушками. Даже и с Надей Трухан, теперь уже признанной прядильщицей, пришедшей на фабрику с незаконченным средним образованием.

Неле Филькиной и Ларисе Логиновой было немного легче — они местные, из текстильного города, который им роднее, а потому и текстильные профессии понятнее и ближе, хотя и они, закончив десятилетку, думали об институтах, иных профессиях. Нине Волошиной, Вале Тюриной, Ларисе Чибиревой было тяжелее — они приезжие,

приехали учиться в ивановские институты и техникумы, а претендентов на их места оказалось больше, чем нужно, и они не поступили. Но пока шли экзамены, им полюбили и текстильный город, и люди, и тогда действительно было над чем задуматься.

У Нели Филькиной на «Красной Талке» работал дедушка. Это был большой мастер граверных дел, страстно любивший свое дело, и сколько бы раз ни сулили ему «златые горы» в других местах, — он не оставил своей любимой профессии. Он-то и пришел на помощь внучке в ее тяжелую минуту, и ему не потребовалось долго рассказывать ей о «Красной Талке» и о том, какие там рабочие, что и как они делают — Неля сама, живя в потомственной семье текстильщиков, многое знала, а граверное дело — еще лучше: дед не раз показывал и самые красивые цветы, отпечатанные на ткани с вала, награвированного им, и различные народные орнаменты, перенесенные им с рисунка на медный печатный вал, а с него — опять же на ткань.

— Учиться тебе есть чему и в нашей граверной. А учителем у тебя буду я, — сказал дед внучке в тот день, когда Неля решала, в какой институт или техникум ей лучше подать заявление.

Неля даже как-то обрадовалась, когда дедушка сказал, что научит ее своему искусному делу.

Может быть, также было и с ее подружкой Ларисой Логиновой, в один год с ней окончившей среднюю школу... Слава Быков хотел учиться в институте, но не пришлось, пошел на фабрику. И вот теперь они, вместе с ветеранами «Красной Талки», идут в цеха этой фабрики: Неля — к печатным валам, Лариса Логинова — к браковочному столу, Быков — в электроотдел.

У приезжих, разумеется, трудовое начало было иным, хотя и они теперь рабочие «Красной Талки» — прядельщицы и мотальщицы... Да и у ивановцев дни вступления в трудовую жизнь будут самыми памятными.

Сомнения, переживания, лелеянные мечты и планы перед окончанием школы, новые заботы долго не покидали тех и других. Те и другие ходят по одной дорожке, через один и тот же мост. Работа, как и у большинства на фабрике, — рядовая, к тому же особенная: надо уметь делать различную пряжу или красиво и прочно отделывать ткани. Коллектив фабрики большой, — слыхали, что слав-

ный, умелый, мастеровой (Лариса Чибирева слыхала об ивановских текстильщиках еще в Ялте); тут нужны и большая любовь к такому непростому делу, и большие знания. «Появится ли все это?»... Особенно волновалась Валя Тюрина.

— Зря мы, девочки, поторопились на фабрику, — не раз говаривала она Волошиной и Чибиревой в комнате фабричного общежития. — Лучше было бы идти в какой-нибудь техникум.

Подруги молчали, но слова Вали забывали не сразу.

А дни шли. Ветераны «Красной Талки» с появлением закона о новых государственных пенсиях покидали родные цеха один за другим, и на их смену приходили молодые рабочие, — такие же, как и Волошина, и Логинова, и их подруги, т. е. с десятилетним образованием. Знакомых у первых новичков из числа новых сверстников появлялось все больше и больше, в фабричном клубе со многими из них они встречались уже как со старыми друзьями, и тогда на душе у последних новичков становилось легче. Но как сойдутся, так и новые тревожения, — разговор вскоре же переходил на то, «как работается на производстве», «где былые мечты и планы».

Немного раньше пережили все это новые подруги и товарищи новичков. Посмеивается на Волошину, Тюрину и Чибиреву Надя Трухан, но те еще говорят про себя: «Да, хорошо тебе... Ты уже соревнуешься с опытными прядильщицами...»

Уже не раз получал похвалу старших товарищей, своих учителей, слесарь-наладчик вентиляционных установок Вячеслав Сидоров, взявший в товарищи Владислава Быкова, который, как и он, любит клубную сцену.

Сочувственно посматривал на новичков, а потом стал их лучшим советчиком Николай Созинов, недавний десятиклассник, а ныне машинист-печатник, да такой, которому доверили освоение агрегата непрерывного перекидного беления тканей АОЖ-2 — последней новинки в отделочном производстве.

Недалеко от Нины Волошиной работает такая же юная, как и Нина, прядильщица Любовь Орлова, — она уже несколько месяцев подряд вырабатывает только отличную пряжу. Вместе с опытными работницами освоила новые, повышенные, технически-обоснованные нормы выработки прядильщица Ева Кузнецова.

Надю Трухан, Сидорова, Созинова, Орлову, Кузнецову комсомольцы успели избрать своими вожаками.

При встречах, разговоре с такими товарищами становилось легче.

Как-то молодой цедильщик красок Николай Игаев горестно сказал:

— Не имея специального образования, тут будешь только чернорабочим, да подсобником.

И было тогда о чем говорить с ним товарищам. И не раз, не два и не три раза вспоминали они это «упадническое» заявление, сделанное Игаевым в первые дни его работы в красковарке, — когда он и радовался поступлению на производство, и впадал в уныние от неудовлетворенности работой, хотя работники отдела кадров и руководители красковарки и приводили ему примеры того, как и здесь большим человеком стать можно.

— А я, как ты думаешь, на другой же день стал машинистом агрегата АОЖ-2? — с азартом спрашивал его Николай Созинов.

— Да что ты-то? — встал на сторону Созинова слесарь-наладчик Вячеслав Сидоров. — Пусть он спросит своего знакомого мастера ремонтно-механического отдела Платонова, кем он начал работать на «Красной Талке».

— Я знаю, что Платонов, — с трудом парировал товарищей Игаев, — сначала в кузнице молотобойцем был... Да когда это было?

— Четыре, самое большее пять лет назад.

— Вот то-то!..

— А Бориса Коршунова из ровничного цеха ты знаешь? — слышится звонкий голос помощника мастера прядильного производства комсорга Альберта Гусева. — Наш комсомолец. Не старше тебя. Поступил так же простым рабочим, а теперь тоже мастер...

Так вот и загорается на час, на два жаркая дискуссия. Смотришь — парень уже давно из головы выбросил свое уныние, а его все разубеждают, да такими фактами, против которых никак рта не откроешь.

Так бывало и с девушками. Собственно, многих девушек «мучали» не столько сомнения о возможности найти на фабрике по душе профессию, сколько сомнения о возможности продолжить учебу.

— Нет, нет, девочки, — говорила Валя Тюри-

на приехавшим вместе с ней в Иваново учиться Ларисе Чибиревой и Нине Волошиной.— С этой мечтой теперь придется расстаться.

— Не расстанетесь,— выждав паузу в беседе приезжих девушек, сказала Надя Трухан.— Как мало-мальски освоите профессии, так и пойдете продолжать учебу.

Для девушек-новичков не требовалось особенно долго выискивать убедительных фактов,— этих фактов на преимущественно женской и преимущественно молодежной фабрике очень много. Тем более по вопросам учебы. Да и сами по себе девушки убеждались, что молодежь на «Красной Талке» упорная: работает хорошо — хочется лучше; знаний не хватает — идет учиться. Тем не менее собеседники, успевшие стать горячими патриотами «Красной Талки», их урезонивают:

— А вы думали, что здесь люди вырастают до техников и инженеров без учебы?

Геннадий Платонов пришел в фабричную кузницу с семилетним образованием. Поступил в школу рабочей молодежи, потом — на вечернее отделение хлопчатобумажного техникума и по окончании его стал техником по холодной обработке металла. Борис Коршунов начал с рядового рабочего и ученика помощника мастера ровничного цеха. Поняв, как нужны на производстве знания, тоже начал учиться. Теперь он заканчивает хлопчатобумажный техникум.

Когда Лариса Логинова впервые пришла в товарную контору, к ней, как давно знакомая, подошла молодая женщина:

— Вот и я также боязливо и нерешительно первый раз шагала по цеху,— сказала она, улыбаясь.— Смелее, девушка, будь, как дома.

Это была мастер уборно-складального цеха Галина Солнцева. Она пришла на фабрику из детского дома. Стала учиться, как теперь Лариса, на браковщицу, вскоре же подруги привели ее в восьмой класс средней школы рабочей молодежи. Затем, с подружками же, она пошла в техникум и, осваивая на фабрике профессию браковщика, получила в этом среднетехническом учебном заведении звание техника.

— А ты в институте будешь учиться,— по-матерински сказала Логиновой уже немолодая женщина — браковщица Софья Буркова.— Вот как научим тебя нашему

делу, так — и на вечернее отделение. У нас все так поступают, у кого есть десятилетка и желание.

Надя Трухан на другой же день после знакомства с Волошиной указала в прядильном цехе на чистильщицу машин Марию Умнову:

— Студентка Ивановского текстильного института! Уже на третьем курсе. Училась здесь же, в школе рабочей молодежи. И все без отрыва от производства.

Теперь новички уже не заочно, не из книг и газет и не от земляков ивановцев узнавали о характере текстильщиков «Красной Талки», как это бывало с Ларисой Чибиревой в Ялте, или с Ниной Волошиной — в Краснодаре, а самолично; теперь каждый день они видели их своими глазами, — смотрели на них и забывали о своей робости.

Оказалось даже, что эти девушки встали рядом со знатнейшими и почетнейшими в нашей стране людьми. Еще в первый день, из плакатов и витрин, начинающие прядильщицы узнали, что в их цехе лучшим комплектом является тот, которым руководит Екатерина Ивановна, молодая, смелая женщина. Она — депутат Верховного Совета РСФСР, автор книги «Во имя большой цели», изданной в 1954 году в Москве, в которой она, как новатор в текстильном производстве, делится опытом.

А кем Иванова начала путь текстильщицы? Подносицей хлопка в трепальном цехе «Красной Талки», потом стала снимать с прядильных машин початки с пряжей, а затем — прясть пряжу; работала сначала только на одной машине, а перед тем, как стать помощником мастера — на трех. Ее комплект еще в начале 1954 года вырабатывал хлопчатобумажной пряжи № 54 и штапельной — № 40 в среднем по 782 килономера в час на каждую тысячу веретен. Этого не бывало ни на самой «Красной Талке», ни в текстильной промышленности нашей страны, ни даже в хваленой Америке, где и сейчас средняя часовая выработка на тысячу веретен не достигает 600 килономеров.

На одном из торжественных собраний новые подруги Нади Трухан — Валя Тюрина и Лариса Чибирева обратили внимание на статную, средних лет, в дорогом костюме, при ордене Трудового Красного Знамени, женщину.

— Это Павла Николаевна Колчанова, — опередила с

ответом Надю ученица прядильщицы Нина Волошина.— Помощником мастера в прядильном цехе работает. Училась в Ивановском текстильном институте...

— А-а! — перебивает Нину Валя Тюрина.— Это та, что недавно в аспирантуру поступила? Слышала я.

— В тридцать девятом году,— продолжает Надя,— в числе лучших стахановок фабрики она ездила Восемнадцатый съезд партии приветствовать. А начинала так же, как Екатерина Ивановна Иванова.

Давно слышала от своего деда-учителя о первых новаторах фабрики Неля Филькина, и она собиралась самостоятельно узнать их на каком-нибудь собрании и показать своей подруге — начинающей браковщице Ларисе Логиновой. А случилось так, что председателя фабкома Елену Николаевну Рыкунову и помощников мастера: Александру Васильевну Мишину, Веру Петровну Ветлову, Надежду Алексеевну Худякову и Павлу Николаевну Колчанову, бывших рядовых прядильщиц, знаменитых последовательниц известных вичугских ткачих Виноградовых, раньше Филькиной и Логиновой узнали подружки-южанки, они и показали ивановкам «исторических прядильщиц».

Сейчас работницы комплекта Екатерины Ивановой на производстве штапельной пряжи № 40 и хлопчатобумажной — № 54 обслуживают по две, две с половиной машины, или, как говорят на фабрике, по четыре-пять сторонков. А на выработке пряжи других номеров — и по шесть, и по семь, и по восемь сторонков. По количеству обслуживаемых веретен они оставляют позади «непревзойденные» Соединенные Штаты Америки (в США в среднем — 1200 веретен, а у них — 1300).

Нина Волошина, приехавшая из Краснодара, придя в прядильный цех «Красной Талки», в первый же день услышала, что здешняя прядильщица Вера Григорьевна Ефимова, вырабатывая гребенную пряжу № 134, обслуживает 1536 веретен. Но Нина «ахнула» через несколько дней, — когда стала понимать, «что к чему» в прядильном производстве.

А ведь этого «Красная Талка» достигла не за год и не за два. Было время, например, в тридцатых годах, прядильщицы работали на одной и самое большое — на двух таких же и даже этих же машинах.

И вот тогда в новом, прядильном, производстве «Кра-

сней Талки» и появилась молоденькая Надя Худякова. Она быстро пошла в гору: присучальщица, инструктор, прядильщица; сначала работает на двух сторонках, потом — на четырех, а когда ей поставили машины с новыми, двухрешеточными, вытяжными приборами, она еще более возгорелась. К тому же, как раз в те дни, вслед за шахтером Стахановым, дали знать о себе, во много раз превзойдя старые технические нормы, вичугские ткачихи Виноградовы. Надя как следует продумала маршруты обходов машин и приемы работы на них и нашла, что у нее есть резервы.

— Я хочу,— сказала она руководителям цеха,— перейти на шесть сторонок.

— Да это же небывалое, немыслимое дело! — удивились люди.

— Рыкунова Лена тоже переходит,— так ответила Худякова, чтобы как-то отстоять свое предложение.

Новое, неиспробованное, «немыслимое» дело не сразу нашло одобрение. Но молодые мастерицы прядения, как броней обрастали такими же, как и они, энергичными подругами и действовали еще более напористо.

— А если я могу и хочу работать за двоих, на четырех машинах, на восьми сторонках,— наступала на мастера Рыкунова.— Так вы против этого, что ли пойдете?

Худякова и Рыкунова настояли на своем: им выделили сначала по три, а потом и по четыре машины, и они доказали сомневающимся инженерам и техникам, что при новой, маршрутной, организации труда технически подкованная, обладающая творческим огоньком прядильщица может работать не только на шести, но и на восьми сторонках. Потом это доказали их горячие последовательницы на фабрике — Александра Васильевна Мишина, Вера Петровна Ветлова, Павла Николаевна Колчанова и другие прядильщицы. Правда, они «доказывали» это, повторяли трудовой подвиг вичугских ткачих не с целью позабавить и изумить публику,— сами они не думали об этом, а искали лишь простора для применения своих знаний и способностей, для проявления горячего патриотизма к любимой Родине.

История лишь сказала, что подвиг стахановцев и виноградовцев, перечеркнувших старые технические нормы и установивших новые, был поворотным пунктом в борьбе советских людей за повышение производитель-

ности труда, которая является столбовой дорогой к коммунизму.

Теперь установленные новаторами в тридцатых годах нормы стали обычными. Новички слышали, что так и еще лучше сейчас работают не только прядильщицы комплекта Екатерины Ивановой, но и прядильщицы комплектов Анатолия Левина, Марии Даниловой и других помощников мастера. И новичков «поражало» то, что «исторические прядильщицы» были обыкновенными, простыми работницами, пришедшими на фабрику, как и они, без специального образования, без квалификации.

Хрупкая в то время на вид девушка — Шура Мишина, заставившая потом веретена всех своих восьми сторонек крутиться с неслыханной до тех пор в мире скоростью, начала с ученицы съемщицы, а Надя Худякова — с ученицы присучальщицы...

Все реже и реже в беседах новичков можно было слышать нотки сомнения и неверия. Все, что «пугало» и «страшило» их на фабрике в первые дни, стало как-то забываться. В уютной, прибранной, как у невесты, комнате фабричного общежития три приезжие подружки даже как-то стыдились вспоминать свое «плохое» мнение о тех профессиях, которые они собирались получить на фабрике. Каждая из них чувствовала, что появляется что-то такое, что без слов заставляет немного подзадержаться в цехе после смены или выйти на работу немного пораньше.

А когда вставали перед глазами добродушные, заботливые, как мать, учителя, появлялась любовь к людям и ко всей фабрике. Когда Лариса Логинова с упоением рассказывает своим подругам о том, какой острый глаз у браковщицы Софьи Бурковой, то услышишь и такие слова: «наш цех», «наши браковщики». Неля Филькина называет и фабрику «нашей».

— Давно ли она стала твоей-то, — однажды шуточно подметил электрик Быков.

— Давно. Как пришла в граверный отдел, — смеется Неля.

Начинающая мотальщица Лариса Чибирева говорила Нине Волошиной, что в их цехе лучше, чем в прядильном.

— А ты, Нина, как думаешь? — слушая их, спрашивает Волошину прядильщица Надя Трухан, которую чем-то тронули слова Чибиревой.

— Нет, у нас интереснее, веселее.

О «старых» рабочих, шефах молодых, и говорить не приходится. Надя Трухан не уйдет из прядильного цеха. От Николая Созинова новички слышали, что агрегат АОЖ-2 он не сменяет ни на какую другую машину. Люба Орлова и Ева Кузнецова при новых подружках однажды похвалили себя за то, что пошли работать именно на «Красную Талку».

Чем дальше, тем больше интереса проявляли любознательные девушки и юноши к своим профессиям, к опыту тех, у кого учились, к мастерству тех, которых сменили, к традициям «Красной Талки».

Заметив это, фабричный комитет комсомола решил устроить встречу молодых людей с ветеранами фабрики, знатоками и творцами ее истории. И состоялся в фабричном клубе «вечер трех поколений». На него охотно пришли многие из тех, кто был и остается гордостью «Красной Талки» и, разумеется, почти все новички, среди которых больше семидесяти только что получили в школах аттестаты зрелости.

Новый цедильщик красок Игаев не раз слышал в красковарке о мастерстве ушедшего на пенсию красковара Новикова, бессменно проработавшего на фабрике больше тридцати лет. А в фабричном клубе он его увидел. Молодая браковщица Лариса Логинова познакомилась с Марией Михайловной Макаровой, тридцать восемь лет стоявшей за браковочным столом, и мастером браковочного отдела с сорокашестилетним стажем Василием Сергеевичем Фоминым.

Юноши и девушки повидали одного из старейших в Иваново коммунистов — Ивана Сергеевича Сурикова, которому всегда есть о чем порассказать молодежи.

Пришли на вечер убеленный сединами, также хорошо знающий дореволюционную историю «Красной Талки» Яков Аггеевич Кованцев, активная участница восхождения фабрики к достигнутым ею высотам председатель фабкома Елена Николаевна Рыкунова и многие другие знатные представители первого и второго из живущих поколений рабочих «Красной Талки». И о многом поведали они третьему поколению, принимающему от них эстафету трудовой славы.

... Крепостной, «торгующий» крестьянин графа Шереметева Никита Федорович Витов в начале второй полови-

ны XVIII века, на левом берегу речки Талки, в местечке Петрищево, прикрытом со стороны Ям и Вознесенского Посада сосновым лесом, в тишине, нарушаемой лишь голосами птиц, по примеру Петра Витова, имевшего в центре села Иванова мануфактуру, решил поставить ситце-набивное заведение, модное в то время для богатеев Иваново-Вознесенской округи. Построил... В 1848 году в двух деревянных зданиях стояло шесть столов для ручной набивки миткаля, закупавшегося на других фабриках, и один каландр — приводившаяся в движение лошадьми машина, валы которой придавали раскрашенному ситцу лоск. Двенадцать рабочих трудились с утра до вечера.

Через пять лет богатеющий «крестьянин» ставит уже двухэтажное каменное здание, к шести набивным столам прибавляет еще два, затем покупает ситцепечатную одновальную ручную машину и вдвое увеличивает число рабочих, а еще через пять лет — втрое. Толстел и кошелек хозяина.

После смерти Н. Ф. Витова фабрикой стала владеть его жена — Прасковья Ивановна Витова. Она строит второй двухэтажный каменный корпус, приобретает новое (все еще ручное) оборудование, а в 1866 году — паровую машину в 12 лошадиных сил. Предприимчивая вдова, конечно, увеличивает и количество рабочих, искать которых не приходилось, — реформа 1861 года, в конец разорившая крестьян, вынуждала их уходить из деревни на заработки.

Прасковья Витова особенно любила принимать на работу детей — «лишнего» не спросят, а если и спросят, то можно и прикрикнуть, а то и подзатыльника дать. В 1867 году на нее работали: 30 набойщиков, 20 черно-рабочих, 9 мастеровых, один рисовальщик и 20 мальчиков-подростков. Через пять лет малолетних рабочих было уже почти сорок, а в 1878 году — сорок пять. Их рабочий день с перерывом на обед длился с пяти утра до восьми часов вечера. Во время обучения им ничего не платили, а после обучения они получали три рубля пятьдесят копеек и самое большее — пять рублей пятьдесят копеек в месяц. Питание надо было иметь свое.

Как правило, мальчики набирались из деревни, и им жилось на фабрике ничуть не лучше, чем Ваньке Жукову, известному по рассказу А. П. Чехова.

С семидесятих годов входят в «дело» сыновья вдовы

Витовой. В 1881 году новый хозяин А. Н. Витов снял в Москве свое торговое помещение, в котором специальный приказчик торговал отделанной в Иванове мануфактурой, и еще сильнее зашумело «Товарищество мануфактур Прасковьи Витовой с сыновьями». На одноэтажные здания надстроены вторые, а на двухэтажные — третьи этажи, в которых устанавливаются вновь приобретенные трех- и даже восьмивальные машины, а также стригальные, сушильные и другие. Количество рабочих возрастает к девяностым годам до двухсот.

В 1888 году «Товарищество» положило в свой карман 120 тысяч рублей чистой прибыли.

Одной торговой лавки в Москве было уже мало — в 1893 году появляется лавка Витовых и в Нижнем Новгороде.

Хозяева богатели и толстели, а рабочие, находясь в душных, прокисших помещениях по 13—14 часов в сутки, умирали от недоедания и недосыпания.

О пенсионном обеспечении по старости или болезни и думать не приходилось. В 1890 году «Товарищество» выделило на эти цели лишь 501 рубль, и получила их лишь одна семья умершего приказчика фабрикантов.

Правда, хозяева фабрики отчисляли небольшие деньги на постройку церкви и приобретение религиозно-нравственной литературы, и это делалось ими лишь для того, чтобы сделать рабочих своими послушными рабами.

А у рабов не на все хватало терпения. Трудно было терпеть ежедневные унижения и оскорбления, издевательства над подростками, постоянные штрафы, опустошавшие и без того мизерную заработную плату. Особенно нестерпимо было для тех, кто когда-либо осмеливался открыто высказывать недовольство невыносимыми условиями труда и жизни. И рабочие не стали терпеть. В конце 1897 года они, вспомнив, как выступали рабочие других фабрик, решительно забастовали.

Это было первое коллективное выступление рабочих фабрики Витовых.

Хозяева были вынуждены посчитаться с некоторыми требованиями забастовщиков, — продолжительность рабочего дня они сократили до одиннадцати с половиной часов.

Но разве могла облегчить положение рабочих эта жалкая уступка?

Рабочие прозревали и все яснее понимали необходимость объединения...

Наиболее смелые и политически грамотные рабочие Семенчиков и Патокин систематически посвящали их в происходящие в Петербурге и других городах события, говорили друзьям о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» и о том, что в самом Иваново-Вознесенске нелегально действует группа «Северного союза социал-демократической партии». А потом — об «Искре», о II съезде РСДРП.

С 1904 года на Петрищевской фабрике тайно действовала своя социал-демократическая ячейка. Её члены систематически сообщали рабочим, что думают и делают рабочие других фабрик Иваново-Вознесенска, а когда нужно было зачитать им какую-либо прокламацию из центра, обращение или листовку городской группы «Северного союза социал-демократической партии», они уходили в скрытые от глаз полицейских места явок.

Любимым местом проведения маевок, конспиративных собраний и митингов у иваново-вознесенских рабочих были изумрудные берега речки Талки, прикрытые густым лесом. Эти берега, лужайки и поляны были своего рода классами революционной школы.

Здесь выступали с горячими речами посланец петербургских рабочих энергичный большевик Федор Афанасьев («Отец»), Семен Балашов («Странник»), Михаил Васильевич Фрунзе («Арсений») и другие смелые революционеры.

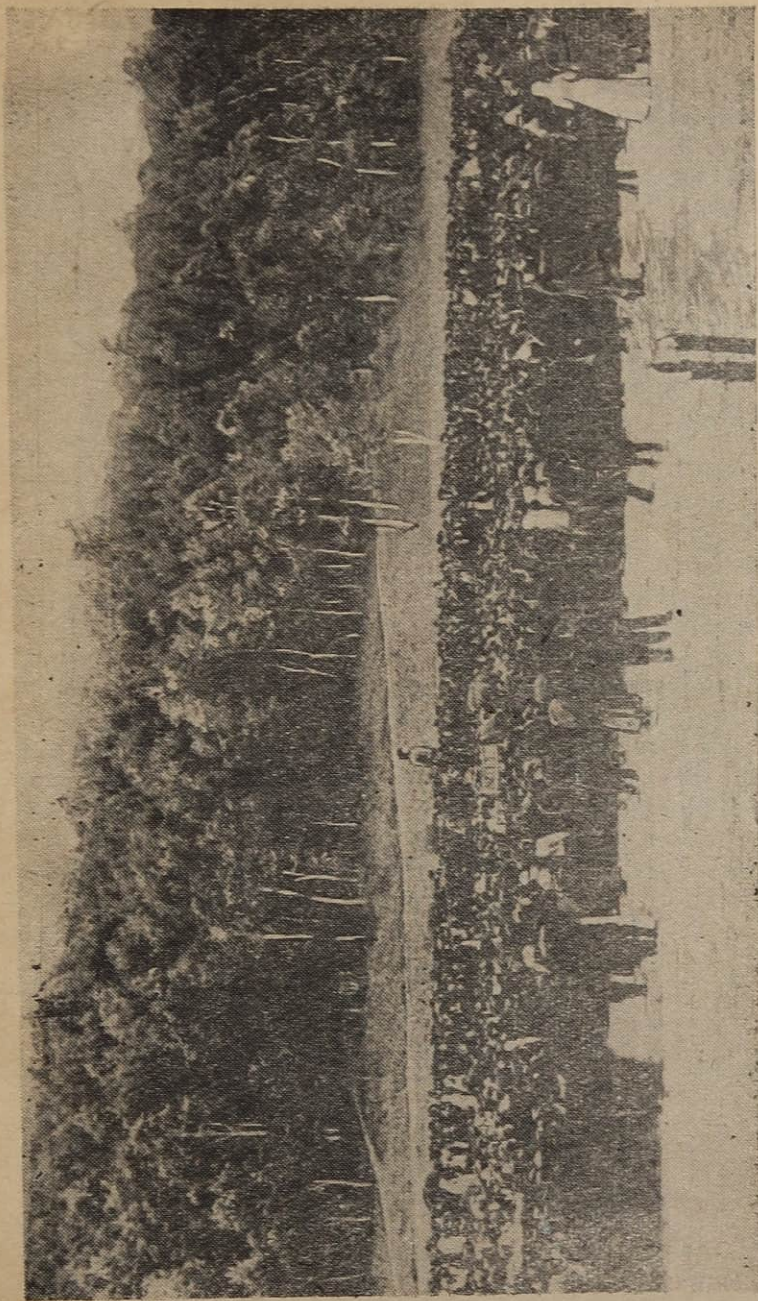
В Витовском сосновом бору в 1893 году состоялась первая маевка иваново-вознесенских рабочих, о которой рассказывал новичкам «Красной Талки» Иван Сергеевич Суриков.

На берегах Талки прошла подготовка к знаменитой всеобщей стачке текстильщиков, начавшейся в мае, а закончившейся в июле 1905 года, — когда против капиталистов и ненавистного царского самодержавия восстал, по существу, весь Иваново-Вознесенск.

Маленькая речка Талка вошла в историю рабочего революционного движения в России, в историю Коммунистической партии Советского Союза.

9 мая иваново-вознесенская группа «Северного союза» на Талке провела партийную конференцию, на которой и было принято решение начать всеобщую стачку.

Собрание иваново-вознесенских рабочих на Талке. Май 1905 г.

Сорок членов ячейки Петрищевской фабрики тайно об-суждали это решение также в здешнем лесу.

Почти ежедневно за городом, на реке Талке, собира-лись тысячи рабочих. Здесь, на собраниях, они обсужда-ли свои рабочие нужды, свои задачи...

В те памятные дни на Талке большевики вместе с ра-бочими решили создать Совет уполномоченных, и он был создан. Этот Совет, являясь фактически одним из первых Советов рабочих депутатов в России, в дни всеобщей стачки был грозой фабрикантов, и только его власть признавали рабочие.

Фабриканты Витовы на 27 июня назначили собрание пайщиков, но взрыв негодования рабочих заставил их бежать из города и отложить это собрание «ввиду, — как говорится в протоколах их «Товарищества», — исключи-тельности положения, вызванного всеобщей забастовкой рабочих и небезопасностью для господ пайщиков».

Густые леса Талки оглашались выстрелами полицей-ских, казаков и черносотенцев, решивших во что бы то ни стало восстановить в городе власть царской управы, по-давить могучую стачку текстильщиков. Поляны на Тал-ке обогрены кровью стойких борцов против эксплуатато-ров и царского самодержавия, — здесь было убито не-сколько десятков и ранено несколько сот иваново-возне-сенских рабочих.

На Талке, в витовском бору, где сейчас высятся свет-лые корпуса нового прядильного производства «Красной Талки», и там, где в 1957 году воздвигнут обелиск в честь революционных событий 1905—1907 годов и где стоит памятник бесстрашному «Отцу», зверски убитому черносотенцами, — ивановские рабочие прошли подлин-ную школу боевой и политической закалки.

О речке Талке поется в «Песне старого ткача», напи-санной живым свидетелем многих революционных собы-тий поэтом А. Н. Благовым:

Не забуду Талку,
Где волною жаркой
Речи большевистские лились,
Где за жизнь народную,
Светлую, свободную,
До конца бороться мы клялись...

Оставаясь верными клятве, иваново-вознесенские тек-стильщики еще не раз шли в бой за светлую, свободную

жизнь. Когда разгорелась первая империалистическая война и царское правительство гнало на фронт тысячи молодых людей, отрывало от семей кормильцев, ивановцы действовали так, как призывали их большевистские листовки:

«Настоящую войну мы должны стремиться всеми силами превратить в гражданскую войну...

Пусть же наша кровь прольется за наше рабочее дело, за освобождение труда, за свободу.

Долой царскую монархию!»

Шли в бой, не страшась ни тюрем, ни расстрелов...

В 1915 году, в ночь на 10 августа, полицейские произвели массовые обыски и аресты. Были арестованы многие члены городского комитета партии и партийные активисты. Среди текстильщиков, возмущенных этими облавами и арестами, началось волнение. Остановилось 32 предприятия. Тысячи людей подошли к городской управе.

— Освободить незаконно арестованных рабочих! — требовали демонстранты.

Полицейские щелкали затворами винтовок, грозили нагайками. Измученные притеснениями рабочие продолжали требовать освобождения товарищей и улучшения своего положения. Им, как 9 января 1905 года петербургским рабочим, ответили залпами... Около городской управы, на «Приказном мосту», перекинутом через овраг Кукуй (где теперь трамвайная остановка «Горсовет»), среди 30 убитых и многих раненых пали смертью бесстрашных борцов за рабочее дело трое с Витовской фабрики; их имена написаны на воздвигнутом на месте расстрела памятнике-обелиске, — это В. И. Комиссаров, А. И. Сикаев и В. М. Ковалев.

Но и этот расстрел не сломил волю текстильщиков к победе над эксплуататорами, угнетателями.

В революционном Иваново-Вознесенске, как и по всей России, росло возмущение миллионов трудящихся бесцельной империалистической войной, нужной лишь царской клике. На фронте люди гибли от пуль, в тылу — от голода и холода.

Терпение кончалось. Иваново-вознесенские рабочие еще крепче объединялись вокруг своих большевистских организаций.

Когда в Петербурге свершилась буржуазно-демокра-

тическая революция, ивановские текстильщики были полны решимости превратить эту революцию в социалистическую. В апреле 1917 года они создали свой районный профессиональный союз, который стал боевым помощником большевистской партийной организации. В профсоюз вступают все рабочие фабрики Витовых. Их активность повышается. На митингах и собраниях они выражают недовольство политикой Временного правительства, протестуют против его намерения арестовать вождя пролетариата В. И. Ленина, выступают за Советы рабочих депутатов. Фабриканты уже боятся встречаться с рабочими. Они отсиживаются в Москве. На фабрике создается рабочий комитет, который, как советовал Ленин, начинает осуществлять контроль за производством и распределением продуктов. Оказывается бессильным и ставленником фабрикантов заведующий фабрикой Фролов. Когда он пустился на провокацию, фабричный комитет специальным решением лишил его прав заведующего и взял под свою охрану фабрику.

Так, день ото дня, хозяевами положения на фабрике становятся сами рабочие.

А после Великой Октябрьской социалистической революции — и говорить не приходится. Корпуса «Витовской» фабрики, построенные за счет пота и крови трудящихся, рабочие без боязни, законно стали называть своими. Свою Петрищевскую ситценабивную и красильную мануфактуру они сохранили в годы гражданской войны, иностранной военной интервенции и разрухи, — когда она из-за отсутствия сырья не работала. А с пуском ее рабочие стали улучшать условия труда и совершенствовать производство, и уже в 1923 году выработали готовой добротной ткани больше, чем при фабрикантах.

Окрыленные историческими победами в борьбе с эксплуататорами и в войне с контрреволюционерами и интервентами, триумфальным шествием Советской власти по одной шестой части земного шара, заботой власти рабочих и крестьян о благе трудового народа, рабочие Петрищевской фабрики, или, как они стали называть ее, фабрики имени Афанасьева, не только из месяца в месяц и из года в год увеличивают в тех же корпусах выпуск готовых тканей, но и выражают горячее желание расширить фабрику, воздвигнуть новые корпуса, чтобы полнее удовлетворить потребности народа на ткани.

Хорошо в цехах фабрики «Красная Талка».

Ведь теперь — сами хозяева, и всё теперь, даже недра земли, — свое! Их труд и жизнь теперь целиком направляет их родная Ленинская партия, о них заботится ими же созданная власть. Их судьба, их счастье — в их собственных руках.

И вот в 1927 году, в светлый пролетарский праздник — 1 Мая, при огромном стечении жизнерадостных текстильщиков города, на берегу знаменитой речки Талки, в бывшем витовском сосновом бору, по решению Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР и Совета Труда и Оборона в 14 часов 30 минут в торжественной обстановке были положены первые кирпичи в здание большого прядильного производства; здесь же эту фабрику, как памятник славным революционным событиям на Талке, было решено назвать «Талкой». На самом берегу Талки был поставлен памятник «Отцу».

Строилась пароэлектроцентраль для фабрики, строился 138-квартирный дом для рабочих, устанавливалось новое оборудование. К 1 Мая 1928 года 30 тысяч прядильных веретен были уже обработаны, и с них прядильщики начали снимать пряжу. К осени крутилось уже более 70 тысяч веретен, а потом закрутились и все 120 тысяч веретен.

Так, рядом со старыми ситценабивными и красильными корпусами, выросло новое, точно дворец, прядильное производство. Оно украсило, подвесило и старые корпуса. Исторические события на Талке и красота новых и обновленных старых корпусов, видимо, и сказались в закрепившемся за прядильно-отделочной фабрикой наименовании — «Красная Талка».

Больше всего, конечно, эту фабрику украшали люди — ее боевой, прославленный в борьбе за Советскую власть коллектив и влившаяся в этот коллектив веселая, задорная молодежь — такие, как Лена Рыкунова, Надя Худякова, Шура Мишина, Вера Ветлова, Паша Колчанова, имена которых произносились на вечере с особым уважением.

Молодые энтузиасты с непреодолимым желанием вступали в социалистическое соревнование, развернувшееся по призыву Коммунистической партии. Вместо одной машины они берутся обслуживать по две, по три. Появляются ударники, ударные и стахановские бригады, виноградовские участки. В 1935 году Лена Рыкунова бе-

рется обслуживать восемь сторонков прядильных машин. С четырех — на шесть, с шести — на семь, с семи — на восемь сторонков переходит Шура Мишина. Вера Ветлова обслуживает 2048 веретен вместо 1000. Веретена четырех машин Худяковой крутятся со скоростью 14 000 оборотов в минуту.

Новаторы «Красной Талки» устанавливают мировые рекорды и по производительности прядильных машин.

Для первого и второго поколений «Красной Талки» те годы очень памятливы: Рыкунова была участницей первого Всесоюзного совещания стахановцев, Худякова была избрана делегатом VIII Чрезвычайного съезда Советов, принявшего ныне действующую, самую демократическую в мире Советскую Конституцию... Многих передовиков фабрики Советское правительство наградило орденами: Мишину — орденом Ленина, Рыкунову, Ветлову и Колчанову — Орденом Трудового Красного Знамени...

На «Вечере трех поколений» назывались имена многих достойных последователей первых новаторов фабрики: помощника мастера прядильного цеха Евдокии Лебедевой, инициатора социалистического соревнования комсомольцев; гравера отделочного производства Александра Бирина, служившего примером борьбы за отличный рисунок на ткани...

Много раз побывало на «Красной Талке» переходящее Красное Знамя Наркомтекстиля СССР и ЦК профсоюза текстильщиков.

Надолго задерживались на этой фабрике переходящие Красные Знамена в годы Великой Отечественной войны советского народа с немецкими фашистами. Помнят люди «фронтовые бригады» — патриотическое движение, начатое на «Красной Талке» молодежной бригадой Евдокии Лебедевой, горячо подхваченное бригадами Марии Даниловой, Екатерины Ивановой, а потом распространившееся и далеко за пределы фабрики, области. У многих рабочих, трудившихся по-фронтовому, навечно остались Почетные грамоты Ивановского обкома партии, ЦК профсоюза текстильщиков, ЦК ВЛКСМ.

Ни годы разрухи, вызванной гражданской войной и иностранной военной интервенцией, ни трудности освоения нового, прядильного, производства, ни тяжелые вре-

мена битвы с гитлеровскими захватчиками не остановили роста фабрики.

В 1924 году ежедневно отделявалось ткани почти в два раза больше, чем в 1923 году, а в 1927 году — уже более, чем в два раза... В 1944 военном году только сверх плана отделочники выдали стране более девяти миллионов метров готовой ткани.

Фабриканты Витовы в 1913 году выпустили 36 миллионов 656 метров ткани. К 1940 году отделочники «Красной Талки» давали готовой ткани в два раза больше, а к 1956 году — в четыре раза.

В первый год работы прядильщики выработали 2508 тонн пряжи, а в 1940 году на той же производственной площади — уже 7226 тонн, то есть в три раза больше, чем в 1930 году. В 1956 году они выдали ткачам уже 8355 тонн добротной пряжи.

В 1930 году на каждую тысячу веретен ежечасно выработывалось 488 килономеров пряжи, а на одного рабочего — 109 килономеров, а к 1940 году — 639 и 139 килономеров, в 1950 году — 601 и 136, в 1957 году — 697 и 163 килономера.

Выходит, что американские прядильщики остались позади «Красной Талки» еще в сороковых годах.

Но это средние показатели. У многих рабочих «Красной Талки», — например, у прядильщиков бригады Екатерины Ивановой, на которых с завистью поглядывают новички, — показатели, как уже говорилось, выше.

Не хуже, чем самые лучшие цифры, радуют людей рисунки на ситце, сатине, фланели и штапельных тканях фабрики, выполненные большим мастером текстильного рисунка Иваном Петровичем Хохлычевым и его учениками, на тканях, с большим вкусом художественно оформляемых колористами фабрики под руководством известного даже за границей специалиста в этой области Владимира Васильевича Бровцева.

Примечательно и то, что лучшие страницы истории фабрики связаны с именами женщин, и это понятно: они неузнаваемо выросли и изменились.

Двадцати пяти производственницам оказана честь быть депутатами районного, городского и областного Советов депутатов трудящихся, сотне — профсоюзными организаторами.

Еще до появления рабочих с аттестатами зрелости на

фабрике было 140 женщин со средним и высшим образованием, и среди них — двадцать мастеров и пятнадцать начальников цехов. Женщина стала не только решающей силой в текстильном производстве, но и силой, играющей важную роль в общественно-политической жизни. Двадцать женщин руководят партийными группами на производстве.

Приятно слушать о славной истории славного коллектива, о его росте, достижениях и верить, что борьба за высокие показатели, за рекорды не была какими-то временными, случайными рывками, а был это планомерный, технически обоснованный подъем коллектива, выросшего культурно и технически, работающего в свободной стране, на себя, на свое родное государство.

Конечно, новички многое из этого слышали и до «вечера трех поколений», но то были частные беседы со старшими товарищами, отрывочные сведения. Здесь же... и вчерашнему новичку нельзя было не почувствовать, как приходит к тебе гордость за фабрику, рабочим которой ты решаешься стать.

Особенно «поразительно» было то, как позапрошгодние и даже прошгодние новички берегут честь славного коллектива, как крепят и готовятся приумножить традиции первого и второго поколений «Красной Талки».

Этот вечер не оставлял нерешительности у тех, у кого она еще оставалась.

Нина Волошина, идя с вечера, вспомнила, как первое время ее «обжигала» мысль, что придется оставить учебу, и засмеялась.

— Ивановская прядильщица! — крепко взяла она за руку Ларису Чибиреву.

Чибирева хотела пока ни о чем не разговаривать, хотелось просто подумать, помечтать, но не удержалась.

— Что тебе смешно? — спросила она Нину. — А потом я не прядильщица и не ивановская.

— Я про себя... Хотя я и краснодарская.

Волошина заговорила о том, что было на уме:

— Знаешь, Лариса, устроимся учиться, и все будет хорошо.

Чибирева уже давно об этом думала.

— Я тоже думала, — начала она, — что будет трудно и мы долго не сможем поступить учиться.

— Тебе нравится работать мотальщицей? — Волоши-

на решила вызвать подругу на еще большую откровенность.

— А тебе прядильщицей? — в свою очередь спросила Лариса.

— Нравится.

— И мне.

Приезжие подруги расхохотались и незаметно пробежали по мосту на Талке. Дорогой домой похвалились, что их заработки стали почти такими же, как и у опытных работниц. Нина назвала фамилию одной девушки, окончившей школу ФЗУ, у которой показатели были хуже, чем у нее.

В общежитии решили узнать настроение Вали Тюриной.

— А я давно так думаю, — сказала Валя. — Скоро нам новые машины поставят...

Будущий или уже настоящий гравер Неля Филькина, как старая работница, начинала даже журить свою подружку, ученицу браковщицы Ларису Логинову, если та сетовала на какие-нибудь трудности.

— Да что ты, — оправдывалась и успокаивала подругу Логинова, — разве я уйду из браковочного отдела... Люди там замечательные...

Трудно было бы расстаться со своими новыми сверстниками — прошлогодними и позапрошлогодними новичками: с ними весело и на работе, и в клубе, и на гулянках. Пример первых товарищей облегчал и саму жизнь, и освоение профессий. Они, казалось, сильнее всех привязывали нынешних новичков к «Красной Талке».

Молодежная гребнечесальная бригада Альберта Гусева, точно бригада Евдокии Лебедевой в свое время, среди фабричной молодежи явилась инициатором социалистического соревнования в честь сорокалетия Великого Октября, — на это ей дали показатели ее работы. Сам комсорг Гусев стал рационализатором, — заменил шестеренные передачи подъемников на холстовытяжных машинах цепными, и производительность этих машин намного увеличилась.

Раклист Николай Созинов, добившись резкого снижения весового и мерного лоскута, выступил в фабричном лектории с лекцией о том, как он организует труд на печатной машине и как добывается успеха.

Николай учился печатанию тканей у большого ма-

стера этого дела, пятьдесят лет проработавшего в печатном цехе, Александра Степановича Сидорова, ныне пенсионера. Узнал о лекции ученика учитель, о его методах работы и с гордостью за него сказал:

— Я так и думал... Молодец!

А потом добавил:

— Ну и молодежь нынче пошла!

Созинова вскоре перевели на новый агрегат АОЖ-2 машинистом.

Стала обгонять своих учителей и Ева Кузнецова. Они с большим вниманием слушали ее рассказ о своем опыте работы также в фабричной лектории.

Любовь Орлова, научившись у Веры Ветловой присучать нить к мычке без скручивания, у всасывающего патрубка мычкоуловителя, стала по полгода подряд вырбатывать только отличную пряжу.

Вступив в соревнование, начатое бригадой Гусева, Надя Трухан взялась обслуживать 1200 веретен, вместо 860 по норме; при этом часовая выработка пряжи дошла до 972 килономеров на 1000 веретен против 816 по норме. Имя Нади было занесено на городскую Доску почета. ЦК ВЛКСМ наградил ее Почетной грамотой.

Видя такие примеры, не станешь плохо относиться к делу!

Казалось, совсем не на чем было проявить себя электрику Владиславу Быкову, но нет — и его уже похвалили. Он показал пример, как можно экономить время и материалы.

Позапрошлогодние и прошлогодние новички, закончившие и незакончившие средние школы, проложили для нынешних новичков и дороги в учебные заведения. Альберт Гусев и Владислав Быков «без отрыва от производства» заканчивают десятилетку. Закончив школу фабрично-заводского ученичества, решила пополнить свои общеобразовательные знания в старших классах фабричной средней школы Надя Трухан. Ева Кузнецова думает получить среднее техническое образование в хлопчатобумажном техникуме.

Таковы на «Красной Талке» традиции — работать и учиться, расти. Так было с Еленой Николаевной Рыкуновой, закончившей промакадемию, с Павлой Николаевной Колчановой, ставшей аспиранткой текстильного института, с бывшим кузнецом, ныне мастером Геннадием Пла-

тоновым; так — и с теми, кто вновь приходит на фабрику. Учится больше половины состава рабочих и служащих фабрики; в одной только фабричной средней школе — более трехсот человек.

Люди с «Красной Галки» учатся почти во всех средних и высших учебных заведениях города Иванова, даже в медицинских и педагогических.

Условия, созданные Советской властью, позволяют учиться и успешно заканчивать средние и высшие учебные заведения и «без отрыва от производства».

И как не учиться тем рабочим, у кого есть страстное желание продолжать образование после десятилетки!

...Люди первого поколения, заслужившие хорошо обеспеченный отдых, уходят и уходят с фабрики. Но на их место приходят и приходят молодые — свежие, как яблоки румяные, чаще — со средним образованием, реже — с семилетним.

Радует стариков это чудесное явление нашего времени.

— Надежная смена! — с гордостью произносят они, оглядывая своих преемников.

Первыми «поводырями», первыми советчиками новых молодых рабочих являются все же те, к кому можно подойти без особого стеснения, — вчерашние новички. А вчерашними стали и такие, как Слава Быков, Неля Филькина, Лариса Логинова, Нина Волошина, Валя Тюрина, Лариса Чибирева.

Они пришли на фабрику как раз в период освоения новых, технически обоснованных норм выработки, с которыми не сразу стали справляться даже опытные рабочие, — казалось, они не скоро освоят свои профессии и эти нормы, но нет — они идут вровень с квалифицированными прядильщиками и отделочниками. Учителя не стыдятся за своих учеников.

Правда, в фабричном лектории с указкой в руках перед чертежами и диаграммами «новички» опытом работы еще не делились, но и у них появились «подшефные»...

На фабрике никто — ни секретарь парткома Василий Степанович Тощев, ни секретарь комитета комсомола Зоя Ермолаева, ни директор Павел Николаевич Лукоянов, ни председатель фабкома Елена Николаевна Рыкунова — не помнит, кто первый подал мысль о вечере рабочих-десятиклассников, — скорей всего сама молодежь,

но все — и партком, и комитет комсомола, и директор, и фабком — сразу, без оговорок, одобрили эту «идею». И такой вечер состоялся.

В приветливо оформленном зрительном зале клуба фабрики собралось около трехсот юношей и девушек — сегодняшних, вчерашних и позавчерашних новичков. Все, как школьные друзья, шутили, смеялись, пели песни в ожидании открытия вечера.

На трибуну вышел директор. Взглянув в зал, он улыбнулся: видно, «чудесное явление», новое украшение фабрики радовало старого советского хозяйственного руководителя.

— На «Красную Талку», — начал он, — все больше и больше приходит молодых людей со средним образованием. Вон уже сколько вас стало! — и директор вскинул руку так, как будто хотел показать, как длинен зрительный зал. — С аттестатами зрелости вы заняли места за машинами нашей фабрики в то время, когда наша страна первой в мире, впервые в истории человечества послала в космическое пространство первые искусственные спутники земли. Прежде, чем приступить к труду, вы получили хорошее образование; вам знакомы законы природы и общества; мы убедились, что вам во много раз легче изучить технику и овладеть ею. Вам, совершенно новым людям, в знаменательное время передается эстафета трудовой славы «Красной Талки». Мы радуемся, что вы пришли к нам. Мы радуемся за вас, что вы пришли на фабрику, которая стоит, как монумент, воздвигнутый в память нашим отцам и матерям, завоевавшим нам Советскую власть. Вы будете гордиться «Красной Талкой». Да и как ею не гордиться!..

Только после такого вступления директор сообщил цель вечера:

— Мы просто хотим поближе познакомиться с вами, познакомить вас друг с другом, получше узнать в откровенной товарищеской беседе ваши трудности и нужды, услышать, как осваивались на фабрике, преодолевали трудности те, кто еще вчера считался новичком.

И беседа была действительно товарищеская и откровенная. Только о трудностях и нуждах мало говорила молодежь.

— Те трудности, с которыми мы встретились вначале, — сказала с трибуны высокая, веселая девушка, мо-

тальщица Лариса Чибирева,— теперь и вспоминать как-то неловко... Смешно как-то... Нас было трое: я — из Ялты, Нина Волошина — из Краснодара, Валя Тюрина — из Горького. Познакомились мы в Иванове. Приехали сдавать экзамены в один институт, а оказались рабочими «Красной Талки». Поволновались сначала... Как же, думаем, расстаться с мыслью об учебе. А и расставаться-то, оказывается, с ней не пришлось, — получилось очень хорошо: все трое работаем на одной фабрике и все трое учимся, я — на вечернем отделении текстильного института, Валя и Нина — в текстильном техникуме. Даже очень хорошо получилось: работа на текстильной фабрике помогает нам хорошо учиться, а учеба — хорошо работать. Все мы выполняем и перевыполняем новые нормы.

Сделав паузу, Лариса весело посмотрела в зал и сказала:

— Не робейте, наши новые товарищи! Полюбится вам «Красная Талка», так же, как нам.

Вале Тюриной, видимо, показалось, что ее подруга сказала не всё, и она попросила слова:

— Девушки! — запальчиво произнесла она. — Я тоже недавно окончила десятилетку, а сейчас вот работаю мотальщицей на «Красной Талке»... Здесь все дорожат честью этой славной фабрики... Молодежь здесь хорошая, веселая. Я и не думала, что так хорошо и интересно будет жить после школы..

Валя тоже вдруг о чем-то вспомнила и сделала маленькую паузу.

— Знаете, девушки, — оживилась она, — я бы не смогла расстаться с этим коллективом. Ни за что! Пусть что угодно...

Много выступило здесь молодых людей с аттестатами зрелости, и почти все говорили об учебе, — она, видно, стала потребностью новых советских людей, творцов самого передового на земле; это, видимо, еще беспокоило последних новичков.

— Об учебе я тоже могу сказать, — говорила в конце своего выступления молодая гребенщица Зина Носарева. — Я пришла на фабрику с пятью классами. А думаете: я так и осталась? Мне сразу помогли поступить в шестой класс школы рабочей молодежи. И я аттестат зрелости получила. Но я и на этом не остановилась. Мне реко-

мендовали поступить в хлопчатобумажный техникум, и я поступила. Теперь я рабочая и студентка...

А закончила Зина свое выступление так:

— На нашей фабрике и нельзя не учиться... У нас многие учатся.

... Потом был веселый, интересный концерт. На клубной сцене выступали такие же молодые люди. Аплодисментами встречались Вячеслав Сидоров и Владислав Быков. Тем же и провожали их. Читали вдохновенные стихи поэтов своей фабрики — Николая Часова и Михаила Артамонова. В перерывах — танцевали.

Это был вечер настоящей дружбы и подлинной спайки нового поколения «Красной Талки».

До самого конца вечера сидели в зрительном зале или в соседних комнатах клуба директор фабрики, секретарь парткома, председатель фабкома. Уже серебром отсвечивают их головы, но, казалось, и они чувствовали молодость. А, может быть, под впечатлением искренних речей нового поколения фабрики они здесь обсуждали, как в недалеком будущем «Красная Талка» вновь прославит себя.

С. ЯКОВЛЕВ

Меланжевый....

Шумным потоком люди устремляются туда, где высятся гигантские красные корпуса с длинными полосами — окнами. Асфальтированный тротуар ведет к небольшой проходной будке, а от нее — в густые аллеи двора-сада.

Меланжевый комбинат... День и ночь гудят его корпуса и, кажется, вместе с ними гудит сама земля, на которой они стоят. Днем и ночью, не останавливаясь ни на минуту, крутятся прядильные веретена, деловито бегают ткацкие челноки. Тысячами метров идет ткань — красивая, добротная...

А люди идут и идут, чтобы сменить у станков и машин своих товарищей. Здесь, в этих гигантских корпусах, будут нести трудовую вахту они, замечательные люди — меланжисты.

Обычное рабочее утро.

Старые фотографии

В столе у заведующей кабинетом партийного просвещения при парткоме комбината лежит картонная коробочка. На первый взгляд коробочка ничем непримечательна, но то, что в ней содержится, не поддается никакой оценке. Здесь — почти тридцатилетняя история текстильного гиганта, детища первых пятилеток.

В коробочке лежат старые, уже начавшие желтеть фотографии. Как самую дорогую память берегут на ком-

бинате пожелтевшие от времени снимки. Только очень немногим разрешается брать старые фотографии: тем, например, кто своими руками создавал эту гордость ивановцев, а потом встал за машины и станки, кто делал замечательную историю этого предприятия.

Частенько заходит сюда высокий, не по годам подвижный человек — Дмитрий Владимирович Кудряшов, начальник второго ткацкого цеха. Берет он заветную коробочку, осторожно раскладывает на столе фотографии и углубляется в воспоминания.

Дмитрий Владимирович видит себя простоватым деревенским парнем, пришедшим с прорабом на пустынное кочковатое поле.

— Здесь будет комбинат! — сказал ему тогда прораб.

Никакой строительной специальности у Дмитрия не было. Но он брался за любое дело, которое ему поручали: возил кирпичи, куда было надо, копал землю там, где надо было копать.

В восемнадцать лет человеку, обладающему хорошим здоровьем, незаурядной силой, никакая работа не страшна...

Потом из разнорабочего Дмитрий Кудряшов стал землекопом, затем бетонщиком и наконец — штукатуром.

И вот стройка закончена. Начался монтаж оборудования цехов, задымила котельная. Вместе со многими строителями Кудряшов не захотел расставаться с комбинатом, построенным и его руками. Его послали на курсы для овладения текстильной специальностью. Через год Дмитрий Кудряшов — ткач.

В то время — в тридцатом году — за станками трудились не только женщины-ткачихи, как сейчас. Почти половину ткачей составляли мужчины или юноши, подобно Дмитрию Кудряшову. И все они непрерывно учились мастерству, повышали квалификацию, изучали технику. Учился и Дмитрий Кудряшов на курсах помощников мастеров. Вскоре он сдал экзамены и получил комплект.

Дела у молодого помощника мастера пошли успешно. Его бригада одной из первых достигла запроектированной производительности, на протяжении многих лет была ведущей в цехе, а бригадир — есть что вспомнить

сейчас Дмитрию Владимировичу — за десять лет получил двадцать премий.

Человека знающего, умеющего, пытливого и умного у нас никогда не оставят не замеченным. Заметили и Дмитрия Кудряшова. Его, как опытного специалиста своего дела, выдвинули на должность мастера, позднее, в годы Великой Отечественной войны — на должность начальника цеха.

Четырнадцать лет прошло с тех пор. Ныне Дмитрия Владимировича Кудряшова знают как всеми уважаемого на комбинате человека. За доблестный труд он удостоен высокой правительственной награды...

Дмитрий Владимирович перебирает старые фотографии.

Вот два снимка. На одном — в углу стоит дата: апрель 1928 года — поле, кочки, низенькие елочки и — пни, пни повсюду: большие деревья спилены. На переднем плане редкая дощатая изгородь, ограничивающая участок будущей стройки. В небольших земных впадинах виден снег. На другом снимке — та же картина, только рядом с изгородью два рабочих укладывают в штабели тес. Неподалеку стоит телега, запряженная понурившейся лошадкой: надо помнить, что это было начало 1928 года!

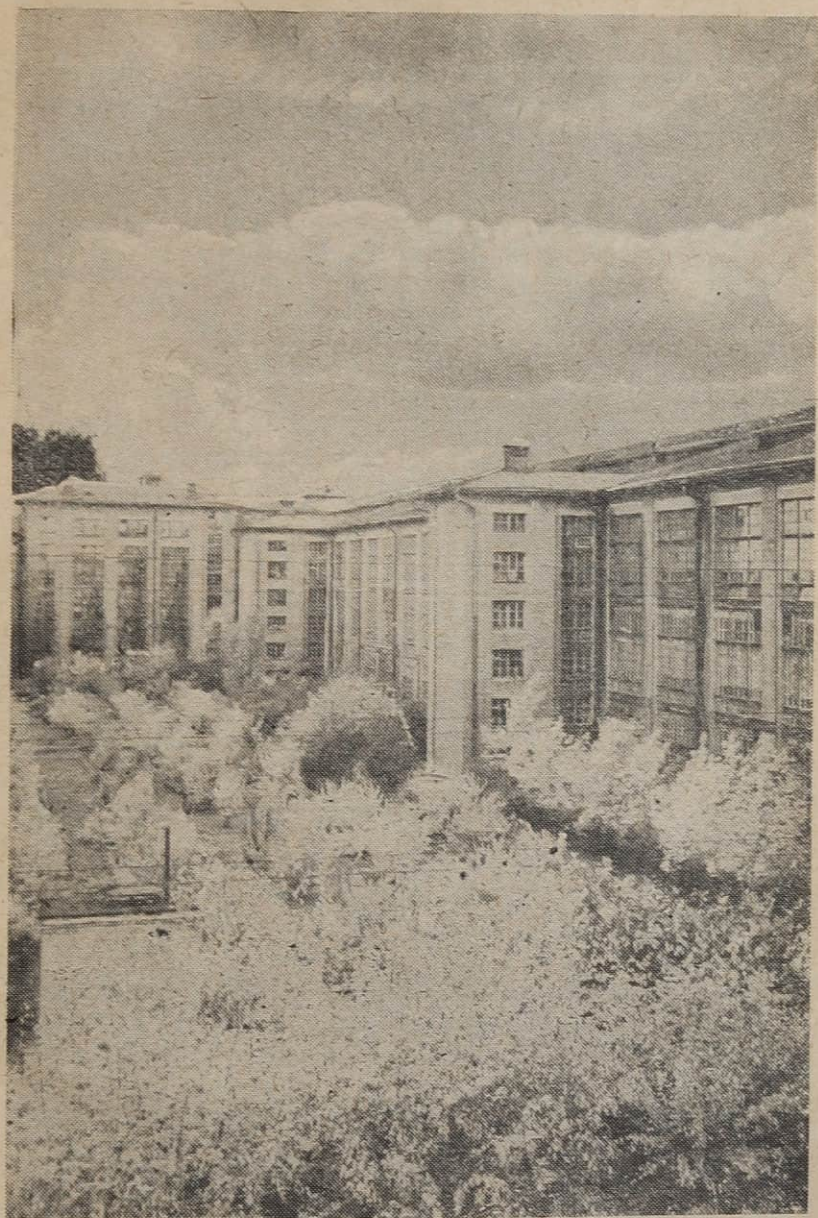
На следующем снимке — глубокая траншея. На дне весенняя грязь. Землекопы — их на снимке одиннадцать человек — лопатами продолжают копать землю, выкидывая ее наверх, в стоящие на краю траншеи тачки. Кругом поле, там и тут высятся горы строительных материалов. Еще одно фото: первая, кирпичная стена. Несколько каменщиков, стоя на земле, кладут первые кирпичи. Рядом стоят с тачками, наполненными кирпичом, разнорабочие. Вон тот высокий в распахнутой косоворотке — Дмитрий Кудряшов: заметил фотографа и с удивлением следит за его манипуляциями.

Как пушкинский Пимен, вел фотограф эту фотолетпись сооружения комбината.

Вот на снимке, в углу, дата: «6/VI—1928». Видна та же стена, но она уже выросла, стала длиннее и выше. Теперь каменщики стоят уже не на земле, а на трехметровых лесах.

Другое фото от того же 6 июня 1928 года запечатлело многозначительную картину: среди куч кирпича и

Меланжевый комбинат имени К. И. Фролова.

булыжника вбит в землю высокий шест, на нем доска с вполне различимой надписью: «Корпус прядильн. на 116 744 веретена». Чудно как-то: здесь речь о прядильном корпусе, а около вывески — сплошная стена леса...

Снимки ложатся на стол. На одном запечатлена сцена установки чугунных колонн, на другом — густая сетка лесов, сквозь которую не скоро разглядишь стены. Наверху, на уровне третьего этажа, едва различимы человеческие фигурки, и где-то среди них — Дмитрий Кудряшов. Рядом подъемный кран с неподвижной стрелой: в те времена это была наиновейшая новинка строительной техники.

Следующее фото — панорама всего строительства комбината, занявшего не один десяток квадратных километров. Слева высокие стены прядильного корпуса, справа — ребристые контуры одноэтажной ткацкой фабрики. Это фото сделано уже глубокой осенью. На строительной площадке лежит снег, в глубоких выбоинах — вода, покрытая стеклянкой льда.

Зима. Вокруг высокие насыпи снега, и только на стройплощадках расчищено. Строительство ведется лишь восьмой месяц, а прядильный корпус уже стоит таким, каким мы привыкли его видеть и поныне. Крыша покрыта, леса сняты. Но цехи пусты. Фотография показывает пустоту оконных проемов в левом крыле корпуса. И стройка не прекращается, ее дыхание по-прежнему бурно.

Несколько других снимков зафиксировали завершающие этапы стройки. И вот на одной из фотографий, помеченной сентябрем 1929 года, изображен внутренний вид ткацкого цеха. Под брезентом стоят станки, уже установленные на постоянном месте. Рядом монтируются остальные.

Последний снимок — панорама: благоустроенная, тщательно распланированная территория, устроены газоны, цветники; над входом в главную контору большой портрет В. И. Ленина...

Прежде, чем уложить снимки обратно, посетители рассматривают еще одну, будто нарочно положенную сюда фотографию, сделанную почти через двадцать лет. Огромный митинг, тысячи людей, не видно конца человеческим головам. А на переднем плане украшенная кумачом и цветами трибуна. На ней министр вручает ди-

ректору комбината переходящее Красное Знамя Совета Министров СССР. Сзади видны сверкающие стеклом стены корпуса. А кругом стоят радостные люди, счастливые от сознания одержанной победы. И среди них — те, кто своими руками возводил это чудо текстильной индустрии...

Волей рабочего класса...

25 октября 1917 года залпы пушек «Авроры» возвестили начало наступления новой эпохи в развитии человеческого общества. Началась эра социализма.

Плохое, бедное наследство получили большевики, рабочий класс нашей страны. Полуфеодальная, полукapиталистическая Россия отстала от многих государств Европы и Америки в техническом и экономическом отношениях.

Партия большевиков взяла, прежде всего, курс на социалистическую индустриализацию страны. Мы должны были в короткий срок догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны в технике и экономике.

Мы должны были обеспечить быстрый рост индустрии, а затем — подъем сельского хозяйства.

Мы должны были неуклонно укреплять обороноспособность Советского Союза.

Советский народ приступил к осуществлению первого пятилетнего плана. Значительную часть в этом плане составляло строительство новых фабрик и заводов.

Основной задачей первой пятилетки, вполне понятно, было развитие тяжелой промышленности и особенно — машиностроения. Ведь именно так только можно было создать базу для бурного роста всей экономики.

Но наряду с развитием тяжелой промышленности планом было намечено и увеличение производства продукции легкой промышленности.

В царской России население обеспечивали легкой тканью многочисленные фабрики Иваново-Вознесенского края, Московской и Петербургской губерний. Одежной же тканью снабжал крупный текстильный район Лодзи. Но фабричной ткани было далеко недостаточно.

После первой мировой войны, когда Польша получила самостоятельность, Лодзь отошла от России к ней.

К этому надо добавить, что русская текстильная промышленность после гражданской войны оказалась в состоянии крайнего разрушения. А потребность в тканях все возрастала. И особенный недостаток ощущался в одежных тканях, т. е. тканях, идущих на изготовление костюмов и пальто. Необходимо было начать строительство крупного текстильного предприятия, вырабатывающего такие ткани.

...Председатель правления Иваново-Вознесенского текстильного треста Константин Иванович Фролов провел много вечеров с инженерами, обдумывая зародившийся у местных большевиков план: построить в городе такое предприятие по производству одежных тканей, какого в стране еще не было. Наконец, все необходимые подсчеты и расчеты сделаны. И Константин Иванович поехал в Москву, в Высший Совет Народного Хозяйства.

Фролова принял сам председатель ВСНХ Валерий Владимирович Куйбышев. Куйбышев знал этого человека как ветерана революционной борьбы иваново-вознесенского пролетариата, а затем как умного, знающего свое дело специалиста-текстильщика. Предложение о строительстве в Иваново-Вознесенске крупного комбината по производству меланжевых тканей показалось Куйбышеву вполне обоснованным и теоретически и практически. Тогда он вынес это предложение на обсуждение Президиума ВСНХ.

Фролов вернулся в Иваново-Вознесенск. И вот 21 сентября 1927 года ему позвонили из управления делами ВСНХ:

— Вам ассигнованы первые 130 тысяч рублей на сооружение железнодорожной ветки к строительной площадке...

Надо ли говорить, сколько радости принесло это известие! Значит предложение принято, в Иваново-Вознесенске будет построен большой комбинат! Не откладывая дела в долгий ящик, Фролов посадил группу известных инженеров — Рожкова, Матисена, Богданова, Блюера, Рудницкого, Бухарова — за детальную разработку проекта строительства.

В Иванове, а особенно в районах еще есть отдельные фабрики, сохранившие в основном свой дореволюционный облик. Побывайте там, а потом зайдите на Меланжевый комбинат: какая громадная разница! И это

потому, что перед проектировщиками была поставлена задача: надо построить предприятие социалистического типа, во всех отношениях отличающееся от старых капиталистических фабрик. Перед проектировщиками стояли такие условия:

корпуса комбината должны быть просторными, с достаточным количеством света и воздуха;

машины и станки расставить так, чтобы не было тесноты и несчастных случаев при транспортировке полуфабрикатов;

чтобы вентиляционная система отвечала всем требованиям передовой промышленной санитарии и охраны труда, чтобы в цехах был постоянно свежий, чистый воздух.

Это были неслыханные до сих пор в текстильном производстве требования. Но проектировщики знали одно: предприятие должно быть социалистического типа, а ведь социализм до тех пор — тоже вещь невиданная!

...И вот наступил день, памятный многим ивановцам, — день 1 Мая 1928 года.

Тысячи рабочих города вышли на демонстрацию, чтобы отметить международный пролетарский праздник. После короткого митинга на площади Дворца Труда красочные колонны разделились. Одна колонна направилась на место закладки 104-квартирного дома на углу Батуриной и Советской улиц, другая — на закладку здания Политехнического (ныне химико-технологического) института, третья, самая большая часть демонстрантов, — на железнодорожную станцию для поездки к месту закладки Меланжевого комбината.

Три громадных железнодорожных состава доставили демонстрантов на территорию будущего комбината. Никогда не видели такого скопления народа, такого количества кумачевых стягов, знамен тихая Рылиха и новый небольшой рабочий поселок Соснево. Колонны выстроились на открытой, только что очищенной от деревьев и кустарников площадке. Здесь, за временной оградой, уже были вырыты траншеи для фундамента...

К началу митинга взвивается ввысь красный штандарт. На трибуну, возведенную около строящейся бани, поднялись гости, руководители губернских и столичных организаций.

Первыми иваново-вознесенских пролетариев приветствовали приехавшие из Москвы гости — представители Всесоюзного текстильного синдиката, Центрального комитета профсоюза строителей, затем — руководители губкома партии, губпрофсовета, губкомов профсоюзов строителей и текстильщиков, городского Совета депутатов трудящихся, инженеры и рабочие стройки. Затем председатель «Текстильстроя» огласил приказ о «немедленном приступлении к работам по сооружению производственных помещений комбината».

Митинг окончен. Председательствующий положил его протокол в отделанную серебром папку. Протокол митинга был на редкость кратким:

«Волей рабочего класса Союза Советских Социалистических Республик, в день праздника международной рабочей солидарности, на 11 году диктатуры пролетариата, 1 Мая 1928 года, в городе Иваново-Вознесенске начат постройкой Меланжевый комбинат».

Инженер Струков взял папку и спустился в котлован. Грянул «Интернационал». Под его величественные звуки инженер заложил папку в приготовленное для нее место и положил первые кирпичи. Застрекотали киноаппараты, запечатлевая на пленку момент закладки. Защелкали затворы фотоаппаратов.

Строительство Меланжевого комбината началось!

«Событие исключительное...»

Мы привыкли слышать и говорить: «Меланжевый комбинат. Меланжевые ткани». Что же означает это слово — меланжевый?

Оно происходит от французского слова «меланж», что означает «смесь». Комбинат вырабатывает пряжу, которая называется меланжевой, и ткань — тоже меланжевую. Причем же здесь «меланж» — смесь?

А дело в том, что на всех других хлопчатобумажных фабриках пряжу делают из белого хлопка, каким он вырос на знойных южных плантациях, и ткань поэтому вырабатывается белая. А на Меланжевом комбинате хлопок предварительно окрашивают в несколько цветов, потом смешивают («меланжируют») и получают множество других цветов и оттенков. Из пряжи, выработан-

ной из такого разноцветного хлопка, специалисты составляют различные комбинации и получаются красивые ткани, годные на любой костюм. От пестротканых или крашенных меланжевая ткань отличается своеобразным цветовым эффектом.

И еще одним отличается комбинат от других фабрик. Большинство из них занято чем-нибудь одним — или ткачеством, или прядением, или отделкой. Например, на фабриках имени 8 Марта, имени Кирова, имени Крупской только ткут. Пряжу они получают с других фабрик. На «Красной Талке» есть прядильное и отделочное производства, но нет ткацкого, на фабриках имени Балашова, имени Варенцовой — прядильное и ткацкое, но нет отделочного, а на Большой Ивановской мануфактуре и фабрике имени Жиделева есть ткацкое и отделочное производства, но нет прядильного.

Меланжевый потому и называется комбинатом, что здесь есть все производства: и прядильное, и ткацкое, и отделочное. Сюда привозят чистый белый хлопок, а увозят отсюда замечательную готовую ткань прямо на швейные фабрики — шить костюмы.

Процесс производства меланжевых тканей — сложный процесс. Строительство предприятия с такой технологией, освоение ее — дело для наших инженеров тогда, в двадцатых годах, было неизвестным: в старой России ничего подобного не было. Но раз это нужно для народа, инженеры взялись за него.

Специалисты-текстильщики Матисен, Богданов, Блюер и другие, прежде, чем начать проектирование комбината, ездили в заграничную командировку. Там они многое восприняли, но главное — метод непрерывного крашения хлопка: ведь комбинат будет мощным предприятием и периодическим крашением хлопка его не обеспечишь сырьем для непрерывной работы.

Метод непрерывного крашения, конечно, самый невыгодный. Но где взять для этого необходимые машины? Советское машиностроение в то время еще не в состоянии было их дать. Пришлось обращаться к заграничным фирмам. В Англии был один завод, выпускавший аппараты непрерывного крашения. Узнав о нуждах русских, его хозяин Брендвуд очень обрадовался: ему угрожало кризис, потому что никто не делал заказов. Отличаясь высокой производительностью, его аппа-

рат вполне обеспечивал крашеным хлопком не одну, а несколько фабрик.

Когда Брендвуд узнал, о том, что русские хотели бы заказать не один, а сразу три аппарата и притом только для одного предприятия, он не поверил. Заказ, конечно, был принят, но сомнение — сумеют ли русские полностью загрузить это высокопроизводительное оборудование — не рассеялось. Впоследствии капиталист убедился, что сомнения его были не обоснованными. Ветераны-меланжисты рассказывают такой случай. Брендвуд, получив известие о том, что его аппараты уже работают, решил сам посмотреть на необычное предприятие. Когда приехал в Иваново и пришел в хлопкокраильный цех Меланжевого комбината, он был поражен гигантским размахом производства. А инженеры и рабочие, с которыми он вступал в беседу, твердили одно:

— Маловато нам этих аппаратов, мистер Брендвуд. Еще бы один, а то и парочку.

Закоренелым капиталистом был этот англичанин, но и он поверил: русским любая сложная задача по плечу. И, хотя ему могли грозить неприятности (в то время отношения Англии с Советским Союзом были натянутыми), не только заключил договор на поставку новых аппаратов, но и предложил патент на их изготовление в СССР...

...Итак, строительство Меланжевого комбината началось. Оно пошло быстрыми темпами, несмотря на отсутствие многих необходимых строительных механизмов, привычных в наше время. В сооружении комбината, объявленном всенародной стройкой, участвовали не только рабочие Иваново-Вознесенска, но и люди из многих других мест страны.

Строительство развернулось громадное. Для того, чтобы представить его размах, можно привести такие цифры: кирпича на возведение стен было израсходовано свыше 10 миллионов штук, цемента — 75 тысяч бочек, гравия — 1400 вагонов, леса — 1680, булыжника — 1000 вагонов.

С каждым днем росли корпуса фабрик комбината. С каждым днем все быстрее двигались по дощатым настилам тачки, груженные кирпичом, раствором. Несмотря на усталость, строители — в большинстве молодежь — с веселыми шутками, подбадривая и подзадоривая друг друга,

ривая друг друга, с упорством трудились с раннего утра до наступления темноты.

Строительство корпусов прядильной и ткацкой фабрик велось одновременно. Оно длилось всего полтора года. Уже летом 1929 года в недостроенных еще зданиях начался монтаж оборудования. И строители и монтажники спешили: они дали торжественное обещание пустить комбинат к 12-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции — к 7 ноября 1929 года.

И вот эти незабываемые дни наступили. 5 ноября монтажники и эксплуатационники опробовали, испытали станки и машины. Торжество пуска было назначено на 7 ноября.

...В десять часов утра во дворе комбината, еще не везде очищенном от остатков строительного мусора, собрались тысячи людей на митинг. У фасада прядильной фабрики стояли, тесно прижавшись друг к другу, рабочие текстильных предприятий города, строители. В полном составе пришла комсомольская организация, выросшая за время стройки почти до трехсот человек.

На трибуне — партийные и советские работники, ударники стройки и среди них — лучшие молодые строители. На трибуну поднялись и смуглые люди в восточных полосатых халатах и тюбетейках. Это вместе с рабочими отметить большой праздник приехали далекие гости — среднеазиатские хлопкоробы.

Появился на трибуне и пожилой человек с небольшими поседевшими усами. Это был Емельян Михайлович Ярославский. Ивановцы знали его как одного из старейших деятелей революции. В то время Ярославский был секретарем партколлегии Центральной Контрольной Комиссии и членом ЦК партии. Его знали и как видного ученого, автора ряда замечательных работ по истории партии и революционного движения в России.

Е. М. Ярославский выступил на митинге с пламенной речью. Она особенно запомнилась присутствовавшим на митинге. Он сказал:

— Нас трудно удивить, но открытие Меланжевого комбината — событие исключительное, даже в наши дни...

Да, это было действительно исключительное собы-

тие. Это был триумф рабочего класса, впервые расправившего свои плечи, триумф молодой Советской власти. Люди, самоотверженно трудившиеся над строительством текстильного гиганта и в небывало короткий срок построившие его, радостно поздравляли друг друга, полные гордости и счастья.

И когда окончился митинг, тысячи взволнованных людей устремились в просторные цехи, чтобы еще раз воочию убедиться в плодах своего героического труда.

Воцарилась торжественная тишина, когда прядильщицы, ткачи, отделочники взялись за пусковые рукоятки. И внезапно, в одну секунду, тысячи разнообразных механизмов наполнили гулом громадные корпуса. Первые килограммы белоснежного хлопка были заложены в аппараты непрерывного крашения, их подхватывали и отправляли дальше. В высоких просторных цехах, сверкавших чистотой, раздались ликующие возгласы: строители праздновали свою победу. Из рук в руки передавали они первые метры ткани, выработанной на сооруженном ими комбинате, и слезы радости, счастья катились по их утомленным лицам...

Поворот биографий

Задолго до пуска комбината руководители его задумались над проблемой кадров для этого гигантского предприятия. Да и стоило задуматься: нешуточное дело — поставить к машинам и станкам свыше 10 тысяч квалифицированных текстильщиков. Где их взять?

Ряд иваново-вознесенских фабрик спешно готовил для Меланжевого комбината ткачих, прядильщиков, помощников мастеров. Но этого, конечно, было далеко недостаточно. Выручили строители. Многие из них горячо полюбили свое детище, не захотели расстаться с ним. И они пошли на краткосрочные курсы — спешно переучиваться, чтобы получить текстильные специальности. Начался массовый поворот биографий. Во всех цехах и отделах развернулась подготовка кадров. Сотни неопытных, незнакомых с текстильным производством людей занимались в кружках техминимума, на различных курсах, постепенно овладевали знаниями по обслуживанию сложного оборудования.

Выше мы рассказывали о Дмитрие Кудряшове, который сменил строительную профессию штукатура на текстильную специальность ткача. Таких, как Кудряшов, были сотни, тысячи. С небывалым энтузиазмом брались они за новое дело. Нередко недостаток специальных знаний с успехом восполнялся кипучей энергией, горячим желанием во что бы то ни стало оседлать сложную технику. И дело пошло на лад. Вчерашние строители, люди, чувствовавшие себя полнейшими новичками в текстильном производстве, приступили к освоению программы, к достижению проектной производственной мощности.

Разумеется, недостаточная квалификация многих прядильщиков, ткачей, отделочников отражалась на выпуске продукции. За первый месяц и двадцать дней работы комбината прядильное производство, например, выпустило столько пряжи, сколько теперь вырабатывается менее, чем за сутки.

Рабочий класс страны Советов упорно трудился над осуществлением первой пятилетки. В эту всеобщую борьбу включился и коллектив комбината, за пятилетку в четыре года начали соревноваться и меланжисты, — так в городе стали называть теперь героев-строителей и рабочих комбината.

Для рабочих всех предприятий это очень сложная цель. Втрое сложнее она для меланжистов, которые только вводили комбинат в строй действующих. В самом деле в цехах и отделах шло упорное овладение техникой — такой техникой, какой не было ни на одной текстильной фабрике города.

Надо, кроме того, прямо признать и то, что техника эта сама по себе была чуть ли не экспериментальной, она имела массу недоработок, которые впоследствии следовало устранять. Маловеры — а их тогда было немало — говорили: легко сказать — пятилетку в четыре года; проектную мощность в таких условиях в несколько лет не освоишь.

Но сильные своей решимостью не отстать от героического рабочего класса страны меланжисты решили: пятилетка будет! И упорно преодолевая трудности, шли вперед. Менее чем через год были набраны необходимые темпы в работе и освоена проектная мощность комбината — свыше пяти тысяч кусков трико костюмного

и брючного, трико-диагонали, шевиота, «колумбии», сукна вигоневого — в день!

Это была, пожалуй, вторая по величине, после пусса, победа молодого коллектива.

Несколько цифр

Освоив проектную мощность, Меланжевый комбинат вошел в ряды лучших, крупнейших текстильных предприятий нашей страны. И никогда слава передового не покидала его.

В. И. Ленин учил: производительность труда это, в последнем счете, самое главное, самое важное для победы нового общественного строя. И меланжисты на протяжении почти трех десятилетий с неослабевающей энергией борются за повышение производительности труда. И, надо сказать, борются успешно. Наглядное подтверждение тому — несколько цифр, о которых здесь крайне необходимо упомянуть.

Есть в планово-производственном отделе комбината папка с простой надписью: «Динамика роста». Расскроем ее. Здесь — длинные колонки цифр. Возьмем некоторые из них, хотя бы, например, такие: в 1932 году комбинат выработал 26 миллионов 478 тысяч метров тканей. В 1940 году выработка достигла почти 36 миллионов, а к 1957 году она возросла до 48,5 миллиона метров!

Почти в два раза больше стал выпускать комбинат тканей, в два с лишним раза перекрыл он мощность, которую проектировали вначале ученые и инженеры!

Следующая колонка цифр дает еще более разительный пример неисчерпаемой энергии коллектива, дружно борющегося за подъем своего производства. Это — количество тканей, выработанных за пятилетки. Запомним эти цифры: в первой пятилетке комбинат дал стране 45,5 миллиона метров тканей, во второй — уже около 151 миллиона метров, а в пятой — 233 миллиона 798 тысяч метров! С 1929 по 1957 год выпущено 904 миллиона метров ткани. Из нее сшит 301 миллион мужских костюмов.

За 25 лет комбинат выработал такое количество тканей, которого достаточно для того, чтобы 18 раз обернуть земной шар.

Разве эти сухие, на первый взгляд, цифры, не звучат гимном свободному труду людей, не знающих предела своим возможностям!

Мы начали с производительности труда. Гигантская «динамика» роста выпуска тканей была бы невозможна без роста производительности труда. Но есть в папке планово-производственного отдела и таблица роста производительности труда.

В текстильном производстве для обозначения производительности труда существуют различные показатели: у прядильщиков это количество килономеров на тысячу веретен в час, у ткачей — число уточин, прибитых на станок в час, а у отделочников — количество выработанных метров на человека в час. Так вот, в 1932 году на каждого рабочего прядильной фабрики падало по 42,89 килономера на тысячу веретен в час, в 1957 году — 101,98. Ткачи в 1932 году прибывали по 6164 уточины на станок в час, а в 1957 — 23276 уточин. Каждый отделочник в 1932 году выдавал по 32 метра в час, в 1957 году по 74,68 метра.

Вдвое, втрое и даже вчетверо выросла за эти годы производительность труда ивановских меланжистов.

За счет чего же рабочие, инженеры, техники добились таких невиданных в текстильной промышленности темпов роста своего производства? Главное здесь, конечно, — трудовой подъем всего многотысячного коллектива. Но об этом ниже. Большое значение имело — да и сейчас имеет — систематическое совершенствование техники и технологии производства.

Большинство оборудования на комбинате сделано на наших советских заводах в период, когда отечественное машиностроение только еще начинало развиваться. Естественно, машины и станки были далеки от совершенства, имели, как уже отмечалось, много конструктивных недостатков. Инженеры комбината в процессе освоения и использования техники выявляли эти недостатки, устраняли их. Им на помощь пришли сотни талантливых изобретателей и рационализаторов, людей пытливой мысли.

На комбинате сейчас около 450 активнейших рационализаторов — людей самых различных специальностей, разной квалификации и образовательной подготовки. Среди новаторов производства — инженерно-тех-

нические работники: А. В. Стрижов, Н. А. Шубина, К. А. Докин, М. И. Кириллов; рядовые рабочие: Г. Г. Ершов, И. Г. Кирпичев и многие, многие другие. Эти люди и их товарищи по творческому труду во многом изменили первоначальный облик оборудования, заставили его делать такие вещи, о которых конструкторы — авторы этих машин и станков — наверно и не подзревали.

А в 1958 году меланжисты выступили с важным начинанием: планомерно, комплексно проводить модернизацию существующего оборудования, механизацию и автоматизацию производственных процессов. Теперь в каждую машину, в каждый станок новшества вносятся по плану, во время среднего и капитального ремонта. Инициатива меланжистов нашла широкое распространение среди текстильщиков области.

Совершенствование техники и технологии — очень важное условие, способствовавшее большим производственным победам коллектива меланжистов.

Росло производство меланжевых тканей, росла слава ивановских меланжистов. Эта слава перешагнула рубежи нашей Родины. В 1937 и 1938 годах комбинат участвовал во Всемирных Парижской и Нью-Йоркской текстильных промышленных выставках. Меланжевые ткани обращали на себя всеобщее внимание посетителей выставок красивыми расцветками и рисунками, добротностью изготовления. За это комбинат был дважды отмечен Выставочными комитетами.

Со своей продукцией Ивановский меланжевый комбинат ежегодно выступал на Всесоюзных смотрах текстильных изделий и неоднократно получал премии. А они действительно были хороши, меланжевые ткани! На комбинат часто приходят экскурсии, и почти ни одна из них не минует небольшой комнаты, расположенной в отделочной фабрике. На дверях этой комнаты нет никакой вывески, но ее здесь знает каждый. Это — образцовая. На высоких стеллажах хранятся куски ткани от самых первых образцов, выработанных еще в 1929 году, до созданных за последнее время. Это поистине сама история комбината — история трудового подвига его коллектива.

...На мирной советской земле взорвались первые фашистские бомбы. Бронированные гитлеровские полчища

ринулись на наши мирные города и села. Началась Великая Отечественная война.

Вместе со всей нашей страной суровый облик принял и Меланжевый комбинат. На стенах его цехов, отделов, в проходах и коридорах появились лозунги: «Все для фронта, все для победы над врагом!»

С первых же дней войны перед комбинатом, как и перед другими предприятиями страны, встала задача: перестроить всю работу на военный лад, все подчинить интересам фронта. Война вызвала большие трудности. Пряжильщикам, например, пришлось приспособляться к переработке более разнородного по ассортименту хлопка. Механики-тепловики перевели котельную на местное топливо. Красильщики ввели много заменителей, отказавшись от использования остро дефицитных материалов.

Лучшие люди комбината ушли на фронт. Проводив мужей, братьев, работницы-патриотки стали овладевать мужскими профессиями. Первой начала трудиться помощником ткацкого мастера Клавдия Карева. Вслед за ней помастерские ключи уверенно взяла в руки Евдокия Смирнова. А потом 163 женщины стали помощниками мастеров. Около 50 меланжисток освоили тяжелую мужскую профессию шлихтовальщика, 62 стали работать трепальщиками. На комбинате были организованы 181 фронтовая бригада, из них 77 — комсомольско-молодежные. По итогам соревнования молодежная бригада Ели Зуйковой заняла второе место в стране.

Нет, не ослабло в эти суровые дни напряжение в труде меланжистов, не снизились темпы роста продукции, не померкла слава комбината — первенца пятилеток! За самоотверженный труд меланжисты были удостоены Красного Знамени Государственного Комитета Обороны — высшей награды военного времени.

Но вот отгремела война. Миллионы солдат вернулись к мирному созидательному труду. Многих своих славных сынов не досчитался коллектив меланжистов в те дни. Погиб Василий Леженин, который строил комбинат и потом работал на нем. Сложил свою голову лучший электрик Александр Сапогов... Однако вернувшиеся кадровики-меланжисты с утроенной энергией включились в работу. В первые же мирные дни были проведены большие мероприятия по расширению хлопкокра-

сильного и восстановлению пряжекрасильного отделов. Это позволило увеличить выпуск продукции.

Страна приступала к осуществлению первой послевоенной пятилетки. За досрочное выполнение пятилетнего плана стал соревноваться и коллектив меланжистов. Инициатором этого соревнования выступила знатная ткачиха области Зоя Романовна Ефимова.

...В конце короткого декабрьского дня 1930 года к секретарю комсомольской ячейки комбината пришла небольшая ростом застенчивая девушка и робко спросила:

— На комсомольский учет здесь можно встать?

Секретарь подробно расспросил девушку: кто, откуда, кем хочет работать. Это была Зоя Ефимова. Она поступила ученицей ткачихи. Деревенской девушке, никогда не видавшей никаких механизмов, было трудно осваивать сложную технику. Но трудности не одолели ее. Зоя с достойным удивления упорством добивалась своего. И через год она стала ткачихой на двенадцати станках-автоматах. Потом комсомолка Ефимова вступила в партию. К тому времени она уже была известна меланжистам своими замечательными производственными победами.

В апреле 1946 года Зоя Ефимова через газету «Известия» бросила всем текстильщикам страны клич: «Начнем соревноваться за досрочное выполнение послевоенной пятилетки!» Она обязалась завершить свое пятилетнее задание за 33 месяца. Слово прославленной ткачихи было твердым: 9 сентября 1948 года Зоя Романовна Ефимова сдала последние метры ткани в счет пятилетнего задания.

Однако в первом году послевоенной пятилетки комбинат в целом работал неудовлетворительно, он не справился с государственным планом. Это объяснялось главным образом тем, что оборудование было в плохом техническом состоянии, многие рабочие, пришедшие в цехи в годы войны, имели низкую квалификацию.

На помощь меланжистам пришла партия. В октябре 1946 года было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О работе партийных комитетов Ивановского меланжевого, Глуховского хлопчатобумажного и Ташкентского текстильного комбинатов». Это была большая помощь. Постановление ЦК партии помогло в корне улучшить не только партийно-политическую работу, но

В библиотеке комбината.

и работу всего предприятия. И в 1947 году комбинат вышел из прорыва. В этом году он дважды завоевывал вторые места, шесть раз — третьи во Всесоюзном социалистическом соревновании и четыре раза держал у себя переходящее Красное Знамя областного комитета партии. А с 1 апреля 1948 года по 1 января 1949 года на комбинате находилось переходящее Красное Знамя Совета Министров СССР: в течение девяти месяцев коллектив занимал первое место во Всесоюзном соревновании текстильщиков.

«Мы — меланжисты!»

Каждый день тысячи мужчин и женщин входят в цехи и отделы Меланжевого комбината. Это — его хозяева, создатели его большой немеркнувшей славы. Люди — главное богатство текстильного гиганта, его гордость.

Около трех десятилетий комбинат одевает страну своими замечательными тканями. За это время здесь выросло несколько поколений героев труда, тех, кто безгранично любит свое предприятие, свою профессию текстищика.

Четыре года назад меланжисты торжественно отмечали двадцатипятилетие своего комбината. И многие из участников этих торжеств с гордостью носили на груди кусочки красной материи с выведенным на ней словом «Юбиляр». Это те, кто трудился на предприятии со дня его пуска.

Скромное, но имеющее большой смысл отличие носил в те дни на лацкане своего пиджака Дмитрий Владимирович Кудряшов — в прошлом крестьянский парнишка, потом строитель, а ныне — руководитель передового на комбинате ткацкого цеха.

Сейчас уже немного осталось на предприятии представителей этой старой гвардии. Одни ушли на пенсию, другие стали крупными работниками партии, выдающимися хозяйственниками. Но оставшиеся пользуются у младших поколений меланжистов большим уважением, вызывают доброе стремление к подражанию.

Николай Леонтьевич Холоднов перешагнул порог прядильного цеха, когда только что было закончено сооружение корпуса и начиналась установка оборудования.

— Никакой специальности у меня нет, — отвечал Холоднов на вопросы руководителей. И твердо добавлял: — Но готов на любую работу.

Такие вот люди — сильные в своем стремлении к поставленной цели, в желании принести комбинату какую-то помощь, влить частицу своего труда в общий труд коллектива, — такие люди тогда были очень нужны. Николай Леонтьевич подносил монтажникам детали, следил за действиями их проворных рук, учился. Потом — повышение: стал смазчиком. Между делом изучал правила наладки машин. В 1930 году стал помощником мастера, руководителем передовой бригады. Девять лет держал он первенство в соревновании, много занимался самообразованием, повышал квалификацию. И стал мастером.

Сердцем предприятия называют электроотдел. Он обеспечивает энергией тысячи машин и станков, имеющих на комбинате. И здесь, в электроотделе, каждый видит небольшую фигуру Александра Васильевича Кочова. В 1928 году он был разнорабочим на стройке, а теперь — заместитель начальника электроотдела, руководитель большого и сложного энергетического хозяйства.

От рядового рабочего до заместителя заведующего ткацким производством комбината — таков путь роста Михаила Ивановича Кириллова — автора широко известной книги по хлопчаткачеству, послужившей учебником многим начинающим специалистам. Со дня пуска комбината трудятся здесь, получив высокую квалификацию, помощники мастера — тростильного отдела В. М. Веселовская, прядильного — Г. А. Капустина, ткацкого — Л. В. Дроздов. Здесь выросли и получили большую трудовую закалку начальник чесального цеха А. В. Стрижов, ремонтный мастер А. Т. Потехин. Почти три десятилетия зорко охраняет финансовые и материальные богатства комбината его главный бухгалтер В. С. Константинов.

Всех этих людей на предприятии любовно называют старой гвардией, хотя многие из них еще далеко не старики по возрасту. А рядом с ними — гвардия молодая, энергичная, боевая, бережно принявшая трудовую эстафету у ветеранов.

Около пяти лет тому назад помощник мастера Анна

Васильевна Кучерова и бригадир ремонтников Михаил Андреевич Александров во всеуслышание заявили: довольно делить оборудование на «мое» и «твое», все — и эксплуатационники и ремонтники — кровно заинтересованы в бесперебойной, четкой работе машин! Поэтому необходимо творческое содружество между работниками ремонта и эксплуатации. Их почин был горячо поддержан не только в текстильной промышленности. М. А. Александров ездил передавать свой опыт нашим большим друзьям — китайским текстильщикам. Один из инициаторов этого движения — Анна Васильевна Кучерова — была депутатом Верховного Совета СССР четвертого созыва.

В годы Великой Отечественной войны пятнадцатилетним подростком пришел на комбинат Николай Харитонов и стал помощником ткацкого мастера. В военные и послевоенные годы это было одно из самых популярных имен не только на комбинате, но и во всей области. Недавно Николай Харитонов уехал осваивать новейшее оборудование на вступающем в строй Херсонском комбинате.

Да, много замечательных тружеников вырастил Меланжевый комбинат! И сейчас уже новые поколения растут в его героическом коллективе. Сотни юношей и девушек — выпускников и теперешних воспитанников школы ФЗУ, имеющейся при комбинате, с нескрываемой гордостью во всеуслышание заявляют:

— Мы — меланжисты!

Высокое, почетное это звание — быть меланжистом!

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
<i>В. Кузнецова.</i> Одна из старейших.	5
<i>Н. Лобко.</i> Имени рабочего Ф. Зиновьева.	20
<i>В. Панкратова.</i> Кировцы.	49
<i>А. Туголуков.</i> Имени Самойлова.	62
<i>В. Куликов.</i> Бывшая Гандуринская.	80
<i>Т. Лешуков.</i> Большая Ивановская.	89
<i>В. Анужис.</i> Имени Балашова.	115
<i>К. Владимиров.</i> На высоких скоростях.	134
<i>В. Кедрин.</i> Новая Ивановская.	149
<i>В. Герасимов.</i> Первая советская.	163
<i>П. Иванов.</i> На Талке.	185
<i>С. Яковлев.</i> Меланжевый.	214

НАШИ ФАБРИКИ

Редактор *П. П. Иванов*
Художник *И. А. Мальков*
Художественный редактор
В. А. Орлов
Технический редактор
А. И. Панкратов
Корректоры *Н. А. Смирнова,*
В. П. Катышкина.

Сдано в набор 7/VIII—1958 года.
Подписано к печати /XI—1958 года.
Бумага 84×102¹/₃₂—7,5 печ. л.,
12,30 усл. печ. л., 11,25 уч-изд. л.
Тираж 5000 экз. КЕ 04717

Ивановская областная типография,
г. Иваново, Типографская, 6.
Заказ № 3215
Цена 3 руб. 65 коп.
Переплет 1 руб.

**ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ
ИВАНОВСКОГО
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА**

А. В. Кулигин. Новая техника и технология в ткацком производстве. 1956 г. 301 стр. Цена 6 руб. 30 коп.

В. М. Рыбакова. Технология шлихтования хлопчатобумажной пряжи. 1957 г. 161 стр. Цена 5 руб. 10 коп.

А. К. Киселев, И. С. Розенсон, Новая техника хлопкопрядильного производства. 1958 г. 171 стр. Цена 5 руб. 20 коп.

Ф. Ф. Васильев. Строение и качество тканей. 1958 г. 117 стр. Цена 2 руб. 85 коп.

Н. Д. Лебедев. Снижение обрывности на прядильных машинах. 1958 г. 56 стр. Цена 1 руб. 35 коп.

И. Д. Золкин. Пути снижения себестоимости текстильной продукции. 1958 г. 87 стр. Цена 2 руб. 30 коп.

**КНИГИ ПРОДАЮТСЯ В МАГАЗИНАХ, КИОСКАХ
ОБЛКНИГОТОРГА И ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ
НА ТЕРРИТОРИИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ
ИВАНОВСКОГО
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА**

П. М. Экземплярский. История города Иванова. Часть 1. Дооктябрьский период. 1958 г. 396 стр. Цена 7 руб.

Партийный архив Ивановского обкома КПСС. Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации. 1900—1917 гг. 1957 г. 347 стр. Цена 4 руб. 50 коп.

Коллектив авторов. Улицы нашего города. 1957 г. 108 стр. Цена 1 руб. 60 коп.

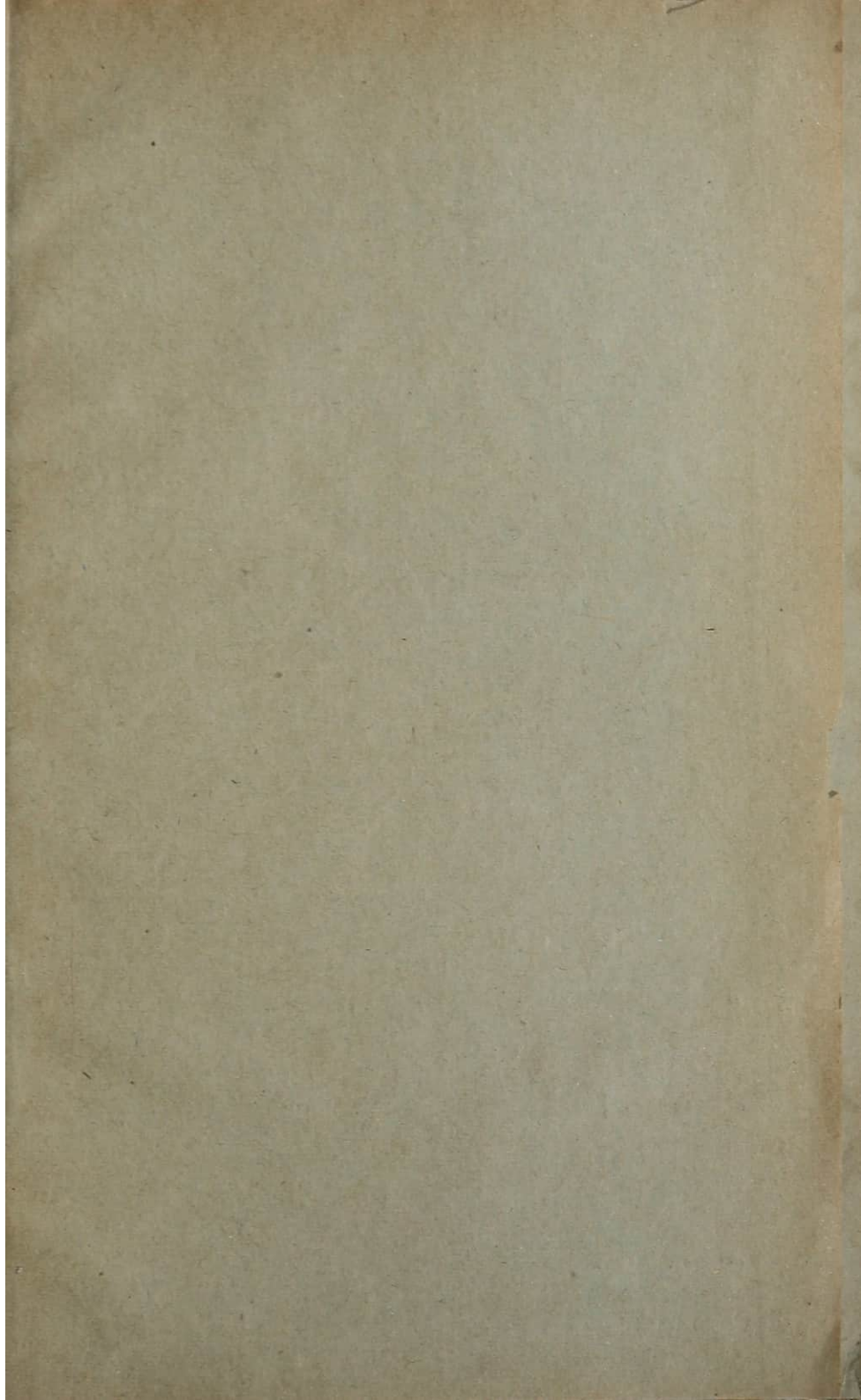
Галкин В. А. Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе в конце XIX — начале XX вв. 1956 г. 87 стр. Цена 1 руб. 05 коп.

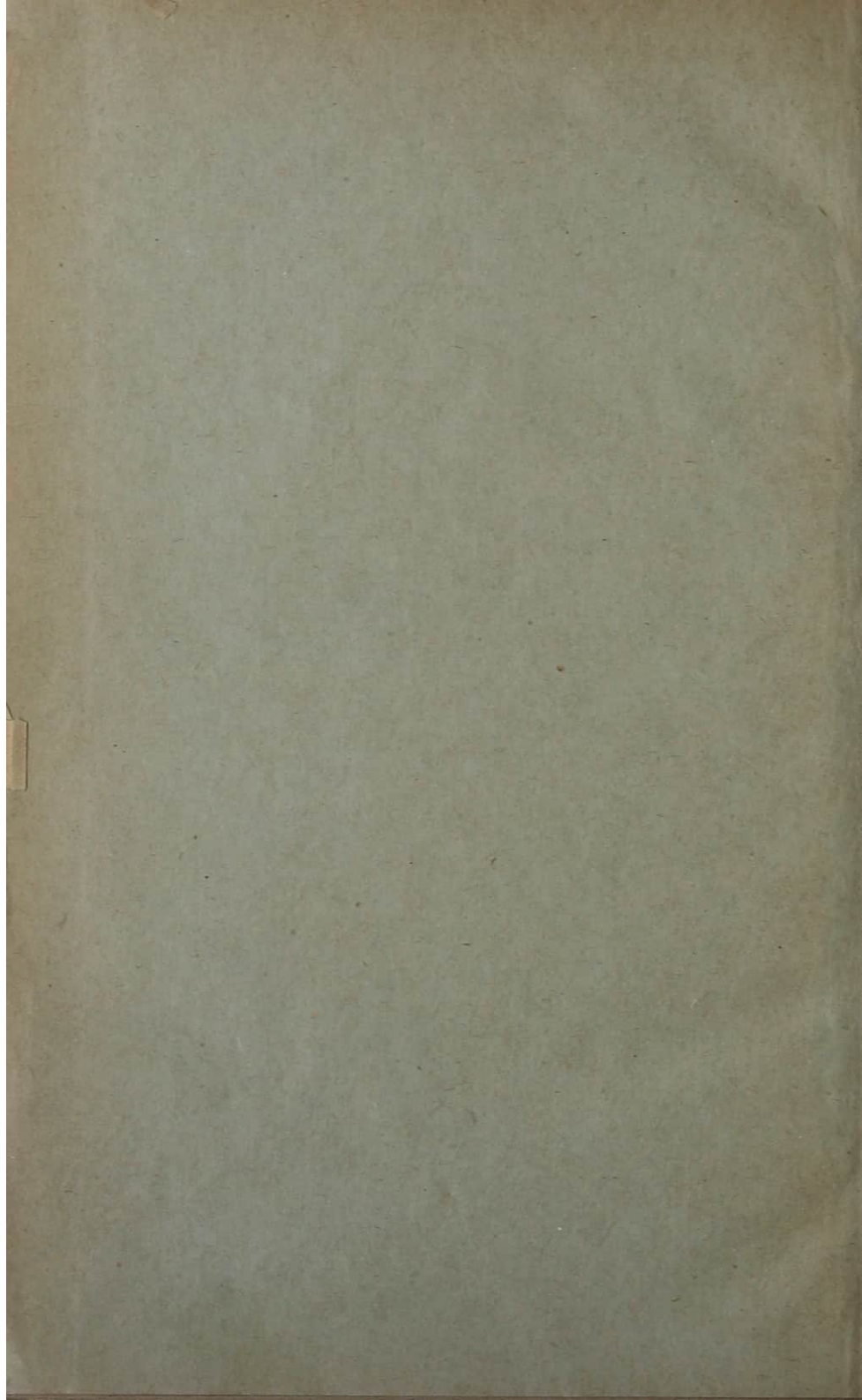
И. Н. Кириллов, Ф. Г. Паначин. Подвиг большевика. 1957 г. 198 стр. Цена 3 руб. 45 коп.

Коллектив авторов. Молодые хозяйева земли. Воспоминания и очерки. 1958 г. 298 стр. Цена 6 руб. 75 коп.

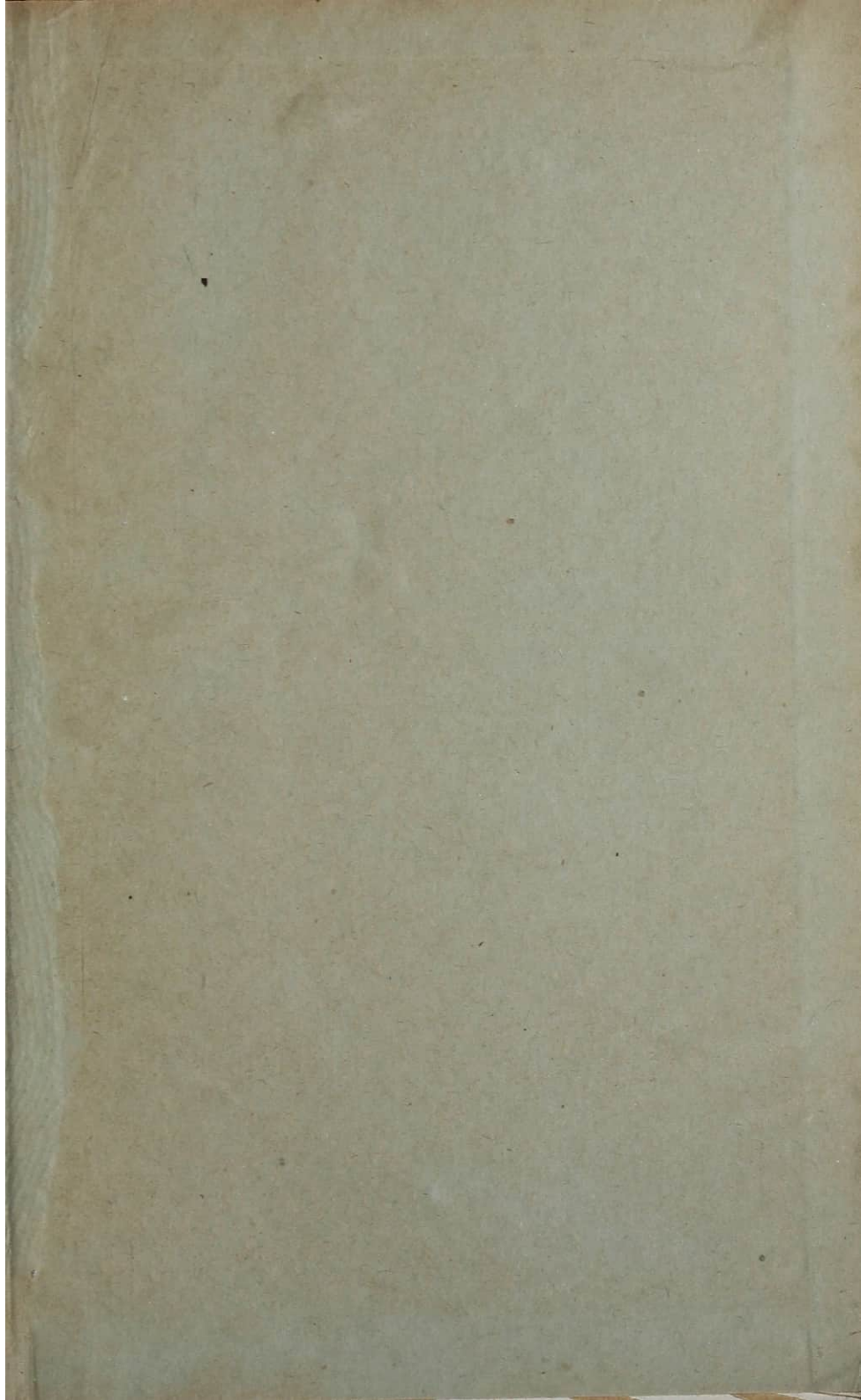
**КНИГИ ПРОДАЮТСЯ В МАГАЗИНАХ, КИОСКАХ
ОБЛКНИГОТОРГА И ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ
НА ТЕРРИТОРИИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

492014

4 р. 65 к.

Ивановское книжное издательство
1958

